

Жизнь и труды Томаса Р. Мальтуса

Чарльз Р. Драйсдейл

THE
Life and Writings
OF
THOMAS R. MALTHUS

BY
CHAS. R. DRYSDALE, M.D.

The cover image was created by the transcriber and is placed in the public domain.
<https://www.pgdp.net>

Электронная книга проекта "Гутенберг" о жизни и трудах Томаса Р. Мальтуса

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Жизнь и труды Томаса Р. Мальтуса

Автор: Чарльз Р. Драйсдейл

Дата выхода: 29 сентября 2019 [Электронная книга № 60378]

Последнее обновление: 17 октября 2024

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Ричардом Тонсингом и командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net> (Этот файл создан на основе изображений, щедро предоставленных интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ТОМАСА Р. МАЛЬТУСА" ***

Примечание переписчика:

Изображение на обложке создано автором и находится в общественном достоянии.

Жизнь и труды ТОМАСА Р. МАЛЬТУСА

АВТОР Ч. Р. ДРАЙСДЕЙЛ, доктор медицины

Лондон:

География. Стэндринг, Финсбери-стрит, 7 и 9, Е.С.

Второе издание.-1892.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ТОМАСА Р. МАЛЬТУСА.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ "ЭССЕ О ПРИНЦИПЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ".

ГЛАВА III. О СДЕРЖИВАНИИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ У ДРЕВНИХ ГРЕКОВ И РИМЛЯН.

ГЛАВА IV. ПРОВЕРКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ.

ГЛАВА V. О ПРОВЕРКАХ НАСЕЛЕНИЯ ВО ФРАНЦИИ.

ГЛАВА VI. О ЧЕКАХ НАСЕЛЕНИЮ АНГЛИИ, ШОТЛАНДИИ И ИРЛАНДИИ.

ГЛАВА VII. ОТДЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ.

ГЛАВА IX. О ЗАКОНАХ О БЕДНЫХ.

ГЛАВА X. БОГАТСТВО Как ОНО ВЛИЯЕТ НА БЕДНЫХ.

ГЛАВА XI.

ГЛАВА XII.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

С 1877 года, когда лорд-верховный судья Англии, выступая перед присяжными, объявил открытие Мальтуса неопровержимой истиной, появилось огромное количество литературы по демографическому вопросу. Вывод, к которому пришли многие из новейших авторов, согласуется с емким выражением Джона Стюарта Милля, где он говорит: "Каждый имеет право на жизнь. Будем считать, что это само собой разумеющееся. Но никто не имеет права приводить детей в жизнь для того, чтобы их поддерживали другие люди. Тот, кто хочет отстаивать первое из этих прав, должен отказаться от всяких притязаний на последнее". Мистер Коттер Морисон, выдающийся писатель, говорит в своей работе, озаглавленной "Служение человеку": "Преступность рождения детей, которых человек не имеет разумной вероятности сохранить, со временем должна быть рассмотрена в ее истинном свете, как одно из самых антиобщественных и эгоистичных действий, на которые способен современный человек. Если бы только можно было остановить разрушительный поток детей на несколько лет, это принесло бы несказанное облегчение". Сэр Уильям Виндейер из Нового Южного Уэльса в решении, вынесенном в 1888 году по поводу мальтузианской работы, говорит: "Бесполезно проповедовать массам необходимость отсроченного брака и безбрачной жизни в период расцвета страсти.... Использовать, а не злоупотреблять, направлять и контролировать в своем действии любую данную Богом способность - вот истинная цель человека, истинный объект всякой морали". Преподобный мистер Уатэм в брошюре, озаглавленной "неомальтузианство",

говорит: "Долгом каждого вдумчивого мужчины и женщины становится разработать какой-нибудь план, чтобы остановить или хотя бы сдержать эту надвигающуюся волну опустошения; и единственный план, на мой взгляд, который вообще осуществим, - это искусственное предотвращение деторождения". Профессор Мантегацца, сенатор Италии, в своей книге "Элементы гигиены" обращается к тем, кто страдает наследственными заболеваниями: "Любите, но не заводите детей". Преподобный мистер Хавейс говорит крылатыми словами: "Перенаселение - одна из проблем нашего времени. Старое благословение 'расти и размножаться', подходящее для малонаселенной страны, стало великим проклятием наших перенаселенных центров". М-р Монтегю Куксон говорит: "Ограничение семьи - такая же обязанность состоящих в браке людей, как соблюдение целомудрия - обязанность тех, кто остается неженатым". Профессор Хаксли, епископ Манчестера, мистер Леонард Кортни, доктор Уильям Огл и архиепископ Кентерберийский - все они недавно подтвердили истинность мальтузианского закона народонаселения, который, как справедливо заметил мистер Элли Финч, "является, наряду с ньютоновским законом всемирного тяготения, самым важным открытием, когда-либо сделанным".

ЧАРЛЬЗ Р. ДРАЙСДЕЙЛ, доктор медицины

Сэквилл-стрит, 23, Пикадилли, Лондон, W.

Октябрь 1892 года.

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ТОМАСА Р. МАЛЬТУСА.

За последние два года в судах было много сказано о мальтузианском принципе народонаселения. Лорд Главный судья Англии заявил, что это неопровержимая истина, и что все стороны, изучавшие подобные вопросы, знают со времен преподобного Т. Р. Мальтуса, что главной причиной бедности является тенденция к увеличению численности населения быстрее, чем сельское хозяйство может обеспечить продовольствие. И все же у нас есть серьезные сомнения в том, знает ли один из тысячи жителей Британских островов, кем был мистер Мальтус, и был ли он вообще римлянином или гражданином современной Европы. Поэтому, мы убеждены, очень важно сообщить его соотечественникам, что Томас Роберт Мальтус был англичанином; что он был жителем 19 века; и что большую часть своей жизни он прожил в окрестностях Лондона.

Томас Роберт Мальтус родился в Лежбище, недалеко от Доркинга, в графстве Суррей, в 1766 году. Тем, кто интересуется этим вопросом, не мешало бы совершить паломничество, как это сделали мы, к романтическому месту рождения первооткрывателя закона народонаселения, величайшего (если измерять открытия по их влиянию на человеческое счастье) из когда-либо сделанных. Отец Мальтуса был способным человеком, другом и корреспондентом благородного

и несчастного Ж.-Ж. Руссо и одним из его душеприказчиков. Томас Роберт был его вторым сыном и в детстве проявил такие способности, что отец держал его дома и сам следил за его образованием. Сын оплатил отцу за заботу и пробудил в нем тот дух независимости и любви к истине, которые впоследствии всегда были отличительными чертами его ума. Помимо отца, у него было два наставника, оба гениальные люди — Ричард Грейвс и Гилберт Уэйкфилд — первый автор “Духовного дон Кихота”, второй корреспондент Фокс и хорошо известный в свое время как яростный писатель-демократ и политик.

В 1784 году, когда ему было 22 года, Т. Р. Мальтус поступил в Кембридж, а в 1797 году стал членом колледжа Иисуса. После этого он принял сан и некоторое время служил в небольшом приходе недалеко от дома своего отца в Суррее. В 1798 году появилась его первая печатная работа, которую можно увидеть в Британском музее. Она озаглавлена “Эссе о принципе народонаселения, поскольку он влияет на будущее улучшение общества; с замечаниями о рассуждениях мистера Годвина, мистера Кондорсе и других писателей”.

Автор Британской энциклопедии, у которого взяты эти подробности жизни Мальтуса, сообщает нам, что книга была воспринята с некоторым удивлением и вызвала значительное внимание, поскольку представляла собой попытку опровергнуть господствующую теорию политического оптимизма и опровергнуть на основе философских принципов столь популярные в то время рассуждения о возможности неограниченного совершенствования человеческих институтов. В этом замечательном эссе был ясно изложен общий принцип народонаселения, который Уоллес, Юм и другие очень отчетливо изложили до него, хотя и не предвидя последствий, которые из него можно было бы вывести; и некоторые из важных выводов, к которым это приводит в отношении вероятного улучшения человеческого общества, были также изложены и объяснены; но его иллюстраций было недостаточно, и поэтому он искал в путешествиях дальнейшего подтверждения своих теорий.

В 1799 году он посетил Норвегию, Швецию и Россию, а после заключения Амьенского мира - Францию; в этих странах он усердно собирал все данные, которые могли иметь отношение к его исследованиям. В 1815 году он был назначен профессором политической экономии и современной истории в Хейлибери, недалеко от Лондона, и эту кафедру он занимал до своей смерти в 1834 году, в возрасте 70 лет. Он оставил после себя одного сына и одну дочь. Мы полагаем, что сын все еще жив, или был жив несколько лет назад.

Приведенный м-ром Мальтусом отчет о том, как он открыл закон народонаселения, имеет отношение именно к этому. Его отец, мистер Дэниел Мальтус, человек романтического и несколько сангвинического характера, горячо поддерживал доктрины великих писателей Кондорсе и Годвина о возможности совершенствования человека, которым здравый смысл сына всегда противодействовал; и когда они очень часто обсуждали эту тему, а сын всегда возражал против взглядов Годвина из-за тенденции увеличения численности населения быстрее, чем средства к существованию, отец попросил его изложить в письменном виде свои взгляды на этот счет. Результатом стало Эссе о народонаселении, и его отец был настолько поражен ценностью аргументов, что порекомендовал сыну опубликовать его.

В первом издании этой работы он в основном рассматривает взгляды Кондорсе и Годвина; но по его возвращении с Континента, где он собрал достаточно материалов, положение и перспективы бедных стали характерными чертами второго издания, вышедшего в двух томах в 1805 году.

Последние годы жизни мистера Мальтуса прошли в кругу его семьи, при исполнении его профессиональных и профессорских обязанностей и при редактировании различных изданий его работы и других трактатов по политической экономии. По мере того, как становились известны взгляды, изложенные в его Эссе о народонаселении, его слава росла.

Большинствогосударственных деятелей его времени и все выдающиеся политические экономисты Великобритании разделяли его взгляды; и таким образом был подготовлен путь к принятию лучшей системы помощи бедным по закону, чем та, которая в то время разоряла Англию. На Континенте, да и вообще везде, где развивалась наука, его взгляды были приняты ведущими авторами по политической экономии. Он был избран членом самых выдающихся научных обществ за рубежом, таких как Институт Франции и Королевская академия Берлина. На родине он основал Клуб политической экономии и Статистическое общество.

В других областях политической экономии Мальтус был выдающимся писателем. Вместе с доктором Уэстом он был сторонником теории ренты, впервые выдвинутой, кажется, шотландцем доктором Андерсоном, современником Адама Смита. Рикардо, выдающийся политический экономист, признал свои глубокие обязательства перед Мальтусом за его изложение этой теории.

Великий Принцип народонаселения был тщательно изучен и принят как великолепное открытие выдающимися умами всех стран после смерти первооткрывателя в 1834 году. Сказать, что два Милля, Рикардо-старший, Кэрнс, Александр Бэйн, Гарнье, Бертильон, Фосетт, Уильям Эллис и Уильям Хантер, считают его аксиомой, значит сказать, что его истинность была полностью доказана самыми способными мыслителями в области социальных наук и политической экономии, которых породили это и другие европейские государства.

До времен Мальтуса человечество почти повсеместно верило в то, что богатство страны пропорционально ее населению. Государственные деятели, поэты и филантропы были постоянны в своих усилиях обеспечить как можно более быстрое умножение числа граждан: и вплоть до публикации егоэссе - более того, еще долгое время после этого события - во многих европейских государствах правительство имело обычай присуждать премии тем родителям, которые родили и воспитали более чем в среднем многодетную семью. Такой закон, действительно, был отменен на Сардинии около 25 лет назад.

Мистер Мальтус ясно разоблачил ошибочность такого учения. Он показал, что такова огромная сила увеличения численности человеческой семьи, что, вероятно, при достаточном изобилии пищи население могло бы удвоиться примерно за пятнадцать лет или даже меньше. С невероятным усердием он читал и изучал древнюю историю и статистику европейских стран и их колоний в поисках подтверждения своей теории. Он обнаружил, например, что после сильных эпидемий, которые время от времени опустошали европейские государства, выжившее население было настолько хорошо накормлено и обеспечено жильем, что оно могло восполнить пробелы, оставшиеся после смерти, обычно за считанные годы — в некоторых случаях за двадцать лет.

Обращаясь к колониям Великобритании в Соединенных Штатах, Мальтус подтвердил то, что отметил великий пионер всего прогресса в политической экономии Адам Смит, а именно, что количество колонистов в этих Штатах удвоилось с момента их заселения в некоторых случаях значительно менее чем за двадцать пять лет, без учета какой-либо новой иммиграции. В статье в "Британской энциклопедии", написанной Мальтусом, он наиболее точно приводит цифры

удвоения населения Соединенных Штатов с 1790 по 1820 год; и показывает на основе статистических данных, что в этот период из Европы прибыло очень мало иммигрантов. Принимая во внимание контингент такой иммиграции, Мальтус показал, что с 1790 по 1815 год население Штатов увеличилось более чем вдвое. Отсюда он пришел к следующему выражению: “Население, если его не контролировать, продолжает удваиваться каждые двадцать пять лет или увеличивается в геометрической прогрессии”.

Далее он показывает, что количество сельскохозяйственной продукции, пригодной для питания человека, имеет тенденцию увеличиваться гораздо медленнее, чем мог бы увеличить человек. Это было названо “законом роста сельскохозяйственного производства”, и его очень легко понять, взяв пример. Допустим, что среднее количество пшеницы, которое в настоящее время можно вырастить на акре земли в Англии, составляет тридцать бушелей. Было бы совершенно невозможно предположить, что за 25 лет можно было бы произвести 60 бушелей с акра; за 50 лет - 120 бушелей и так далее. Принимая во внимание, что тенденция удвоения численности населения за период от 12 до 25 лет достаточно очевидна, если вспомнить, что человеческая самка начинает быть способной к размножению примерно в пятнадцать лет и продолжает так до сорока пяти в этом климате. Если бы европейские женщины выходили замуж так же рано, как индустки, была бы возможность удвоения населения примерно за пятнадцать лет, если не раньше, при наличии продовольствия.

Г-н Мальтус внимательно изучил статистику европейских стран, когда писал в 1805 году. До начала нынешнего столетия он обнаружил, что время, необходимое для удвоения населения Европы, часто составляло около пятисот лет. Это замечание было предвосхищено Адамом Смитом, у которого были все материалы, если бы он достаточно поразмыслил над ними, чтобы точно ответить на вопрос о численности населения, поскольку он также был знаком с быстрым удвоением численности цивилизованных народов, когда они переселялись в новые и плодородные колонии, такие как Соединенные Штаты. Таким образом, вот к какому выводу пришел Мальтус, который совершенно очевиден, когда его четко сформулировать. Всякий раз, когда численность населения в Европе или где-либо еще не удваивается так быстро, как в новых странах, это необходимо тем или иным образом сдерживать. Идя немного дальше, он добавляет, что это должно быть проверено либо меньшим количеством рождений, либо большим числом смертей. Все, что приводит к уменьшению числа рождений, Мальтус относит к *профилактическим проверкам* населения: все, что приводит к большему числу смертей, - к *положительным проверкам*.

Его путешествия по Европе были в основном направлены на выяснение того, какой вид проверки распространен в каждом европейском государстве. В древние времена он видел, что положительные проверки населения повсеместно широко преобладали. Эпидемии и голод, войны и детоубийства были сдерживающими факторами в Греции и Риме, как сейчас в Китае и Индостане. В Европе того времени все эти положительные проверки существовали, правда, в значительно уменьшенных пропорциях, но все же они были далеко не неизвестны. Однако чрезвычайная распространенность безбрачия поразила его во всех цивилизованных государствах Европы, которые он тогда посетил. Он заметил, что во многих частях Континента, где уровень смертности был ниже, чем где бы то ни было, женщины выходили замуж очень поздно. В одном кантоне Швейцарии, где комфорт и долголетие были наиболее заметны, Мальтус, наведя справки, обнаружил, что у старых дев был обычай откладывать день своей свадьбы намного позже тридцатилетнего возраста. С другой стороны, везде, где браки

заклучались рано, а рождаемость была высокой, в ходе расследования он обнаружил, что уровень смертности также был выше среднего.

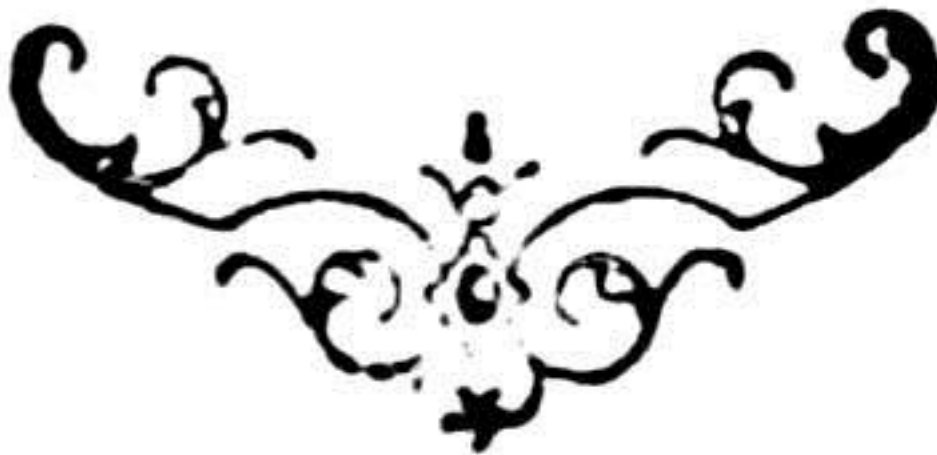
Исходя из своего опыта, он пришел к выводу, что ранние браки, как правило, неизбежно приводят к бедности и положительным ограничениям численности населения; и, следовательно, в своих практических принципах улучшения положения беднейших классов он рассчитывал исключительно на соблюдение того безбрачия, которое, как он обнаружил, так часто сопровождалось долгой жизнью и материальным комфортом.

Если бы мистер Мальтус жил в этот момент, он был бы осведомлен о том замечательном факте, что французское крестьянство наших дней просто на основании опыта и без какой-либо теории ознакомилось с результатами его исследований, а именно, что быстрый рост рождаемости неизбежно ведет к бедности и ранней смерти. Цитируя самого знаменитого французского государственного деятеля Мориса Блока, городские артизаны и крестьяне-собственники целых округов Франции привыкли ограничивать размер своих семей двумя детьми; и таким образом, хотя Франция наиболее известна по количеству супружеских пар среди всех европейских государств, это также страна во всей Европе, которая наименее быстро увеличивает свое население. Таким образом, Мальтус, будь он жив, установил бы, что ограничением численности населения во Франции является не безбрачие, *а добровольное ограничение семей* в среде супружеского и наиболее нравственного домашнего сообщества. Мы можем быть уверены, что великий филантроп, столь известный своим очаровательным характером и дружелюбием, не мог не отдать, вместе с Дж. С. Миллем, Гарнье и Сисмонди, предпочтение современным французским чекам для населения перед всеми другими.

В заключение этой главы мы хотели бы сослаться на несколько дополнительных биографических обстоятельств жизни Мальтуса. Они были предоставлены мистером Робертом Портером из Бистона, Ноттс, джентльменом, хорошо известным как поклонник великого первооткрывателя и как выразитель его взглядов. "Преподобный Генри Мальтус, " пишет м-р Портер в феврале 1879 года, "единственный сын Томаса Роберта Мальтуса, живет в Эффингеме. Единственная дочь, Эмили, некоторое время назад жила на вилле Батвик Хилл, Бат. Она вышла замуж за капитана Прингла. У меня есть много писем от нее, а также от ее матери, которая жила с ней в 1862 году, когда ей было 86 лет, когда она сделала фотографию с семейного портрета и прислала мне с обрывком его почерка мисс. Я посылаю вам это, чтобы вы посмотрели и внимательно прочитали. Я написал миссис Прингл о мемуарах ее отца "Политическая экономия", сказав, что в них много от мистера Дэниела Мальтуса, но ничего о его матери, от которой, как я думал, мистер Мальтус унаследовал свои лучшие качества. В письме 3 вы увидите ответ, и я думаю, вам будет интересно его прочитать. Доктор Андерсон действительно *открыл* Закон ренты, как вы можете видеть в т. 6 "Пчелы", стр. 292-300.-1791."

Информация, предоставленная миссис Прингл и упомянутая в вышеупомянутом письме мистеру Роберту Портеру, заключается в следующем. Сославшись на наставления мистера Эллиса в "Друге народа", написанном примерно в 1860 году, она говорит о внешности своего отца следующим образом: "Сходство (присланная фотография) превосходное, и чтобы вы могли составить полное представление о его внешности, я должна сказать вам, что у него был светлый цвет лица, светлые вьющиеся волосы, рыжие бакенбарды и яркие темно-голубые глаза. Его рост составлял пять футов одиннадцать дюймов, и у него была очень хорошо сложенная фигура. Другая внучка миссис Мальтус, мать Томаса Роберта, говорит, что Дэниел Мальтус, отец, хотя и

был утонченным, был эгоистичным человеком. Его жена была предана ему и, хотя не была *талантливой* женщиной, была образованной и воспитывала собственную дочь без гувернантки. Все ее дети были ей преданы, особенно старший сын. Томас Роберт, возможно, был больше привязан к своему отцу; но дружелюбие матери передалось и ему, поскольку никто не знал, что он сказал о ком-либо грубое слово, хотя, возможно, подвергался таким нападкам, каким никогда не подвергался ни один писатель. Похоже, что Мальтус умер не от болезни сердца, а от бронхита. Девичья фамилия его матери была Грэм, и она происходила из старинного шотландского рода. Вот одно предложение, описывающее ее характер: “Короче говоря, я представляю ее нежной, ненавязчивой, любящей, романтической и совершенно бескорыстной; но не такой человек, который сформировал бы характеры ее сыновей, хотя и привлек их внимание”.

ГЛАВА II. АНАЛИЗ "ЭССЕ О ПРИНЦИПЕ НАРОДОНАСЕЛЕНИЯ".

В настоящее время, по-видимому, сравнительно немногие изучающие политическую экономию читают знаменитое эссе Мальтуса в оригинале. Это, по нашему мнению, большая ошибка. Эта работа и сейчас так же читаема, как и тогда, когда привлекла столь заслуженное внимание в начале нынешнего столетия; а статистические данные, приведенные ученым автором, становятся еще более ценными, чем когда-либо, благодаря важным дополнениям, внесенным в них в последние годы различными современными авторами по социальной экономике.

Третье издание эссе Мальтуса, появившееся в 1806 году, находится сейчас перед нами: оно состоит из двух томов общим объемом около тысячи страниц, набранных крупным шрифтом, полных самых интересных отчетов, когда-либо данных о нравах и обычаях различных народов древности и современности. Первый том разделен на две книги. В книге I. четырнадцать глав, в первой из которых излагается Закон народонаселения, или *тенденция*, при которой численность населения увеличивается быстрее, чем средства к существованию. Во второй главе рассказывается об общих проверках населения и о том, как они действуют. Затем следуют

три наиболее интересные главы, посвященные ограничениям численности населения у диких народов, за которыми следует глава о тех ограничениях, которые применялись у древних обитателей Северной Европы. В седьмой главе рассказывается о сдерживающих факторах, существующих среди современных скотоводческих народов; за этим следует отчет о сдерживающих факторах в Африке, Северной и Южной Сибири. Затем следует чрезвычайно интересный отчет о жестоких проверках населения в Турции и прискорбных проверках от голода в Индостане и Китае. Книга I. заканчивается главами, посвященными ограничениям численности населения у древних греков и римлян.

В книге II. существует чрезвычайно важный отчет, данный мистером Мальтусом о результатах его обширных путешествий по Европе в 1799 году и последующие годы, с подробностями проверок населения, существующих в Норвегии, Швеции, России, Германии, Швейцарии, Франции, Англии, Шотландии и Ирландии.

Если бы тех людей, которые в настоящее время думают, что мальтузианский закон человеческого роста был признан последующим исследованием ошибочным, можно было бы только побудить прочитать эссе м-ра Мальтуса в оригинале, они вскоре обнаружили бы, что все эти возражения были предвосхищены в этой знаменитой работе, и, возможно, признали бы вместе с м-ром Дж. С. Миллем и другими экономистами, что истина “аксиоматична”, или больше не требует обсуждения. В последнем памфлете, который мы видели, посвященном одному из самых заслуженно популярных современных британских авторов, Томасу Карлайлу, писатель, как и сам м-р Карлайл, говорит так, как будто закон Мальтуса *был* опровергнут; но, как обычно в таких случаях, ясно, что автор не имеет ни малейшего представления о том, для доказательства чего было написано знаменитое Эссе о народонаселении.

В своей первой главе Мальтус отмечает, что Эйлер, великий математик, вычислил, что, исходя из предположения о таком умеренном уровне смертности, как один к 36 (что значительно выше, чем наша нынешняя смертность, составляющая один к 42 в Англии), и с дальнейшим предположением, что отношение рождаемости к смертности равно трем к одному (соотношение, которое, кажется, почти справедливо в настоящее время в Новой Зеландии), период удвоения населения составит всего $12\frac{1}{2}$ лет; и сэр Уильям Петти в своей работе по политической арифметике предположил, что удвоение возможно в около десяти лет.

Мальтус сравнивает эту тенденцию с *фактическим увеличением* численности человека в таких странах, как Китай и Япония. Он отмечает, что можно справедливо усомниться в том, что наиболее целенаправленные усилия человеческой промышленности могли бы удвоить сельскохозяйственное производство Китая хотя бы один раз за *любое* количество лет. Разница между временем удвоения, которое произошло в последнее время примерно за двадцать или тридцать лет в Северной Америке и в наших австралийских колониях, по сравнению с медленным увеличением населения Китая, дает наиболее полное представление об этом случае, которое только можно получить.

В странах, которые от природы здоровы и где *профилактический* контроль, как замечает Мальтус, также преобладает со значительной силой, *положительный* контроль, как отмечает Мальтус, будет преобладать очень слабо, а смертность будет небольшой; но в *каждой* стране некоторые из проверок существуют и всегда будут действовать в постоянном режиме: так что у человечества есть только *выбор* из зол, поскольку мы никак не можем избежать *некоторых* проверок населения, которые неизбежны.

В своей третьей главе наш автор рассматривает ограничения численности населения на низшей ступени человеческого общества и показывает, насколько невозможно для таких несчастных народов, как уроженцы Огненной Земли или Земли Ван Димена, быстро увеличиваться в численности из-за их крайнего незнания законов природы. В Новой Зеландии капитан Кук обнаружил, что война сдерживает рост населения, а голод настолько велик, что приводит к каннибализму, в стране, которая в настоящее время колонизирована цивилизованным народом, смертность, по-видимому, не превышает пятнадцати случаев на 1000 человек в год, а население удваивается примерно за двадцать лет или меньше, не считая иммигрантов.

Во времена мистера Мальтуса все еще существовало большое количество тех несчастных рас американских индейцев, которые сейчас так быстро исчезают в современной “борьбе за существование” с цивилизованными европейцами. Тогда, как и сейчас, эти племена жили в основном охотой и рыболовством, самыми узкими способами существования. Смертность младенцев среди таких племен всегда была огромной, и миссионеры-иезуиты упоминали, что индейцы Южной Америки были подвержены постоянным болезням, от которых они не знали лекарства; представители таких племен почти никогда не достигали преклонного возраста; и сдерживающие факторы для населения среди них были в основном *положительного* характера — эпидемии, голод, жестокие войны и болезни. Североамериканские индейцы тоже жили в такой грязи и тесноте в своих хижинах, что каждая инфекционная болезнь уносила огромное количество людей. По словам капитана Кука, каннибализм, наблюдаемый в Новой Зеландии и на других островах, возник из-за страшных лишений, испытываемых этими народами, когда их численность истощала запасы продовольствия.

И здесь давайте процитируем собственные слова Мальтуса: “Дело не в том, что американские племена никогда не увеличивались в численности настолько, чтобы сделать пастушеский или сельскохозяйственный образ жизни необходимым для них; но по той или иной причине они не переняли в сколько-нибудь значительной степени эти более распространенные способы добывания средств к существованию, и поэтому не могли увеличиться настолько, чтобы стать густонаселенными. Если бы один только голод мог побудить дикие племена Америки к такому изменению своих привычек, я не думаю, что осталась бы хоть одна нация охотников и рыболовов; но очевидно, что для достижения этой цели необходимо какое-то благоприятное стечение обстоятельств в дополнение к этому стимулу”.

В главе v. наш автор приводит любопытный отчет о том, как проверялась численность населения на островах Южных морей. Именно среди таких островов, как эти (и, действительно, Британские острова в древние времена очень походили на них), мы прослеживаем происхождение многих необычных институтов, призванных замедлить быстрый рост человечества — каннибализма, поздних браков, освящения девственности и свирепых наказаний в отношении тех женщин, которые воспроизводят вид в слишком раннем возрасте. Капитан Кук обнаружил, что между различными племенами Новой Зеландии существует такое постоянное состояние войны, что каждая деревня, в свою очередь, обращалась к нему с просьбой помочь им уничтожить другие. В своем третьем путешествии он добавляет, что воинственная свирепость настолько постоянна, “что вряд ли когда-нибудь можно застать новозеландца врасплох, ни днем, ни ночью”.

Опять же, в Отахейте и на островах Общества, где размеры островов были слишком малы, а приобретенные островитянами знания в области навигации слишком скудны, чтобы население могло быстро увеличиваться, были замечены всевозможные страдания среди беднейших слоев населения; однако, по словам капитана Кука, более богатые классы, казалось, сдерживали свой рост, прибегая к ужасающей практике детоубийства в огромных и беспрецедентных масштабах. Однако даже при таких ограничениях население островов Южного моря иногда испытывало такую острую нехватку средств к существованию, что в определенные сезоны года корма для животных становилось очень мало, и за этим следовали такие разрушительные войны, что капитан Ванкувер, посетив Отахейте в 1777 году и снова в 1791 году, обнаружил, что большинство его друзей из 1777 года были мертвы, так как были убиты на войнах. Проституция и уничтожение младенцев женского пола были чрезвычайно распространены в Отахейте во времена капитана Кука.

Делая общий обзор этой области человеческого общества, классифицируемой под названием дикой жизни, Мальтус замечает единственное преимущество, заключающееся в том, что масса людей обладает большей степенью досуга, чем жители цивилизованных стран. “Предстоит сделать меньше работы, и, следовательно, трудозатрат меньше. Когда мы рассматриваем непрекращающийся тяжелый труд, на который обречены низшие классы в цивилизованных обществах, это не может не показаться нам поразительным преимуществом; но оно, вероятно, уравновешивается большими недостатками”.

Это замечание м-ра Мальтуса показывает нам, в определенной степени, на чем Ж.-Ж. Руссо основывал свою веру в превосходство естественного состояния над цивилизованным. Если бы Руссо прочитал "Эссе о народонаселении", он, как мы полагаем, не мог бы не понять, что зло цивилизации почти исключительно вызвано всеобщим незнанием закона народонаселения. Поздние браки и проституция, столь яростно осуждаемые этим автором, являются всего лишь печальными ограничениями численности большинства современных цивилизованных наций, которые перешли наскотоводческую и сельскохозяйственную стадии общества и еще не зашли достаточно далеко, чтобы контролировать огромную плодовитость расы с помощью менее болезненных и более продуманных мер, чем те, которые Жан-Жак Руссо так ясно осознал и так решительно осуждал во французском обществе времен правления Людовика XV.

После разговора о положительных ограничениях численности населения, которые были столь повсеместны среди диких народов, г-н Мальтус переходит в главе vi к рассмотрению ограничений, которые предотвращали увеличение численности среди древних обитателей Севера Европы. Часто выражалось удивление по поводу орд воинов, которые в различные периоды упадка Римской империи хлынули на нее из северных стран. М-р Мальтус с предельной ясностью объясняет, что везде, где обычаи народов, составлявших иммигрантов, были таковы, что способствовали здоровью и ранним бракам, огромная плодовитость расы полностью объясняет то, что эти толпы иммигрантов так быстро сменяли друг друга, пока не последовало разрушение Рима. Макиавель в начале своей "Истории Флоренции" говорит: “Люди, населяющие северные районы, лежащие между Рейном и Дунаем, живущие в здоровом и плодородном климате, часто увеличиваются до такой степени, что огромное количество из них вынуждено покидать свою страну и отправляться на поиски нового жилья. Эти эмиграции доказали разрушение Римской империи”.

Не может быть никаких сомнений в том, что это правдивый отчет о том, каким образом бедность и сверхбыстрое воспроизводство вызывают эмиграцию в древние и современные времена; и мы не можем не рассматривать нынешнюю воинственную политику Англии и Германии как признаки растущего перенаселения в обоих этих государствах, что соблазняет *пролетарских* членов правящих классов искать все новые территории и делает другие классы общества столь терпимыми к такому несправедливому поведению их правителей. Фактически, можно с уверенностью сказать, что принятие неомальтузианских взглядов является единственной по-настоящему революционной мерой и единственной защитой наций от захватнических войн или внутренних раздоров.

В главе vii. Мальтус говорит о сдерживании численности населения в современных скотоводческих странах. Скотоводческие нации, хотя и не такие бедные, как охотничьи нации, конечно, гораздо более неспособны к накоплению богатства, чем нации, освоившие сельскохозяйственный образ жизни. Следовательно, население в таких сообществах увеличивается, но медленно, и они часто находятся на грани голода в течение длительных периодов времени. Волней в своих "путешествиях" говорит, что пастушеские племена Аравийской пустыни отрицают, что религия Магомета была создана для них. "Ибо как, - говорят они, - можем мы совершать омовения, когда у нас нет воды; как мы можем подавать милостыню, когда у нас нет богатства; или какой повод может быть для поста в месяц Рамадан, когда мы постимся круглый год?"

И все же кажется, что в Аравии, как и везде, прямое социальное поощрение населения очень велико. Магометанины учат, что одна из великих обязанностей человека - производить на свет детей для прославления Творца. Но, как справедливо говорит м-р Мальтус, "Пока арабы сохраняют свои нынешние манеры, а страна остается на нынешнем уровне развития, обещание рая каждому мужчине, у которого родится десять детей, лишь немного увеличит их численность, хотя и может значительно увеличить их нищету".

Существующие в Африке проверки населения, по-видимому, носят в основном позитивный характер. Первые путешественники по этому континенту Парк и Брюс описывают непрекращающиеся войны, приводящие к гибели от голода или эпидемий, как уносящие жизни целых племен. Парк утверждает, что, независимо от причин насилия, борьба за пропитание в большинстве африканских государств настолько велика, что долгожительство среди негров редкость. В сорок лет большинство из них сидят и покрываются морщинами, и лишь немногие из них доживают до пятидесяти пяти-шестидесяти лет. В его время не было особых трудностей с получением рабов во время голода в Африке, поскольку даже свободные негры часто были настолько измучены голодом, что, по словам доктора Лэйдли, умоляли его заковать их в рабские цепи, чтобы спасти их от голодной смерти. Брюс сообщает, что во многих племенах женщины начинают быть матерями в возрасте одиннадцати лет: и к такой жизни в лишениях и заботах приводит это быстрое размножение, что он говорит о женщинах в некоторых штатах близ Абиссинии, которые в возрасте двадцати двух лет становятся "более морщинистыми и деформированными, чем европейская женщина в шестьдесят".

Г-н Мальтус, после весьма любопытного отчета о проверках населения Северной и Южной Сибири, затем переходит в главе x к рассмотрению турецких владений и Персии, и его замечания особенно интересны нашим современным политикам. Фундаментальной причиной низких темпов прироста населения в Турции, как справедливо отмечает он, несомненно,

является характер турецкого правительства. Его тирания, его слабость, плохие законы и худшее их применение, с вытекающей отсюда ненадежностью собственности, создают такие препятствия на пути сельского хозяйства, что средства к существованию неизбежно ежегодно уменьшаются, а вместе с ними, конечно, и количество людей. На сегодняшний день подсчитано, что население Турции удвоилось бы только один раз за 555 лет из-за положительных проверок, проводимых ее жалким правительством. Население современной Турции составляет около 28 миллионов, или всего около 16 человек на квадратную милю; и в 1876 году в правительственных отчетах говорилось, что население империи быстро сокращается, а ее обрабатываемые земли превращаются в пустыни. Мальтус сообщает нам, что в Европе, как и в Азии, максимой турецкой политики, порожденной слабостью правительства и страхом перед народными волнениями, было поддержание низких цен на хлеб во всех крупных городах. “Когда Константинополь испытывает нехватку провизии, десять провинций, возможно, испытывают недостаток в провизии. В Дамаске во время дефицита 1784 года люди платили за хлеб всего один пенни фартинг за фунт, в то время как крестьяне в деревнях фактически умирали с голоду”.

Что касается ограничений численности населения в Персии, то ужасные потрясения, которым эта страна подвергалась на протяжении многих сотен лет, должны были оказаться фатальными для ее сельского хозяйства. Периоды отдыха от внешних войн и внутренних смут были короткими и немногочисленными, и даже во времена глубокого мира пограничные провинции постоянно подвергались опустошениям татар. Отсюда и медленный рост.

Одной из наиболее ценных частей Эссе о народонаселении является та, в которой г-н Мальтус рассматривает проверки населения в Индостане и Тибете. В Индостане, согласно постановлению Мену, индийского законодателя, брак очень поощряется, и наследник мужского пола рассматривается как объект первостепенной важности. Индуистские девушки выходят замуж в возрасте одиннадцати лет и даже моложе и становятся матерями до достижения двенадцатилетнего возраста. По этим причинам Индостан был одной из самых известных стран в мире по опустошениям, эпидемиям и голоду. Низшие классы на протяжении веков были доведены до крайней нищеты и вынуждены вести самый бережливый и скудный образ жизни. В то время как средний годовой доход на душу населения в Англии был рассчитан мистером Генри Фосеттом в 1870 году примерно в восемнадцать фунтов; в Индостане, как недавно заявил мистер Дж. Брайт, около двух-трех фунтов стерлингов на еду - это все, что получает индусский крестьянин. И, как заметил лорд Дерби в своей замечательной речи в Рочдейле в 1879 году, жители Индостана, по-видимому, являются ярким примером того, до какого очень низкого уровня жизни может опуститься нация.

Последние годы познакомили нас с рассказами об индийском голоде; но в них нет ничего нового в истории этой издавна перенаселенной страны. Один из иезуитов, цитируемых Мальтусом, говорит, что для него невозможно описать страдания, свидетелем которых он был во время двухлетнего голода 1737 и 1738 годов, а другой иезуит пишет: “Каждый год мы крестим тысячу детей, которых их родители больше не могут прокормить, или которые, будучи обреченными на смерть, продаются нам их матерями, чтобы избавиться от них”.

Тибет, по-видимому, согласно Мальтусу, является, пожалуй, единственной страной, где привычки, направленные на подавление населения, повсеместно поощряются правительством. Безбрачие там очень поощряется среди государственных служащих, и число монастырей

значительно. “Но даже среди мирян дела с населением идут очень холодно. Все братья семьи, без каких-либо ограничений по возрасту или численности, связывают свою судьбу с одной женщиной, которую выбирает старший и которая считается хозяйкой дома”. Очевидно, что этот обычай в сочетании с безбрачием столь многочисленной группы священнослужителей должен действовать, по словам Мальтуса, самым действенным образом как профилактический контроль над населением. Тем не менее, согласно отчету мистера Тернера, складывается впечатление, что население Тибета испытывает нехватку средств к существованию. Тибет во времена мистера Тернера, похоже, страдал, как сейчас страдает Англия, и, как мы слышим, даже наши богатые колонии Виктория и Новый Южный Уэльс, от группы нищих, созданных крайне неразумной системой помощи на улице - системой, которая слишком часто производит тех самых нищих, которым она хочет помочь.

Отчет г-на Мальтуса о проверках населения в Китае и Японии, содержащийся в главе хіj. его работа является одним из наиболее важных вкладов в решение этого вопроса, какой только можно себе представить. Его авторитетными источниками являются "История Китая" Дуальда и отчет сэра Г. Стонтонна о его посольстве в Китай. Согласно первому автору, писавшему в 1738 году, население Китая тогда оценивалось по меньшей мере в триста тридцать три миллиона человек. Говорят, что в настоящее время в Китае проживает около четырехсот миллионов человек.

Причинами огромной густонаселенности Китая являются, согласно Мальтусу, его выгодное положение в отношении климата и ирригации, а также очень большое поощрение сельского хозяйства монархами этой страны. Сам император каждый год, чтобы подать пример, вспахивает несколько грядок земли, и мандарины каждого города совершают ту же церемонию. Вся территория империи, за незначительными исключениями, предназначена для производства пищи только для человека. Здесь нет лугов, очень мало пастбищ и нет пустырей. Даже солдаты китайской армии в основном заняты в сельском хозяйстве.

Чрезвычайное поощрение брака также способствует увеличению численности населения Китая пропорционально размерам его территории по сравнению с любой другой страной. Разрешение, данное родителями бросать своих детей, которое существует в Китае, как показывает сэр Г. Стонтон, облегчает вступление в брак и вызывает еще большее перенаселение, чем в более цивилизованных государствах, где подобное варварство недопустимо. Результатом таких ранних браков и быстрого заселения является раздел имущества; и среди китайцев распространено замечание, что состояние редко остается значительным в одной и той же семье более чем в третьем поколении. Один из иезуитов, писавший о Китае, говорит: “Самая богатая и процветающая империя мира является, в каком-то смысле, самой бедной и несчастной из всех. Чтобы жители чувствовали себя комфортно, потребовалось бы в четыре раза больше территории”.

В Китае нельзя сказать, как это часто говорят в Европе, что бедняки бездельничают и могли бы заработать на жизнь, если бы работали. Труды и старания этих бедных людей превосходят всякое представление. “Китаец проводит целые дни, копаясь в земле, иногда по колено в воде, а вечером с удовольствием съедает маленькую ложечку риса и запивает безвкусной водой, в которой он варится”. Это замечание иезуита: и хотя это, очевидно, преувеличение, поскольку современные исследования диеты показывают, что такая пища не может поддерживать

существование животных, это показывает, какие страдания причиняет людям столь низкий уровень комфорта.

“Сила воспроизводства, ” говорит Мальтус, - с такой же легкостью удвоила бы за двадцать пять лет население Китая, как и любого из штатов Америки”. Таким образом, мы можем с готовностью посочувствовать тревоге, которую испытывают наши соотечественники в Австралии и Калифорнии в связи с возможным вторжением неисчислимых миллионов, которые Китай мог бы с величайшей легкостью влить в них. Именно по этой причине Законодательное собрание Нового Южного Уэльса совсем недавно подавляющим большинством голосов приняло законопроект, направленный на пресечение потока китайской иммиграции. Для окончательного благочеловеческой расы нации с таким низким уровнем комфорта, как китайцы, должны усвоить, что они должны подражать более процветающим нациям в благоразумной сдержанности, прежде чем они смогут претендовать на то, чтобы стать гражданами таких стран.

Недавно мы осознали масштабы голода в Китае, когда миллионы несчастных людей обречены на страдания и смерть сразу из-за неурожая. М-р Мальтус замечает, что в такие трудные времена Китай не может получить никакой помощи от своих соседей и волей-неволей должен черпать все свои ресурсы из своих собственных провинций. Когда происходят такие неурожаи, правительство Китая делает вид, что очень усердствует в разработке планов по облегчению страданий народа; но, тем временем, множество несчастных умирают от голода, поскольку продовольствия поступает недостаточно, поэтому остается совсем немного из-за очень мизерной доли, выпадающей на долю каждого, даже во времена изобилия.

В этой главе, посвященной Китаю и Японии, Мальтус делает острое замечание по вопросу, который иногда обсуждается в этой стране, является ли потребление зерна при производстве спиртных напитков когда-либо причиной голода. Вся тенденция такого производства, утверждает он, направлена на противоположное. “Потребление зерна любым другим способом, кроме как в качестве необходимого продовольствия, сдерживает население до того, как оно достигнет предельных пределов прожиточного минимума, и, поскольку зерно может быть изъято из этого конкретного использования во время дефицита, таким образом, открывается общественное зернохранилище, вероятно, более богатое, чем могло бы быть создано любым другим способом. Когда такое потребление однажды установилось и стало постоянным, его эффект в точности подобен тому, как если бы из страны был изъят участок земли со всеми населяющими его людьми. Остальные люди, несомненно, были бы точно в том же состоянии, что и раньше, ни лучше, ни хуже, в годы среднего достатка; но во времена дефицита продукты этой земли были бы возвращены им, без ртов, которые помогли бы им их есть ”.

Этот факт следует иметь в виду мистеру Хойлу и другим авторам, посвященным воздержанию от алкоголя, поскольку отстаиванию благого дела часто препятствуют неправильные рассуждения. “Китай, без его винокурных заводов, несомненно, был бы более густонаселенным, - говорит Мальтус, - но в случае неурожая у него было бы еще меньше ресурсов, чем у него есть в настоящее время, и, насколько бы масштабной ни была причина, он, как следствие, был бы более подвержен голоду, и этот голод был бы жестоким”. Сторонники трезвости, таким образом, должны, по возможности, попытаться заменить алкоголь менее вредной роскошью, которая вызывает так много болезней; и не забывать, что бедность перенаселенности является одной из главных причин пьянства.

Главной причиной огромной густонаселенности Японии, несомненно, является упорная трудолюбивость жителей. Сдерживающим фактором для населения в Японии был голод, как в Китае и Индостане; но японцы также более воинственны, чем китайцы, и браки в Японии поощряются гораздо меньше, чем в Китае. Отсюда высочайшая образованность японцев и интеллект, который недавно сделал их столь восприимчивыми к благам, дарованным человечеству европейской цивилизацией.

Исключительно важную природу открытия Мальтуса можно лучше увидеть, сравнив положение Китая с положением Соединенных Штатов Америки, чем на любом другом примере. Китайцы так далеко продвинулись, возможно, за несколько тысяч лет, в познании искусства земледелия, что теперь вполне вероятно, что четыреста миллионов человек, населяющих в настоящее время Империю, не могли удвоиться за *какое-либо заданное количество лет*. Принимая во внимание, что население Соединенных Штатов за последнее столетие продолжало удваиваться, чему способствовала иммиграция, менее чем за двадцать пять лет. Тот, должно быть, действительно наделен слабой способностью к рассуждению, кто, сравнивая эти два показателя, сразу не видит, что великая проблема для нашей расы состоит в том, чтобы не допустить, чтобы инстинкт размножения стал причиной ужасных бедствий ранней смерти и хронической бедности. Внедрение новых мальтузианских взглядов в Китае и Индостане - единственный способ справиться с массовыми убийствами младенцев и пожизненной голодной смертью в этих ужасно перенаселенных странах.

ГЛАВА III. О СДЕРЖИВАНИИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ У ДРЕВНИХ ГРЕКОВ И РИМЛЯН.

Более равное разделение земельной собственности между греками и римлянами в более ранний период их истории, должно быть, имело тенденцию в значительной степени стимулировать население, поскольку сельское хозяйство, говорит м-р Мальтус, является

единственным видом промышленности, который позволяет существовать множеству людей. Когда, как это часто случалось, число свободных граждан не превышало десяти или двадцати тысяч, каждый индивид, естественно, ощущал ценность своих собственных усилий и знал, что, если он оставит свои земли без дела, он не выполнит свой гражданский долг. Следовательно, сельскому хозяйству в Греции уделялось большое внимание. Население быстро росло, и колонизация была обычным явлением, так что внимание законодателей Греции часто обращалось к вопросу перенаселения. Г-н Мальтус уже показал, что практика детоубийства, существующая в Китае, скорее ведет к увеличению численности населения, соблазняя людей вступать в ранние браки. Солон разрешил выставлять на всеобщее обозрение младенцев, склонен думать м-р Мальтус, отчасти с целью склонить граждан к ранним бракам и, таким образом, увеличить численность населения.

Великие философы Греции, такие как Платон и Аристотель, являются истоками всей реальной цивилизации последующих эпох по всей Европе: и спасли нас от наводнения грубых теологий, таких как теологии Палестины или менее культурных племен. Так называемый божественный закон “Возрастай, размножайся и наполняй землю” и другие столь же туманные и бессмысленные высказывания находятся в сильнейшем противоречии с научными рассуждениями *этих мастеров всех знаний*. Платон в своей “Республике” ограничивает число свободных граждан в своем идеальном государстве пятью тысячами сорока. Продолжение рода, утверждает он, когда оно протекает слишком быстро, может быть остановлено, или когда оно протекает слишком медленно, может поощряться надлежащим распределением почестей и знаков позора, а также увещеваниями старших предотвращать или поощрять его в зависимости от обстоятельств. Мистер Джон Стюарт Милль, очевидно, придерживался аналогичного мнения, и его последователи выступали за вмешательство государства как лекарство от бедности. Платон также предвосхитил самого мистера Дарвина и современных дарвинистов, которые придают такое большое и справедливое значение вопросу рационального отбора родителей. В пятой книге своей “Республики” он предлагает, чтобы самые здоровые мужчины вступали в брак с лучшими образцами среди женщин, а неполноценные граждане соединялись друг с другом. Далее он предлагает, чтобы воспитывались только дети первого класса, а остальные - нет. Несомненно, одним из результатов неомальтузианского движения наших дней станет то, что люди, страдающие наследственными заболеваниями, не так часто будут стремиться стать родителями, как здоровые, хотя они могут последовать совету профессора Мантегаццы из Флоренции и “жениться, но не производить потомство”.

Из этих и других отрывков ясно, что Платон хорошо видел тенденцию увеличения численности населения за пределы средств к существованию. Его методы проверки этого действительно были недопустимы, но степень, в которой они должны были быть использованы, показывает, насколько велика, по его мнению, была трудность. О том, насколько отсталыми являются рассуждения большинства современных наций по таким вопросам, можно судить по нежеланию Германии, Англии и даже Франции честно взглянуть в лицо этому вопросу. Во времена Платона войны были почти непрерывными и очень разрушительными, и если, зная это, он все еще мог размышлять об уничтожении детей более бедных и больных слоев населения, всех, кто родился, когда их родители были либо слишком молоды, либо слишком стары, о позднем установлении даты вступления в брак и регулировании количества браков, его рассуждения и опыт, должно быть, указали ему на ужасную тенденцию населения перерасходовать средства к существованию.

Великий писатель Аристотель, по-видимому, понимал этот принцип даже более ясно, чем Платон. Он устанавливает брачный возраст для мужчин в своей Республике фактически в тридцать семь лет; и даже при таком позднем браке он предвидел, что детей может быть слишком много, поэтому предложил регулировать количество, разрешенное для каждого брака. Аристотель обвиняет Платона в том, что он недостаточно внимательно отнесся к проблеме народонаселения и предложил уравнивать имущество без ограничения числа детей (*De Repub. lib. ii. ch. vi.*). Это может быть намеком современным социалистам, особенно тем из Германии, где социализм, кажется, становится кредо масс, отчаявшихся когда-либо услышать что-либо хорошее от военных деспотов, находящихся сейчас у власти. Аристотель справедливо замечает, что законы требуют гораздо большей определенности и точности в государстве, где собственность уравнена, чем в других, поскольку при обычных обстоятельствах увеличение населения привело бы только к дальнейшему разделению земельной собственности, тогда как в государстве коммунизма лишние были бы совершенно разорены, потому что земли, будучи разделены на равные элементарные части, были бы неспособны к дальнейшему разделению. Он отмечает, что во всех случаях необходимо регулировать количество детей, чтобы они не могли превышать надлежащее количество. При этом, конечно, следует принимать во внимание смерть и бесплодие. Но если, говорит он в главе vii, каждому человеку будет предоставлена свобода иметь столько детей, сколько он пожелает, необходимым следствием будет бедность, а бедность - мать преступлений и мятежа. Именно по этим причинам древний политический писатель Фидон из Коринфа ввел постановление об ограничении численности населения без выравнивания богатства.

Говоря снова, в книге ii. глава vii., о схемах выравнивания благосостояния, Аристотель говорит, что для того, чтобы такие схемы были успешными, было бы необходимо одновременно регулировать размер семей. Ибо, если число детей превысит возможности их содержания, закон неизбежно будет нарушен, и семьи внезапно превратятся из богатых в нищие, а революция всегда опасна для общественного спокойствия. В Спарте земельная собственность перешла в руки очень небольшого числа граждан; и Аристотель замечает, что в таком государстве поощрение больших семей наградами могло привести к огромному накоплению неимущих до тех пор, пока не было обеспечено лучшее распределение земли. Для европейских народов до сих пор было бы хорошо, если бы их правители знали об этом вопросе хотя бы столько, сколько Аристотель и Платон: они избежали бы тех катастрофических исторических стимулов к продолжению рода, которые всегда должны были заканчиваться только растущей нищетой и преждевременной смертью.

Положительные проверки населения в Древней Греции и Риме достаточно ощутимы. Преобладали непрекращающиеся войны, эпидемии и голод. Ливий выражает свое удивление по поводу того, что вольки и эквы, которые так часто уничтожались римлянами, смогли вывести на поле боя свежие армии, но когда мы понимаем принцип численности населения, нашему удивлению приходит конец. Такие покоренные племена, как древние германцы, несомненно, дали полный простор деторождению и, следовательно, вскоре стали такими же многочисленными, как и до своего поражения. И все же кажется очевидным, что ужасная практика детоубийства была очень распространена в Италии, поскольку предполагалось, что Ромул уже запретил ее, хотя постоянные войны римлян, должно быть, уменьшили необходимость в этом ограничении. Римское население Италии вскоре сократилось, когда земля перешла в руки нескольких крупных собственников, поскольку другие классы, не имея средств продавать свой труд или конкурировать с многочисленными рабами богатых,

совершенно умерли бы с голоду, если бы не возникший любопытный обычай безвозмездной раздачи большого количества зерна более бедным или безземельным гражданам. За время правления Августа таким образом прокормилось не менее двухсот тысяч человек, и, вероятно, им больше не от чего было зависеть. Следовательно, более бедные свободные граждане не могли увеличиваться, и, как говорят, у них была постоянная привычка выставлять своих несчастных детей напоказ, поскольку выдаваемого количества еды было недостаточно для существования семьи.

The *Jus trium liberorum* (закон о вознаграждении отцов троих детей) в таких обстоятельствах ничего не мог сделать, заставляя бедных рожать большие семьи, хотя иногда это могло побудить землевладельцев увеличить свои семьи. Если бы у бедных было большое количество детей в таком плачевном состоянии общества, они, должно быть, родились бы только для того, чтобы умереть от голода, поскольку еды, выдаваемой правительством, было недостаточно, чтобы прокормить всех.

Позитивные законы, поощряющие вступление в брак, говорит м-р Мальтус, принятые по неотложному случаю и не смешанные с религией, как в Китае и некоторых других странах, редко рассчитаны на достижение цели, к которой они направлены, и поэтому обычно указывают на невежество законодателя, который их предлагает; но очевидная необходимость в них почти всегда указывает на очень высокую степень моральной и политической порочности в государстве; и в странах, в которых на них наиболее настойчиво настаивают, преобладают не только порочные нравы, но и политические институты, крайне неблагоприятные для промышленности и, следовательно, для населения.

По этому поводу Мальтус полностью не соглашался с Юмом, который предположил, что римский мир, вероятно, был наиболее густонаселенным во время длительного мира при Траяне и Антонинах. Войны, говорит он, не приводят к значительному сокращению населения, пока промышленность продолжает развиваться, а мир не приведет к увеличению числа людей, когда они не смогут найти средств к существованию. “Обновление законов, касающихся брака, при Траяне указывает на продолжающееся распространение порочных привычек и на упадок промышленности и, по-видимому, противоречит предположению о значительном увеличении численности населения”.

Юм также считал, что население древнего мира было больше, чем в наше время, потому что, по его словам, в современных государствах множество домашней прислуги оставалось неженатыми. Но противоположный вывод, говорит Мальтус, кажется более вероятным. Когда трудности, связанные с воспитанием семьи, очень велики и, следовательно, многие лица обоего пола остаются холостыми, мы можем, естественно, предположить, что население стационарно, но ни в коем случае не то, что оно не является абсолютно большим; потому что трудность воспитания семьи может проистекать из самого обстоятельства очень большого абсолютного населения и, как следствие, полноты всех каналов получения средств к существованию; хотя та же трудность, несомненно, может существовать в малонаселенной стране, население которой все же остается постоянным.

Число неженатых лиц, пропорциональное общему числу, говорит Мальтус, может служить некоторым критерием, по которому мы можем судить о том, увеличивается ли население, остается ли оно постоянным или уменьшается; но не позволит нам определить что-либо относительно абсолютной численности населения. Тем не менее, даже в этом пункте мы можем

быть обмануты, поскольку в некоторых южных странах ранние браки распространены повсеместно, и очень немногие женщины остаются в состоянии безбрачия, однако число людей не только не увеличивается, но и, возможно, невелико. В этом случае снятие профилактической проверки компенсируется чрезмерным усилием срабатывания положительной проверки. Сумма всех позитивных и профилактических проверок, взятых вместе, составляет, несомненно, непосредственную причину подавления населения; но мы никогда не можем ожидать получения и точной оценки этой суммы ни в одной стране; и мы, конечно, не можем сделать надежного вывода из рассмотрения двух или трех таких проверок, проведенных сами по себе, потому что так часто случается, что избыток одной проверки уравнивается недостатком какой-либо другой.

Причины, влияющие на число рождений или смертей, могут влиять или не влиять на среднюю численность населения, в зависимости от обстоятельств; но причины, влияющие на производство и распределение средств существования, обязательно должны влиять на численность населения; и поэтому именно на эти причины, помимо фактических подсчетов, мы можем с какой-либо уверенностью полагаться. “Все меры сдерживания населения, которые до сих пор рассматривались в ходе этого обзора человеческого общества, явно сводятся к моральным ограничениям, пороку и нищете”.

Что касается, таким образом, проверок численности населения в Древнем Риме, г-н Мальтус считает, что моральные ограничения действовали, но слабо, сдерживая рост численности. И о другой ветви превентивного контроля, которая, согласно г-ну Мальтусу, носит название “порок”, хотя его эффект, по-видимому, был очень значительным в более поздние периоды римской истории и в некоторых других странах; тем не менее, в целом, он считает, что его действие было намного хуже позитивных проверок. Большая часть репродуктивной силы была задействована у римлян, избыточность сдерживалась насильственными причинами, среди которых война была наиболее заметной и поразительной, а вслед за ней пришли голод и жестокие болезни.

В большинстве этих древних народов численность населения, по-видимому, редко измерялась точно в соответствии со средними и постоянными средствами существования, но обычно колебалась между двумя крайностями, и поэтому контраст между нуждой и изобилием был сильно выражен, как и следовало ожидать в более ранние и менее опытные эпохи человеческого общества.

ГЛАВА IV. ПРОВЕРКИ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЕВРОПЕ.

Книга ij. в Эссе Мальтуса говорится о чеках для населения в различных государствах современной Европы — Норвегии, Швеции, России, Германии, Швейцарии, Франции, Великобритании и Ирландии. Во времена Мальтуса Норвегия, по-видимому, была, пожалуй, самой процветающей страной в Европе; и она отличалась большим здоровьем своего народа. Уровень смертности, по его оценкам, составляет всего один к 48, при населении примерно в три четверти миллиона человек.

Имея такую очень низкую *положительную* проверку, Мальтус сразу же обратил внимание на существование очень высокой *профилактической* проверки; и обнаружил, что она присутствует в очень небольшой доле браков (один из 130), ежегодно заключаемых в Норвегии.

Тогда, как и сейчас, в Норвегии не было крупных промышленных городов, которые могли бы увезти избыточное население страны; и, следовательно, поскольку эмиграция тогда не была в моде, норвежский крестьянин редко покидал деревню, в которой он родился. До тех пор, пока не умирал какой-нибудь женатый человек, обычно не было места для заключения другого брака. “В странах с более плотным населением (говорит Мальтус) этот предмет всегда погружен в глубокую неизвестность. Каждый человек, естественно, думает, что у него не меньше шансов найти работу, чем у его соседа, и что если он потерпит неудачу на одном месте, то добьется успеха на другом. Поэтому он женится и полагается на удачу: и слишком часто результатом этого является то, что избыточное население, вызванное таким образом, подавляется позитивными препятствиями в виде бедности и болезней”.

Без сомнения, говорит наш автор, смертность в Норвегии столь низка благодаря профилактическим проверкам населения, а также какой-либо особой полезности воздуха. В каждой стране основная смертность приходится на очень маленьких детей; и меньшее их количество в Норвегии по отношению ко всему населению, естественно, приведет к меньшей смертности, чем в других странах, при условии, что климат будет таким же здоровым.

Население Норвегии в настоящее время составляет около 1800 000 человек, что является очень большим приростом со времен Мальтуса, и в последние годы наблюдается очень большая эмиграция из этой страны в Соединенные Штаты, что указывает на то, что, по всей вероятности, скоро благоразумных ограничений в вопросе рождаемости будет меньше, и, следовательно, несомненно, уровень смертности будет выше, чем в начале этого столетия. Прежний низкий уровень смертности в Норвегии, один к 48, в настоящее время не достигнут практически ни в одном европейском государстве, за исключением Норвегии. Он составляет немногим более 20 случаев на 1000 человек в год.

Мальтус упоминает в своей работе, что Норвегия - почти единственная страна в Европе, где путешественник услышит какие-либо опасения по поводу избыточного населения и где

опасность для счастья низших классов людей, связанная с этой причиной, в какой-то степени видна и понятна. “Очевидно, это связано с малочисленностью населения в целом и вытекающей из этого узостью предмета исследования. Если бы наше внимание было приковано к одному приходу и не было возможности эмигрировать из него, самый неосторожный наблюдатель не мог бы не заметить, что, если бы все женились в двадцать лет, для фермеров было бы совершенно невозможно, как бы тщательно они ни обрабатывали свою землю, найти работу и пропитание для тех, кто вырастет; но когда большое количество таких приходов объединяется в густонаселенное королевство, обширность территории и возможность переезжать с места на место затемняют и путают наш взгляд. Мы упускаем из виду истину, которая раньше казалась совершенно очевидной; и самым необъяснимым образом приписываем совокупному количеству земли способность поддерживать людей, несравнимо большую, чем сумма всех ее частей”.

Во времена мистера Мальтуса в Швеции городские жители составляли лишь одну тридцатую часть всего населения; а смертность, когда писал Мальтус, по-видимому, достигала одного к 35. Он обнаружил, что доля ежегодных браков в Швеции составляет примерно один к 112: варьируется от одного к 100 в хорошие годы до одного к 124 в плохие. Если вспомнить, что коэффициент брачности в Норвегии составлял всего один к 135, по сравнению с одним к 112 в Швеции, причина высокого уровня смертности сразу становится понятной.

Однако, как обычно, в Европе того времени шведские законодатели имели обыкновение пытаться увеличить численность населения всевозможными глупыми способами, как, например, поощряя приезжих селиться в стране. Мальтус отмечает, что, поступая таким образом, правительство Швеции просто повышало и без того высокий уровень смертности, а на самом деле вообще не увеличивало численность населения.

По словам экономиста Канцлера, основными мерами, которые правительство принимало для поощрения населения, были создание медицинских колледжей, а также больниц для лежащих больных и воспитательных домов. Мальтус замечает, что “пример больниц Франции может вызвать сомнение в том, что такие учреждения следует рекомендовать повсеместно. Больницы для подкидышей, независимо от того, достигают они своей заявленной цели или нет, с любой точки зрения наносят ущерб государству”.

Население Швеции в 1751 году составляло 2 229 000 человек. Сейчас оно составляет 4 400 000 человек. Недавно, как и из Норвегии, произошла очень большая эмиграция из этого государства в Америку. “Болезненные периоды в Швеции (говорит Мальтус), которые замедлили рост ее населения, по-видимому, в целом возникли из-за нездорового питания, вызванного острой нуждой. И этот недостаток был вызван неблагоприятными сезонами, выпавшими на долю страны, у которой не было никаких резервных запасов ни в общем экспорте, ни в щедром распределении продовольствия среди рабочих в обычные годы, и которая, следовательно, была заселена до получения своей продукции до наступления скудного урожая. Такое положение вещей является ясным доказательством того, что если, как утверждают некоторые шведские экономисты, население их страны должно составлять девять или десять миллионов человек, им больше нечего делать, кроме как заставить ее производить пищу, достаточную для такого количества людей, и они могут быть совершенно уверены, что им не понадобятся лишние рты, чтобы есть ее, без помощи родильных домов”.

Что касается состояния России в начале этого столетия, Мальтус оставил нам интереснейший отчет, основанный на запросах, сделанных во время его путешествий по этой стране. На ту дату соотношение рождаемости в некоторых частях России к смертности, согласно российской статистике, составляло почти три к одному. Это напоминает нам, современным людям, 1879 год, о рождаемости и смертности в нашей счастливой колонии Новая Зеландия, где в 1877 году был поразительный уровень рождаемости - 41 на 1000 человек при очень низком уровне смертности - всего 12· 4. Смертность в России во времена Мальтуса, должно быть, была действительно очень низкой; и м-р Тук в своем "Взгляде на Российскую империю", опубликованном примерно в то же время, установил, что общая смертность в России ежегодно составляла один к 58 процентам населения. Мы думаем, что это невероятно в таком нецивилизованном государстве, каким тогда была Россия.

Уровень рождаемости в России на тот момент составлял около 40 на 1000 человек, или аналогичен показателю Новой Зеландии. Уровень брачности (один к 90) был значительно выше, чем в Норвегии (один к 130), так что очевидно, что в то время население России увеличивалось наиболее быстрыми темпами. Если мы хотим отдать должное здоровью России во времена Мальтуса, то ясно, что город Санкт-Петербург был исключением из этого правила, поскольку половина всех родившихся там людей доживала только до 25 лет.

Что касается детских больниц, посещение мистером Мальтусом известных российских государственных больниц, подобных этому описанию, часто цитировалось и заслуживает внимательного изучения всеми, кто говорит о незаконности и благотворительности. Мальтус нашел смертность в Доме труде поразительной. Обычным средним показателем была сотня смертей в месяц. Среднее число детей, принимаемых в эту благотворительную организацию, составляло в то время десять человек ежедневно, а уровень смертности был ужасающим и душераздирающим. Детей забирали, и матери не задавали им вопросов, а передавали медсестрам и возвращали их родителям в любое время, когда они могли доказать, что способны их прокормить.

Сельским сиделкам, к которым были отданы эти несчастные дети, платили всего около пятнадцати пенсов в неделю, и детей принимали в эту больницу без каких-либо ограничений. Дети вернулись из страны (когда они все-таки вернулись, потому что большинство из них умерло) в возрасте шести-семи лет; девочки ушли из благотворительной организации в 18 лет, мальчики - в 20. Чрезмерная смертность в Лондонском приюте для подкидышей прежних времен привела к тому, что он был вынужден почти полностью закрыть свои двери и стать тем, чем он является сейчас, одним из многих бесполезных благотворительных учреждений и обманов столицы на родине мистера Мальтуса.

Г-н Мальтус также говорит о высокой смертности в Московском приюте для подкидышей, который был основан в 1786 году, следующим образом: "Мне кажется, что большую часть этой смертности явно следует отнести к этим учреждениям, ошибочно называемым 'филантропическими'. Если можно как-то полагаться на данные о детской смертности в российских городах и провинциях, то она представляется необычайно малой. Поэтому величие этого явления в приютах для подкидышей можно справедливо отнести на счет учреждений, которые поощряют мать бросать своего ребенка в то самое время, когда из всех других он больше всего нуждается в ее воспитательной заботе. Хрупкость, с помощью которой младенец

поддерживает свою жизнь, не позволяет уделять ему должного внимания даже в течение нескольких часов”.

Очевидно, что приюты для подкидышей в Париже, Вене и во всех странах, как правило, делают женщин легкомысленными и бессердечными. Мальтус, действительно, делает замечание, параллель которому мы недавно слышали в Вене. “Английский купец в Санкт-Петербурге рассказал мне, что русская девушка, жившая в его семье под руководством любовницы, которая считалась очень строгой, отправила шестерых детей в приют для подкидышей, не потеряв при этом места. А что касается моральных чувств нации, то очень трудно представить, что они не должны быть очень остроумно ущемлены поощрением матерей бросать своих отпрысков и попытками научить их тому, что их любовь к своим новорожденным младенцам является предрассудком, искоренить который в интересах их страны”.

Мальтус упоминает, что население России в 1796 году составляло 36 000 000 человек. В настоящее время он оценивается в восемьдесят пять с половиной миллионов особей, только семь миллионов из которых находятся в Азии, а остальные - в Европе.

Правительство, обладающее истинным пониманием того, что выгодно для его подданных, вместо того, чтобы предлагать *поощрения* населению и поощрять бездумность со стороны родителей, такие как приюты для подкидышей и другие благотворительные организации, поощряло бы всеми доступными ему средствами чувство родительской ответственности среди всех классов. Для этого самым прямым способом было бы показать с помощью небольшого штрафа за производство многодетных семей, что нет возможности достичь комфорта и низкого уровня смертности *безсупружеской осмотрительности*.

В главе ix книги ii Мальтус рассказывает о чеках населению Средних частей Европы в начале этого столетия. Он делает замечание, что есть немного стран, где беднейшие классы настолько предусмотрительны, чтобы откладывать вступление в брак до тех пор, пока у них не появится справедливая перспектива быть в состоянии должным образом содержать всех своих детей: и во всех странах, добавляет он, высокая смертность, будь то из-за слишком большой частоты браков или вызванная количеством городов и естественной нездоровостью ситуации, неизбежно приведет к высокой частоте браков.

В Голландии в реестрах двадцати двух деревень Сассмилх отметил один брак на каждые 64 проживающих человека, что обычно составляет примерно 1 к 120. Мальтус говорит, что некоторое время он был озадачен таким высоким ежегодным числом браков, пока не обнаружил, что смертность в этих деревнях на самом деле составляла 45 на 1000 населения. Необычайное количество браков было просто вызвано быстрым расторжением старых браков из-за смерти и, как следствие, вакантностью какой-либо работы, с помощью которой семья могла бы прокормиться. В Норвегии смертность в его время составляла всего 22 случая на 1000 человек, а ежегодный коэффициент бракосочетания - 1 на 130. Это заметно контрастирует с только что приведенными цифрами, относящимися к Голландии.

В последние годы уровень рождаемости и смертности в Голландии был гораздо более удовлетворительным, чем во времена Мальтуса; но крайняя бедность рабочих классов Южной по сравнению с Северной Голландией, как недавно показал г-н С. Ван Хаутен, приводит к гораздо более высокому уровню рождаемости и смертности в районах, прилегающих к Роттердаму, чем это имеет место среди более благоразумных и сытых жителей Гронингена. Тем

не менее, совсем недавно в Голландии были годы, когда уровень смертности достигал 29 на 1000 человек (1871), а еще совсем недавно, в 1875 году, он составлял 25 на 1000 человек.

Уровень комфорта сильно изменился в нескольких городах Германии. Так, в "Лейпциге" Мальтус упоминает, что в 1620 году ежегодный процент браков составлял 1 к 82, в то время как в 1756 году он снизился до 1 к 120. Он отмечает, что в странах, которые уже давно полностью заселены и в которых не открываются новые источники существования, количество браков, регулируемых главным образом смертями, обычно будет примерно одинаковым по отношению ко всему населению в тот или иной период. В Берлине в начале этого столетия ежегодный коэффициент брачности составлял 1 к 110, в то время как в Париже он составлял 1 к 137. Берлин тогда, как и сейчас, вероятно, был очень нездоровым городом. Говорят, что уровень смертности младенцев там в настоящее время составляет в отдельные годы половину всех рожденных на первом году жизни.

Прямое поощрение брака, по словам Мальтуса, либо совершенно бесполезно, либо приводит к браку, когда для него нет места, тем самым увеличивая смертность. Монтескье, Сассмилх и другие авторы считали, что принцы и государственные деятели действительно заслужили бы звание отцов своего народа, если бы из соотношения 1 к 120-125 они могли увеличить количество браков до соотношения 1 к 80 или 90. Но, говорит Мальтус, поскольку это значительно повысило бы смертность и бедность в государстве, такие князья более справедливо заслуживали бы звания разрушителей народа. Если бы г-н Мальтус жил в наши дни, он бы знал, что высокий уровень брачности ни в коем случае не обязательно сопровождается высоким уровнем рождаемости, поскольку в современной Франции, где насчитывается наибольшее количество замужних женщин по отношению к населению старше 15 лет из всех европейских государств, уровень рождаемости *ниже*, чем в любом другом европейском государстве. Но во времена Мальтуса люди все еще находились во власти инстинктов и не позволяли разуму возобладать в самом важном из всех человеческих поступков, в том, что приводит к появлению новых членов в обществе.

М-р Мальтус упоминает, что в его время было подсчитано, что, когда соотношение жителей городов в любом штате к жителям сельской местности составляло 1 к 3, то смертность составляла около 28 на 1000 человек, повышаясь до 32 на 1000, когда соотношение горожан к соотечественникам составляло 3 к 7; и падая ниже 28 на 1000, когда отношение горожан к соотечественникам составляло 1 к 4. В принципе, это справедливо и в наше время: и не может быть и речи о том, чтобы ожидать, что уровень смертности в крупных городах будет таким же низким, как в сельских районах, населенных сытыми крестьянами.

В главе vi наш автор говорит о чеках населению Швейцарии. Из статистических данных, существующих в Женеве, следует, что в этом городе в шестнадцатом веке вероятность жизни, или возраст, до которого доживает половина родившихся, составлял всего 4,88, или, скорее, меньше 5; а средняя продолжительность жизни составляла около 18 с половиной лет. В семнадцатом веке вероятность жизни составляла 11½, а средняя продолжительность жизни - 23½. В восемнадцатом веке вероятность жизни возросла до 27, а средняя продолжительность жизни - до 32.

Месье Мюре, швейцарский священник из Веве в XVIII веке, упоминает случай с деревней Лейзин с населением 400 человек, где рождалось всего восемь человек в год. Вероятность прожить в этом образцовом приходе оказалась настолько необычайно высокой, что достигла 61

года. И то, что среднее число рождений в течение 30 лет почти точно равнялось числу смертей, ясно доказывало, что привычки людей не привели их к эмиграции и что ресурсы прихода для поддержки населения оставались почти неизменными. Поскольку браки в этом приходе, за редким исключением, заключались бы с большим опозданием, очевидно, что очень большая часть существующих браков была бы заключена среди лиц, настолько преклонных в жизни, что женщины перестали бы рожать. Рождаемость составляла всего около 1 из 49 населения, или намного меньше, чем в современной Франции (1 из 40). В Англии в настоящее время это 1 из 28 населения.

Г-н Мюре произвел в Веве некоторые расчеты относительно плодovitости браков. Он обнаружил, что 375 матерей произвели на свет 2093 ребенка: *т.е.*, примерно по шесть детей у каждой: и он также обнаружил, что из 478 бесплодных женщин было 20, или примерно 1 из 23 жен. Принимая это во внимание, среднее количество детей в семье в Веве составляло $5\frac{1}{3}$. В современной Франции это около 3, в Пруссии 4·68, а в Англии около $4\frac{1}{2}$. В те дни доля ежегодных браков в населении кантона Во была ниже, чем даже в Норвегии, и составляла всего 1 к 140. В образцовой деревне Лейзинтолько пятая часть общей смертности приходилась на лиц моложе пятнадцати лет. Таковы были результаты того, что мистер Мальтус считал единственным истинным “моральным ограничением”, - поздних браков. Все эти расчеты М. Мюре подразумевают проведение профилактической проверки населения в очень значительной степени в кантоне Во. В городе Берн доля неженатых людей, включая вдов и вдовствующих вдовцов, значительно превышала половину взрослого населения, а соотношение лиц моложе шестнадцати лет к тем, кто старше, в начале этого столетия составляло почти 1 к 3. Крестьяне в Берне славилась комфортом и богатством, несомненно, из-за низкой рождаемости в этой стране. Там действовал закон, запрещающий тем, у кого не было средств, вступать в брак.

Мистер Мальтус приводит забавный отчет о разговоре, который у него состоялся с крестьянином, который шел с ним от озера Жу к истокам реки Орб. Этот человек сказал, что привычку вступать в ранние браки действительно можно назвать пороком страны: и он был настолько сильно впечатлен необходимым и неизбежным несчастьем, которое должно быть результатом этого, что, по его мнению, следовало бы издать закон, запрещающий мужчинам вступать в брак до достижения ими сорокалетнего возраста, а затем разрешающий это только со старыми девами, которые могли бы родить им двоих или троих детей вместо шести или восьми. Мы не сомневаемся, что этот крестьянин был бы одним из самых ревностных сторонников системы *двух детей*, столь чудесно применяемой во многих самых цветущих округах Франции, и, вероятно, оставил бы всякое желание удерживать благоразумные пары, подобные тем, что живут в этих французских округах, от заключения брака. Мы согласны с этим простым крестьянином из Юры, который познал истины, которые он излагал, на печальном и жестоком опыте, он женился сам в очень молодом возрасте и вместе со своей семьей сильно страдал от бедности, что правительства виновны, когда они не пытаются снизить высокий уровень рождаемости. Запрещать ранние браки, действительно, значит поощрять проституцию и вызывать множество других зол; но навешивать клеймо позора на тех, кто создает большие семьи, - это, насколько мы можем видеть, план, который может принести только добро и не должен привести к плохим результатам. Это полное непонимание прав личности - предполагать, что каждый мужчина и женщина должны иметь *право* причинять страдания своим несчастным детям и в то же время оказывать давление на почву и уменьшать производительную силу прошлого и нынешнего труда. Мы ни на минуту не можем сомневаться в

том, что вскоре станет ясно, что это истина, вытекающая из открытий великого английского профессора.

ГЛАВА V. О ЧЕКАХ НАСЕЛЕНИЮ ФРАНЦИИ.

В шестой главе книги II г-н Мальтус дает нам некоторый отчет о мерах сдерживания населения, существовавших во Франции в конце прошлого столетия, который мог бы убедить самых скептически настроенных современных пессимистов в огромных успехах, которые нация может сделать за короткий период на пути к достижению комфорта и благополучия.

Население Франции до начала войны, говорит Мальтус, оценивалось Учредительным собранием в 26 с половиной миллионов. Неккер подсчитал, что в 1780 году ежегодное число рождений превышало миллион, и любопытно, как мы вскоре увидим, что в 1874 году во Франции при населении в 36 миллионов человек не было и миллиона рождений. Мальтус подсчитал, что из этого миллиона 600 000 человек достигнут 18-летнего возраста; и, учитывая, что в данном обществе можно найти почти столько же неженатых, сколько женатых, он вполне объясняет кажущийся парадокс, заключающийся в том, что, хотя предполагалось, что Франция потеряла 2 с половиной миллиона человек в результате настоящей войны и ее последствий, во время Революции было обнаружено, что население увеличилось в 1800 году по сравнению с 1790 годом.

“Во все времена, ” говорит Мальтус, “ число мелких фермеров и собственников во Франции было велико; и хотя такое положение вещей никоим образом не благоприятствует явному избытку продукта или располагаемому богатству нации, все же иногда оно не является неблагоприятным для абсолютного объема продукта и всегда имеет тенденцию стимулировать рост населения”. Это последнее замечание мистера Мальтуса не было проверено. Ни в одной стране население не увеличивается так медленно, как в современной Франции, где земля по преимуществу принадлежит крестьянам-собственникам. По всей вероятности, быстрый рост населения во времена Французской революции был вызван более низким уровнем смертности, который всегда следует за внезапным улучшением положения более бедных классов, подобным тому, которое произошло, когда в их владение перешла земельная собственность.

Среднее соотношение рождений к численности населения во всей Франции до революции составляло, по данным Неккера, 39 на 1000 человек. С тех пор он кардинально изменился и сейчас составляет всего 26 случаев на 1000 человек, что является самым низким показателем рождаемости в Европе. Уровень смертности тогда составлял 33 на 1000 человек, а в последнее время снизился до 21 на 1000, что является почти самым низким показателем смертности в Европе.

У сэра Фрэнсиса д'Ивернуа в работе, озаглавленной "Таблица пертов", есть следующее замечание: “Тем, кто еще не усвоил первых принципов политической арифметики, кто воображает, что именно на полях сражений и в госпиталях можно вести учет жизней, которых стоили революция или война. Количество людей, которых он убил, имеет гораздо меньшее значение, чем количество детей, появлению на свет которых он помешал и все еще будет препятствовать ”. На это г-н Мальтус отвечает: “И все же, если обстоятельства, на которых основаны вышеприведенные рассуждения, окажутся верными, то окажется, что Франция не потеряла ни одного рождения в результате революции. У нее есть все основания оплакивать два с половиной миллиона человек, которых она, возможно, потеряла, но не их потомство: потому что, если бы эти люди остались в стране, пропорциональное количество детей, рожденных от

других родителей, которые сейчас живут во Франции, не появилось бы на свет. Если бы в самой управляемой стране Европы мы должны были оплакивать потомство, которому не дали появиться на свет, мы всегда носили бы одежду скорби”.

“Очевидно, ” продолжает он, “ что постоянная тенденция рождаемости в каждой стране заполнять вакансии, образовавшиеся после смерти, не может, с моральной точки зрения, служить ни малейшей тенью оправдания бессмысленным человеческим жертвам. Положительное зло, которое совершается в этом случае, боль, несчастье и широко распространяющиеся опустошение и скорбь, причиняемые существующим жителям, никоим образом не могут быть уравновешены соображением о том, что численный разрыв в населении будет быстро устранен. У нас не может быть другого права, морального или политического, кроме как в силу самой настоятельной необходимости обменять жизнь существ в полном расцвете их наслаждений на равное количество беспомощных младенцев”.

Следующий отрывок показывает, насколько значительно улучшилось положение современной Франции по сравнению с тем, что было до революции. “Во все времена, - говорит наш автор, - число мужчин призывного возраста во Франции было небольшим по отношению к численности населения из-за склонности к браку (по данным Неккера, от 1 до 113 человек населения) *и большого количества детей*. Неккер обращает особое внимание на это обстоятельство. Он отмечает, что следствием очень большой нищеты крестьянства является ужасающая смертность младенцев в возрасте до трех-четырех лет; и следствием этого является то, что число маленьких детей всегда будет в слишком большой пропорции к числу взрослых людей. Миллион человек, справедливо замечает он, в этом случае не будет представлять ни такой же военной силы, ни такой же трудоспособности, как равное количество людей в стране, где люди менее несчастны. Швейцария до революции могла бы задействовать в полевых условиях или на работах, подходящих для взрослых людей, на треть больше по отношению к своему населению, чем Франция в тот же период”.

Насколько поразительно все это изменилось из-за привычек бережливого отношения к семьям, вызванных крестьянскими владениями во Франции, ясно видно из следующих статистических данных: — В возрасте от 20 до 60 лет человеческий организм наиболее способен к производству, и, согласно Кольбу, на 10 000 человек в нескольких государствах Европы приходится следующее количество лиц продуктивного возраста: во Франции - 5 373; в Голландии - 4964; в Швеции - 4954; в Великобритании - 4732; и в Соединенных Штатах - 4 396. Во Франции из всех европейских стран самый высокий средний возраст живущих. Таким образом, там он составляет 31·06 лет: в Голландии - 27·76; в Швеции - 27·66; в Великобритании - 26·56; и в Соединенных Штатах - 23·10. И во Франции доживает до старости большее число людей, чем в любой другой стране, поскольку из 100 умерших во Франции приходится 36 человек старше шестидесяти; в Швейцарии - 34; в Англии - 30; в Бельгии - 28; в Вюртембурге - 21; в Пруссии - 19; и в Австрии - 17.

Но наиболее примечательным из всех фактов современной Европы является то, что браки во Франции более распространены по отношению к численности населения, чем где-либо еще, и, что любопытно, здесь наименьшее число внебрачных детей. Таким образом, незаконнорожденные дети во Франции в 1825-67 годах составляли всего 7·27%. от всех рождений, в то время как в Пруссии они составляли 8·24%. в 1867 году в Швеции их было 10%, в Австрии - 11, а в Баварии в 1868 году даже 22%. от всех рождений. Париж является

исключением из этого правила, поскольку незаконнорожденные дети составляют здесь около четверти всех рождений.

Во Франции в 1867 году смертность составляла всего 1 на 44·24 человека; в то время как в Пруссии смертность составляла 1 на 33·88 человек, в Австрии 1 на 29·72, в Голландии 1 на 36·25 и в Баварии 1 на 34·65 жителей. И здесь снова бросается в глаза разительный контраст современной Франции со страной времен Неккера. Во Франции сейчас самый низкий уровень рождаемости в Европе. Там ежегодно рождается всего одно рождение на 39 жителей, в то время как в Пруссии одно рождение на 25·47; в Голландии 1 на 29; в Австрии 1 на 26; в Англии 1 на 28 жителей. Согласно статье М. Бертильона о браке, опубликованной в 1877 году, среднее число семей, вступающих в брак во Франции, в настоящее время составляет всего 3: против 4 · 68 в Германии, 3 · 96 в России, 4 · 35 в Испании и 4 · 25 в Англии. Это то, что недавно было названо в Европе "Французской системой двух (или, скорее, трех) детей". Когда мы слышим об абсурдно высоком уровне рождаемости в 4,68% населения Германии, нужно ли нам удивляться, что уровень смертности во многих немецких городах иногда достигает половины всех рожденных на первом году жизни?

В 1872 году население Франции составляло 36 102 921 человек, и число рождений среди этого населения (966 001) не соответствовало тому, что было во времена Неккера, когда население составляло всего 26 с половиной миллионов. И в то время как население Соединенного Королевства, по данным нашего Генерального регистратора, увеличивается со скоростью 1173 человека в день, из которых около 700 приходится на пополнение домашнего населения, превышение рождаемости над смертностью во Франции, как правило, ненамного превышает 60 000 человек, ежегодно добавляемых к ее населению, так что потребуется около 300 лет, чтобы эта страна удвоила свои нынешние темпы.

Вследствие нашего высокого уровня рождаемости, 36 на 1000 человек, естественно, наблюдается большая эмиграция, составляющая, как сообщает нам Генеральный регистратор, в среднем около 468 человек ежедневно с этих берегов, эмиграция, которая, поскольку она была в основном мужской, оставила нам избыток в размере почти миллиона женщин на этих островах. Во Франции нет большой потребности в эмиграции; и, следовательно, мало что происходит; в то время как крестьяне-собственники настолько довольны своими домами, что в 1872 году было обнаружено, что из 36 миллионов жителей Франции 30 с половиной миллионов родились в регистрационных округах. Этот факт объясняет сохранение Республики во Франции. Бедность - причина разорения республик.

Мы добавим несколько отрывков из недавнего автора, чтобы показать, какой большой шаг был сделан жителями многих частей Франции в направлении ликвидации той ужасной нищеты, которая наблюдается в большинстве европейских стран и даже в менее благополучных районах Франции.

В статье об Оверни, написанной в 1874 году и содержащейся в его работе под названием "Очерки политической и моральной философии", вышедшей в прошлом году, мистер Клифф Лесли делает следующие замечания: "Незначительное разделение земель в течение последних 25 лет в Лимане, каковы бы ни были его тенденции к добру или злу в нравах и других отношениях, безусловно, не может быть приписано перенаселению, которое когда-то рассматривалось в Англии как неизбежное следствие французского закона о наследовании....В отчете Опроса Агриколя по департаменту говорится: 'Все свидетели заявили, что одной из

основных причин сокращения численности населения является уменьшение количества детей в семьях. Каждая семья обычно желает иметь только одного ребенка; а когда их двое, это результат ошибки (*une erreur*) или того, что, родив сначала дочь, они хотят иметь сына.' Бедная женщина недалеко от Руйата, к которой я обратился с несколькими вопросами относительно заработной платы и цен, спросила, здесь ли моя жена и дети или на одном из других водоемов, и, казалось, была очень удивлена, что у меня нет ни того, ни другого. Она считала, что английский турист должен быть достаточно богат, чтобы иметь нескольких детей; но когда ее спросили, сколько их у нее самой, она ответила с многозначительной улыбкой: 'Один мальчик, этого вполне достаточно'. Наш разговор в этот момент был следующим:—"За даму и ее поклонников, сын короля?" "Non." 'Ou donc? Монм-Дор?' 'Moi, je n'ai ni enfants ni femme.' 'Quoi! Pas encore?!' 'Et vous, combien d'enfants avez-vous?' 'Un gars: c'est bien assez. Nous sommes pauvres, mais vous êtes riche. Cela fait une petite différence.' Перевод которого таков: 'Ваша жена и дети в Руайате?' - "Нет". - "Тогда где? В Мон-Доре?" "У меня нет ни жены, ни детей". 'Что? Еще нет?!' 'А вы, сколько у вас детей?' 'Один мальчик: этого вполне достаточно. Мы бедны, но мы богаты. Это немного меняет дело".

Г-н Лесли продолжает, стр. 424: "Если перенаселение порождает огромные проблемы в Индии, то сокращение числа детей во Франции представляется почти столь же серьезным. Если у каждой супружеской пары родится по двое детей, популяция должна сократиться, потому что значительная ее часть не достигнет зрелости. Если у каждой пары родится только по одному ребенку, нация должна быстроисчезнуть. Французский закон о престолонаследии производит эффект, прямо противоположный тому, который был предсказан в этой стране. Если бы родители во Франции обладали полной властью по завещанию, не было бы той же причины для ограничения числа детей. Соответственно, месье Леон Иско в своих показаниях по этому вопросу передзапросом Агриколя в Пюи-де-Дом сказал— 'Число рождений в семьях сократилось наполовину. Мы должны прийти к свободе завещания. В таких странах, как Англия, где существует свобода завещания, в семьях больше детей".

Мистер Лесли ужасно озадачивает нас. В эссе о celibate нации он рекомендует всячески поощрять женское безбрачие во всех странах, которые желают иметь счастливые браки, но все же он против *системы* во Франции. Решительно, мистер Лесли не продумал этот вопрос. Он добавляет на стр. 424: "Что бы ни думали об изменениях, происходящих во Франции в отношении численности населения, есть одно изменение, которым ни одна другая страна не имеет равных оснований гордиться. Его сельскохозяйственное население до революции находилось на последней грани нищеты — их нормальным состоянием было полуголодное существование; о них едва ли можно было сказать, что они были одеты; их внешность во многих местах едва ли можно было назвать человеческой. Ни одна другая страна в Европе, взятая в целом, не может сейчас показать в целом столь благополучное, счастливое, процветающее и респектабельное крестьянство".

В статье "Каникулы в Восточной Франции, Сена и Марна", опубликованной во Fraser's Magazine за сентябрь 1878 года, мы находим такой отрывок: "Мы находимся посреди одного из самых богатых и лучше всего возделываемых регионов Франции, и когда мы проникаем глубже, мы обнаруживаем, что по манерам и обычаям, а также по одежде и внешнему виду крестьяне и сельскохозяйственное население в целом немало отличаются от своих более отдаленных соотечественников, бретонцев.... Здесь нет суеверий, почти нет следов бедности, и мало что поэтично. Люди богаты, трудолюбивы и прогрессивны.... Знаменательным фактом является то,

что в этом хорошо образованном районе, где газеты читают беднейшие слои населения, где благополучие является правилом, а бедность - редким исключением, церковь по воскресеньям пуста, а авторитет священника *равен нулю*.

“Приятно наблюдать повсеместное процветание этого особо благоприятствуемого региона. ‘Здесь нет бедности,’ говорят мои хозяин и хозяйка, ‘и именно поэтому жизнь так приятна’. Совершенно верно! Куда бы вы ни пошли, вы найдете хорошо одетых людей довольного вида — ни лохмотьев, ни убожества, ни крайней нужды.... Обычное выражение довольства, написанное на лицах, которые вы встречаете, очень бросается в глаза. Кажется, что в этой стране Гошен жизнь не была бременем, а лишь предметом удовлетворения. Вряд ли можно сказать, что классовые различия существуют. Конечно, есть наниматели и нанятые, хозяева и слуги; но демаркационная линия проведена слабо, и мы обнаруживаем непринужденную фамилльярность, существующую между ними, совершенно свободную от невежливости, а тем более от вульгарности.... Поражает также приятная внешность, интеллект и опрятный внешний вид детей, о которых, очевидно, хорошо заботятся. Стены домов увиты виноградными лозами и душистым горошком, на окнах - цветы, и в целом создается впечатление уюта и непринужденности, которых нет нигде в Западной Франции.... Здесь царят порядок и чистота, а уровень благосостояния вряд ли можно сравнить за пределами Америки

“Грязь встречается редко, я бы даже сказал, так же неизвестно, как лохмотья.... Пьянство также сравнительно, в некоторых местах мы могли бы сказать абсолютно, отсутствует. По мере дальнейшего знакомства с этими благоприятными регионами мы могли бы предположить, что, по крайней мере, здесь сбылись мечты утопистов и что бедность, убожество и убогость были изгнаны навсегда”.

В августе 1878 года я имел большое преимущество, прочитав в качестве вице-президента Первой секции Международного гигиенического конгресса в Париже эссе на тему “Слишком быстрый рост численности населения как причина болезней и смертности”. В ходе последовавших дебатов доктор Бертильон, выдающийся профессор медицинского факультета Парижа, который так много сделал для социальной статистики, сказал, что, по его мнению, во многих частях Франции слишком велико нежелание людей увеличивать численность населения. В Бретани браков было мало, но они были очень плодовитыми, а люди были очень бедны. Влияние священников в этой провинции было первостепенным, а смертность, как среди взрослых, так и среди детей, была огромной. В Нормандии в семье было очень мало детей, и уровень смертности в этой провинции был низким. Французское правительство, по его словам, по-видимому, действовало в соответствии с планом, рекомендованным читателем эссе, поскольку оно облагало налогом лиц с большими семьями в той же степени, что и лиц с маленькими. Он признавал, что размер семьи должен регулироваться предусмотрительностью родителей, но считал, что в настоящее время население Франции слишком стационарно.

Доктор Ланьо сказал, что во Франции у богатых были самые маленькие семьи, в то время как у очень бедных часто были большие. Богатые государственные служащие, прежде всего, были известны небольшим размером своих семей. В случае с крестьянами-виноградарами на Марне у многих был бы только один ребенок или даже вообще не было бы ни одного, поскольку этим крестьянам было трудно привлечь людей из города и помочь им на фермах, и им приходилось выполнять всю работу самостоятельно. Следовательно, женский труд был очень востребован.

Эти факты, несомненно, дадут многим вдумчивым людям достаточно ясную картину замечательного положения современной Франции, единственной страны в Европе, которая, по-видимому, пока еще начала серьезно решать гигантский вопрос о населении.

ГЛАВА VI. О ЧЕКАХ НАСЕЛЕНИЮ АНГЛИИ, ШОТЛАНДИИ И ИРЛАНДИИ.

Мистер Мальтус в седьмой главе своей второй книги говорит о чеках населению в Англии. Он указывает, что человек с широким образованием, имеющий доход, достаточный только для того, чтобы общаться с образованными людьми, должен быть абсолютно уверен в том, что, если он женится и заведет семью, он будет вынужден возвращаться в обществе необразованных людей. Такие соображения заставляют его задуматься. Сыновей торговцев и фермеров призывают не вступать в брак, пока они не устроятся в каком-нибудь бизнесе или на ферме, а рабочий, который зарабатывает два шиллинга в день и живет безбедно, пока холост, не решится разделить эти гроши между пятью! У слуг богатых людей так много удобств, что они, естественно, неохотно опускаются до положения владельцев какой-нибудь бедной харчевни.

Следовательно, во времена Мальтуса (1806) ежегодные браки в Англии и Уэльсе составляли 1 на 123% населения, что меньше, чем в любой европейской стране того времени, за исключением Норвегии и Швеции. Доктор Шорт, писавший в 1750 году, предложил облагать одиноких людей высокими налогами для поддержки женатых бедняков. Г-н Мальтус отвечает на это предложение ученого судьи, что неразумно просить людей вступать в брак, пока такие толпы детей умирают в младенчестве и среди женатых людей существует такая большая бедность. Те, добавляет он, кто живет один или поздно вступает в брак, не уменьшают этим фактическую численность населения. Они просто предотвращают долю преждевременной смертности, которая в противном случае была бы чрезмерной. Сэр Ф. М. Иден упомянул, что в некоторых английских деревнях смертность, по-видимому, была очень низкой, а именно: 1 к 47, или 21 на 1000 человек. Лондон в начале этого столетия, по-видимому, был далеко не таким здоровым местом, как сейчас. Согласно авторитетному доктору Прайсу, смертность на самом деле составляла 60 случаев на 1000 человек (1 к 20½), в то время как в настоящее время она составляет около 23 случаев на 1000 человек. В ту же эпоху уровень смертности в Манчестере составлял 1 к 21, или 35 на 1000 человек; так что в те дни Манчестер был намного здоровее Лондона. Увы, промышленные предприятия! какими бы полезными они ни были, они почти всегда наиболее вредны для здоровья, потому что они собирают толпы людей вместе без комфорта, образования или предусмотрительности.

М-р Мальтус справедливо замечает, что “несомненно, в больших городах и даже в небольших поселках есть что-то особенно неблагоприятное для самых ранних стадий жизни”. Города, добавляет он, особенно опасны для жизни детей. “В Лондоне, согласно прежним подсчетам, половина родившихся умирала в возрасте до трех лет; в Вене и Стокгольме - до двух; в Нортгемптоне - до десяти. В деревнях, напротив, половина рожденных доживает до тридцати, сорока, сорок шести лет и старше”. Он добавляет, что в приходах, где смертность столь мала,

как 1 к 60 или 1 к 75, половина родившихся дожила бы до 50 или 55 лет. Согласно часто цитируемым таблицам мистера Чарльза Анселла, именно так обстоит дело среди представителей профессиональных классов в Англии и Уэльсе в настоящее время.

Доктор Шорт, кажется, оценил уровень рождаемости в Англии в 1 к 28, или 35 на 1000 человек. Это примерно наш нынешний уровень рождаемости. “До сих пор,” говорит наш автор, “среди политических аналитиков было обычным рассматривать большое количество рождений как самый верный признак сильного и процветающего государства. Однако следует надеяться, что это предубеждение продлится недолго. В таких странах, как Америка, или в других странах с высокой смертностью большая доля рождений может быть благоприятным симптомом; но в среднем состоянии хорошо заселенной территории не может быть худшего признака, чем большая доля рождений, и не может быть лучшего признака, чем небольшая доля”. Это предложение должно быть написано золотыми буквами на общественных памятниках всех цивилизованных государств.

Мальтус цитирует сэра Фрэнсиса д'Ивернуа, который отнюдь не всегда столь мудр, который писал следующее: “Если бы различные государства Европы ежегодно вели и публиковали точный отчет о своем населении, тщательно отмечая во второй колонке точный возраст, в котором умирают дети, эта вторая колонка показала бы относительные заслуги правительств и сравнительное счастье их подданных. Тогда одно-единственное арифметическое утверждение, возможно, было бы более убедительным, чем все аргументы, которые можно было бы привести”.

Г-н Мальтус говорит об огромной трудности получения достоверной информации о численности народа, существовавшей в прежние века. По словам Давенанта, в 1690 году количество домов (в Англии и Уэльсе) составляло 1 319 215. Учитывая, что в доме проживало пять человек, это дало бы население в шесть с половиной миллионов в 1690 году; и совершенно невероятно, что с этого времени до 1710 года население должно было уменьшиться почти на полтора миллиона. Таким образом, по оценкам, население Англии и Уэльса в последний год составляло всего пять миллионов человек.

В восьмой главе своей второй книги наш автор рассказывает о проверках населения Шотландии и Ирландии. В начале этого столетия, как и сейчас, Шотландия, по-видимому, была одной из самых здоровых стран в Европе. Мальтус упоминает, что в приходе Кроссмайкл, в Киркудбрайте, смертность составляла один к 98, а ежегодные браки - один к 192 от общей численности населения. Мистер Уилки заявил, что, судя по отчетам 36 приходов, ожидаемая продолжительность жизни младенца достигает 40-3 лет. Не может быть никаких сомнений в том, что все эти цифры в большей или меньшей степени ошибочны.

М-р Мальтус в письме, написанном в 1806 году, говорит, что “в этих приходах Шотландии, где появилось промышленное производство, предлагавшее работу детям, как только они достигали шестого или седьмого года, естественным образом установилась привычка вступать в ранние браки; и, хотя производство продолжает процветать и увеличиваться, зло, проистекающее из этого, не очень заметно; хотя человечество должно со вздохом признать, что одна из причин, почему это не так заметно, заключается в том, что место для новых семей освобождается из-за неестественной смертности, которая имеет место среди детей, занятых таким образом”. М-р

Ван Хаутен. наиболее красноречиво развил эту тему на заседании Международного конгресса медиков в Амстердаме в 1879 году, когда он сказал, что детей никогда не следует использовать в промышленности: “Ребенок принадлежит самому себе и должен играть. Сколько детских жизней, - продолжал он, - мы не износим в нашей одежде и не выкуриваем в наших сигарах!”

Другой писатель времен Мальтуса поражен быстрым ростом населения в некоторых частях Шотландии, несмотря на значительную эмиграцию в Америку в 1770 году и значительную утечку во время войны. В приходе Дати (Элджин) ежегодные рождения составляли 12 от всего населения, браки заключались один раз из 55. Утверждалось, что от каждого брака в этом месте рождалось по семеро детей, и все же население уменьшалось. В те дни женщины Шотландии, по-видимому, были очень плодовитыми. В приходе Нигг (Кинкардин) насчитывалось 57 семей с 405 детьми —*т.е.*, почти по $7\frac{1}{2}$ в каждой. Сравните это с современной Францией, где в среднем в браке рождается трое детей. В Шотландии в настоящее время количество детей в браке составляет около четырех.

Знаменитый священник доктор Чалмерс, столетие со дня рождения которого отмечалось 7 марта 1880 года, всегда был крайнепротив введения в Шотландии английской системы защиты бедных. М-р Мальтус указывает, что до него “бедняки Шотландии в целом поддерживались добровольными пожертвованиями, распределявшимися под контролем приходского священника; и в целом представляется, что они проводились с большим благоразумием. Не имея права претендовать на помощь, а запасы, исходя из способа их сбора, неизбежно ненадежны и никогда не бывают в изобилии, бедняки рассматривали их просто как последний ресурс в случаях крайнего бедствия, а не как фонд, на который они могли бы положиться”. В отчете Кэрлаверока, в ответе на вопрос: “Как следует обеспечивать бедных?” наиболее разумно замечено, “что бедствие и бедность умножаются пропорционально средствам, созданным для их облегчения; что меры благотворительности должны оставаться невидимыми до того момента, когда возникнет необходимость их распределения; что в сельских приходах Шотландии в целом достаточно небольших периодических добровольных сборов; что у законодательного органа нет причин вмешиваться, чтобы увеличить поток, который и без того достаточно обилен; в конце концов, что установление платы для бедных было бы не только ненужным, но и вредным, поскольку это привело бы к угнетению землевладельца, не принося помощи бедным”.

Чалмерс с энтузиазмом проповедовал эти доктрины в течение своей долгой и богатой событиями жизни, и его нравоучительное поведение в той части города Глазго, где он был пастором, навсегда останется в памяти всех ценителей человеческого счастья.

Закон о защите бедных от 1834 года, который был принят в соответствии со взглядами Мальтуса и Чалмерса, к сожалению, не установил эффективного контроля за количеством помощи на улице, и, следовательно, число неимущих на улице в Англии часто достигает одной восьмой всех получивших помощь. Это деморализует и обнищает английскую бедноту до угрожающей степени. Этот закон о бедных был введен в Шотландии с преувеличением его худших черт в 1845 году, когда был введен совершенно новый закон о бедных с большими возможностями для оказания помощи на улице. Вполне мог бы Чалмерс предостеречь своих соотечественников от такого закона о бедных. Это уже привело к обнищанию самых интересных крестьян на Британских островах до такой степени, что, в то время как в Англии один из каждых двадцати человек часто является нищим, в Шотландии таковым является уже каждый двадцать третий, тогда как в Ирландии, с гораздо более низким уровнем комфорта, но гораздо более строгим

законом о бедных, только один из семидесяти четырех человек получает какую-либо приходскую помощь.

“Эндемические и эпидемические заболевания в Шотландии, - говорит Мальтус, - как обычно, поражают главным образом бедных.... Тем же причинам в значительной степени приписываются ревматизм, который является общим, и чахотка, которая часто встречается среди простых людей. Где бы, в каком бы месте, в силу определенных обстоятельств, положение бедных ни ухудшалось, эти расстройства, особенно последнее, проявлялись с большей силой”. В этих наблюдениях г-н Мальтус закладывает саму основу науки о здоровье. Здоровье в Европе, показывает он, несовместимо с высоким уровнем рождаемости, который вызывает перенаселенность, чахотку и смертность.

Шотландия, пишет Мальтус в 1806 году, безусловно, все еще перенаселена, но не так сильно, как это было столетие назад, когда в ней было меньше жителей. В Шотландии в 1801 году проживало 1 608 420 человек, а в 1871 году - 3 360 018, так что время ее удвоения составило почти семьдесят лет, или намного медленнее, чем в Англии и Уэльсе.

Что касается Ирландии, то в десятой главе Второй книги Мальтуса есть только один короткий абзац, посвященный этой стране. Мы приводим его полностью: “Сведения о населении Ирландии малоизвестны. Поэтому я только замечу, что расширенное использование картофеля позволило очень быстро увеличить его количество в течение последнего столетия (18-го). Но дешевизна этого питательного корнеплода и небольшой участок земли, который при такой обработке в среднем за несколько лет даст пропитание семье, в сочетании с невежеством и варварством людей, которые побудили их следовать своим наклонностям без какой-либо иной перспективы, кроме немедленного скудного пропитания, до такой степени поощряли браки, что население было вытеснено далеко за пределы промышленности и нынешних ресурсов страны; и естественным следствием этого является то, что низшие классы людей находятся в самом подавленном и жалком состоянии. Проверки населения, конечно, в основном положительного характера и возникают из-за болезней, вызванных вопиющей нищетой, сыростью и убогими хижинами, плохой и недостаточной одеждой, грязью их личности и периодической нуждой”.

Мальтус здесь предвидел голод 1848 года, который, благодаря эмиграции, сократил население Ирландии с 8 175 124 человек в 1841 году до 6 552 385 человек в 1851 году. Несомненно, как показали м-р Дж. С. Милль, профессор Лавли и другие последующие авторы, жалкое положение ирландского крестьянина обусловлено главным образом невыносимыми феодальными законами о землевладении, которым был так жестоко положен конец в нашем самом счастливом из современных европейских государств, Франции.

ГЛАВА VII. ОТДЕЛЬНЫЕ ОЧЕРКИ.

В томе II. "Эссе о принципе народонаселения" (издание 1806 г.) содержится ряд наиболее интересных замечаний по вопросу народонаселения. Книга II. содержит главы о

плодотворности брака, о последствиях эпидемий, о метрических книгах рождений, смертей и браков, а также об общих выводах из предыдущего взгляда на общество.

“Нет абсолютно необходимой связи, - говорит Мальтус, “ между средним возрастом вступления в брак и средним возрастом смерти. В стране, ресурсы которой позволяют быстро увеличить численность населения, ожидаемая продолжительность жизни или средний возраст смерти могут быть чрезвычайно высокими, и все же брачный возраст может быть очень ранним; и тогда количество браков по сравнению с современными данными о смертности, зарегистрированными в реестрах, будет, даже после поправки на вторые и третьи браки, слишком большим, чтобы отражать истинную долю рожденных, живущих для вступления в брак”.

В начале нынешнего столетия из отчетов Филадельфийского общества, опубликованных в статье м-ра Бартон, озаглавленной “Наблюдения над вероятностью жизни в Соединенных Штатах”, явствует, что отношение числа браков к числу рождений составляло 1 к 4½. Поскольку, однако, эта пропорция была взята в основном из городов, вполне вероятно, согласно Мальтусу, что число рождений было слишком низким и что целых пять можно было бы принять за среднее значение для города и деревни. Согласно этому автору, смертность на ту дату составляла примерно 1 к 45; и, если бы население удвоилось за двадцать пять лет, рождаемость была бы 1 к 20 (50 на 1000 человек).

В Англии в начале нынешнего столетия соотношение числа браков к числу рождений, по-видимому, составляло примерно 100 к 350. Но в те дни мистер Мальтус подсчитал, что ежегодное отношение числа браков к числу рождений в Англии составляло примерно 1 к 4. В настоящее время в лондонском Ист-Энде автор обнаружил, что среднее число детей в браке среди женщин из бедных классов составляет около 7, в то время как ежегодное число рождений в Англии и Уэльсе от браков составляет почти 4/4 к 1. Во Франции ежегодные браки относятся к рождениям как 1 к 3.

Писатель времен м-ра Мальтуса, Кроум, отмечает, что, когда в результате браков в стране рождается менее четырех детей, население находится в очень нестабильном состоянии; и он оценивает плодovitость браков по соотношению ежегодных рождений к бракам. Если бы это было правдой, население многих стран Европы находилось бы в настоящее время в нестабильном состоянии, поскольку во многих странах, как, например, во Франции, соотношение числа браков к числу рождений намного ниже 4 к 1.

“Профилактический контроль, ” говорит Мальтус, - возможно, лучше всего измеряется малой долей ежегодных рождений по отношению ко всему населению. Соотношение числа ежегодных браков к численности населения является справедливым критерием только в странах с аналогичными условиями, но неверно там, где существует разница в количестве браков или в доле населения моложе половой зрелости, а также в темпах прироста. Если все браки в стране, независимо от того, немногочисленны они или многочисленны, заключаются молодыми и, следовательно, плодovitыми, очевидно, что для обеспечения одинаковой доли рождений потребуется меньшее количество браков или, при той же доле браков, будет произведено большее количество”.

Достаточно любопытно, что в свое время Мальтус упоминает, что во Франции как рождаемость, так и смертность были выше, чем в Швеции, хотя доля браков во Франции тогда была несколько

меньше. “И когда, - добавляет он, - в двух сравниваемых странах в одной из них гораздо большая часть населения моложе половой зрелости, чем в другой, становится очевидным, что любое общее соотношение ежегодных браков ко всему населению не будет означать одинаковой эффективности профилактической проверки среди лиц брачного возраста”.

Одна из самых интересных глав второго тома эссе Мальтуса ' та, которая касается быстрого увеличения рождаемости после эпидемий. По словам Сассмилля, до сих пор очень немногие страны были избавлены от эпидемий, которые время от времени уносили четверть или треть их населения. Этот автор подсчитал, что более трети населения Пруссии было уничтожено чумой 1711 года; и все же, несмотря на это значительное сокращение населения, оказалось, что число браков в 1711 году почти вдвое превысило среднее значение за шесть лет, предшествовавших чуме. Следовательно, соотношение рождаемости и смертности было огромным — 320 к 100 - превышение рождаемости, возможно, самое большое, какое когда-либо было известно в Америке. В течение четырех лет, последовавших зачумой, соотношение рождаемости и смертности составляло более 22 к 10, что при расчете смертности на 1 к 36 удвоило бы население за 21 год.

“Размышляя, ” говорит Мальтус, “ о чумах и сезонах болезней, которые появляются в таблицах Сассмилля после периода быстрого роста, невозможно не поразиться мысли, что количество жителей в этих случаях превышало количество пищи и жилья, необходимых для сохранения их здоровья. Масса людей, исходя из этого предположения, была бы вынуждена жить хуже, и большее число из них было бы скучено в одном доме; и эти естественные причины, очевидно, способствовали бы росту заболеваемости, даже если бы страна, с абсолютной точки зрения, не была перенаселенной. В стране, даже малонаселенной, если увеличение населения произойдет до того, как будет добыто больше продовольствия и построено больше домов, жители должны испытывать трудности с жильем ”.

В главе xi. у нас есть некоторые общие выводы из предыдущих взглядов на общество. Г-н Мальтус показывает, что основной причиной медленного роста населения в Европе является недостаточность запасов продовольствия. Ни одно поселение, утверждает наш автор, не могло управляться хуже, чем в Испании, Мексике, Перу и Кито. И все же, несмотря на все трудности, население этих колоний быстро увеличивалось. Но английские Североамериканские колонии добавили к количеству богатых земель, которыми они владели совместно с испанскими и португальскими поселениями, большую степень свободы и равенства. Во времена Мальтуса в Пенсильвании не было права первородства, а в провинциях Новой Англии старший сын имел только двойную долю. Следствием объединения этих благоприятных обстоятельств стала скорость роста, почти не имеющая аналогов в истории. Было обнаружено, что во всех северных провинциях население удвоилось за 25 лет. Первоначальное число людей, поселившихся в четырех провинциях Новой Англии в 1643 году, составляло 21 200. Впоследствии было подсчитано, что их покинуло больше, чем прибыло к ним. В 1760 году их численность возросла до полумиллиона. Таким образом, за 25 лет их численность удвоилась. В Нью-Джерси период удвоения, по-видимому, составил 22 года, а в Род-Айленде еще меньше. В отдаленных поселениях, где жители занимались исключительно сельским хозяйством и не знали роскоши, предполагалось, что их численность удвоится за 15 лет.

Население Соединенных Штатов, говорит Мальтус, написав в 1806 году, согласно последней переписи, составляет 11 000 000 человек. “У нас нет оснований полагать, что Великобритания в

настоящее время менее густонаселенна из-за эмиграции небольшого родительского поголовья, которое привело к таким цифрам. Напротив, известно, что определенный объем эмиграции благоприятствует населению метрополии. Давайте спросим, каким было первоначальное число британских эмигрантов, которое так быстро увеличивалось в Северной Америке. Почему равное число не приводит к равному увеличению за одно и то же время в Великобритании? Очевидной причиной является нехватка продовольствия; и то, что эта нехватка является наиболее действенной причиной трех непосредственных сдерживающих рост населения факторов, которые, как было замечено, преобладают во всех обществах, очевидно из быстроты, с которой даже старые государства восстанавливают опустошения, вызванные войной, эпидемией, голодом и потрясениями природы. Затем их ненадолго помещают в условия новых колоний, и эффект всегда соответствует тому, чего можно было бы ожидать. Если трудолюбие жителей не будет уничтожено, средства к существованию вскоре превысят потребности сокращенного населения; и неизменным следствием этого будет то, что население, которое прежде, возможно, было почти постоянным, немедленно начнет увеличиваться и будет продолжать свой прогресс до тех пор, пока прежнее население не восстановится”.

Десятилетние переписи населения Соединенных Штатов в этом столетии были следующими в круглых цифрах: В 1800 году - 5 305 000; в 1810 году - 7 239 000; в 1820 году - 9 638 000; в 1830 году - 12 866 000; в 1840 году - 17 069 000; в 1850 году - 23 193 000; в 1860 году - 31 443 000; в 1870 году - 38 558 000. Если мы сравним цифру 1830-12 866 000 годов с цифрой 1800-5305 000, то увидим, что население Штатов за первые тридцать лет столетия увеличилось более чем вдвое, с учетом иммиграции, благодаря простому процессу плодovitости, присущему человеческому виду.

Г-н Мальтус упоминает (глава xi, стр. 67), что в Нью-Джерси “соотношение рождений и смертей в среднем за семь лет, закончившихся 1743 годом, составляло 300 к 100. В Англии и Франции, по его словам, в то время самая высокая средняя пропорция составляла не более 120 к 100”. На сегодняшний день, в 1880 году, соотношение рождаемости и смертности во Франции составляет 111 к 100, а в Англии - 152 к 100, тогда как в Дублине смертность превышает рождаемость. В Новой Зеландии отношение рождений к смертям такое же, как 340 к 100. По его словам, в этом нет ничего наименее загадочного. “Страсть между полами, по-видимому, во все века была настолько почти одинаковой, что, выражаясь алгебраическим языком, ее можно рассматривать как заданную величину. Великий закон необходимости, препятствующий увеличению населения в любой стране за счет продовольствия, которое она может либо производить, либо приобретать, - это закон, настолько открытый нашему взору, настолько очевидный для нашего понимания, что мы ни на мгновение не можем усомниться в нем. Различные способы, которые использует природа для подавления избыточной популяции, на самом деле не кажутся нам такими определенными и регулярными; но хотя мы не всегда можем предсказать способ, мы можем с уверенностью предсказать сам факт. Если соотношение рождаемости и смертности за несколько лет указывает на увеличение численности, намного превышающее пропорциональное увеличение или приобретение продовольствия в стране, мы можем быть совершенно уверены, что, если не произойдет эмиграция, смертность вскоре превысит рождаемость, и что увеличение, наблюдаемое в течение нескольких лет, не может быть реальным средним увеличением населения этой страны. Если бы не было других причин депопуляции и если бы профилактические проверки не действовали очень решительно, каждая страна, без сомнения, была бы подвержена периодическим эпидемиям и голоду”.

Это хорошо известный отрывок, который демонстрирует гениальность писателя так же, как и любой другой в его творчестве. Насколько безмерно превосходно его ясное изложение притяжения между полами по сравнению со странными рассуждениями мистера Герберта Спенсера последних лет о предполагаемом постепенном угасании этого влечения пропорционально предполагаемому увеличению веса человеческого мозга. Весьма прискорбно видеть, какую изобретательность проявили философы последних дней, чтобы преодолеть простые и неизбежные выводы Мальтуса и его школы здравого смысла. Борьба за существование и выживание наиболее приспособленных была выдвинута в качестве аргумента в пользу того, чтобы позволить перенаселению обрекать массы на постоянные страдания, а обманчивый идеал равенства ртов и пищи на протяжении веков из-за простой причудливой тенденции организмов становиться более совершенными без проявления воли - это последняя попытка страуса зарыться с головой в песок, чтобы избежать зрелища неизбежного.

“Единственным критерием, ” говорит Мальтус, “ реального и постоянного увеличения численности населения любой страны является увеличение средств к существованию. Но даже этот критерий подвержен небольшим вариациям, которые, однако, полностью открыты для наблюдения. В некоторых странах население, по-видимому, было вынужденным: это означает, что люди постепенно привыкли жить почти на минимально возможном количестве пищи. В таких странах, должно быть, были периоды, когда население постоянно увеличивалось без увеличения средств к существованию. Китай, Индия и страны, принадлежащие арабам-бедуинам, как мы видели в предыдущей части этой работы, по-видимому, соответствуют этому описанию. Среднестатистического объема продукции в этих странах, по-видимому, едва хватает для поддержания жизни жителей, и, конечно, любой дефицит, вызванный неблагоприятными сезонами, должен быть фатальным. Народы в таком состоянии обязательно должны быть подвержены голоду”.

Почти все истории эпидемий, которые мы читали, имеют тенденцию подтверждать предположение, что они в значительной степени вызваны перенаселением, которое, как в Дублине в 1880 году, привело к перенаселению домов, заполненных плохо накормленными и плохо одетыми обитателями. Доктор Шорт, автор прошлого столетия, показывает в своей работе (Воздух, времена года и др., т. ii. стр. 206), что очень значительная часть эпидемических лет либо последовала, либо сопровождалась сезонами нехватки продовольствия. В других местах он также упоминает великие эпидемии, поскольку они особенно уменьшают численность беднейших классов; и, говоря о различных болезнях, он замечает, что те, которые вызваны плохой и нездоровой пищей, обычно длятся дольше всего.

“Мы знаем (говорит наш автор) по постоянному опыту, что лихорадки возникают в наших тюрьмах, на наших мануфактурах, в наших переполненных рабочих домах и на узких и тесных улицах наших больших городов, и все эти ситуации кажутся подобными по своим последствиям вопиющей бедности, и мы не можем сомневаться, что причины такого рода, усугубленные по степени, способствовали возникновению и распространению тех великих и изнуряющих болезней, которые раньше были так распространены в Европе, но которые теперь, благодаря смягчению их причин, повсюду значительно ослабли, а во многих местах, по-видимому, полностью искоренены.

“Относительно другого великого бедствия человечества — голода - можно заметить, что не в природе вещей, чтобы увеличение населения непременно приводило к нему. Этот рост, хотя и

быстрый, неизбежно постепенный, и поскольку человеческий организм не может поддерживаться даже в течение очень короткого времени без пищи, очевидно, что человеческих существ может вырасти не больше, чем необходимо для поддержания. Но хотя принцип народонаселения не может полностью вызвать массовый голод, он подготавливает почву для него самым полным образом и, обязывая все низшие классы людей существовать лишь за счет наименьшего количества пищи, необходимого для поддержания жизни, превращает даже небольшой дефицит из-за смены времен года в серьезную нехватку; и поэтому можно справедливо сказать, что он является одной из главных причин массового голода. Среди признаков приближающегося дефицита доктор Шорт упоминает один или несколько лет подряд с обильными урожаями, и это наблюдение, вероятно, справедливо, поскольку мы знаем, что общий эффект лет дешевизны и изобилия заключается в том, что большее число людей вступают в брак, и при таких обстоятельствах возврат к году, который дает лишь средний урожай, может привести к дефициту”.

В последнее время на профессиональных собраниях много говорилось о недавних эпидемиях оспы. Любопытно услышать, что скажет наш автор, писавший в 1806 году, или через семь лет после открытия Эдварда Дженнера. “Оспа (говорит Мальтус, книга 2, глава xi., стр. 61), которую в настоящее время можно рассматривать как самую распространенную и смертельную эпидемию в Европе, из всех других, возможно, наиболее трудно поддается объяснению, хотя периоды ее возвращения во многих местах регулярны. Доктор Шорт (Air, Seasons, т. ii., стр. 441) отмечает, что, судя по истории этого заболевания, оно, по-видимому, очень мало зависит от нынешних погодных условий времен года, и что оно проявляется эпидемически всегда и во всех штатах Европы”. воздух, хотя и не так часто в сильный мороз. Я полагаю, мы не знаем ни одного случая, когда бы он явно генерировался при каких-либо обстоятельствах. Следовательно, я не хочу намекать на то, что бедность и переполненные дома когда-либо были абсолютной причиной этого; но мне будет позволено заметить, что в тех местах, где его возвращения регулярны и его разрушительное воздействие на детей, особенно среди представителей низшего класса, значительно, из этого неизбежно следует, что эти обстоятельства, в большей степени, чем обычно, всегда должны предшествовать и сопровождать его появление; то есть со времени его последнего посещения среднее число детей будет увеличиваться, люди, как следствие, будут становиться беднее, а дома будут более переполненными, пока следующее посещение не устранил это явление. чрезмерно многочисленное население”.

При прочих равных обстоятельствах можно утверждать, что страны населены в соответствии с количеством пищи, которую они производят или могут приобрести; и счастливы в соответствии с щедростью, с которой распределяется пища, или количеством, которое можно приобрести дневным трудом. Сравните, по этому стандарту нашего автора, положение сельскохозяйственного рабочего в Англии, где бифштекс стоит один шиллинг за фунт в Лондоне, с положением в Данидине, где, как мы пишем, он стоит четыре пенса за фунт, а заработная плата для этого класса по меньшей мере в два с половиной раза выше, чем в Англии. “Кукуруза страны более населенной, чем пастбище стран, и риса страны более населенной, чем кукуруза стран. Но их счастье зависит не от того, мало или полностью они заселены, не от их бедности или богатства, не от их молодости или преклонного возраста, а от соотношения численности населения и продовольствия по отношению друг к другу. Это соотношение, как правило, наиболее благоприятно в новых колониях, где знания и промышленность старого государства действуют на плодородных незанятых землях нового. В других случаях молодость или возраст государства в этом отношении не имеет большого

значения. Вполне вероятно, что в настоящее время пища в Великобритании распределяется среди ее жителей более щедро, чем это было две, три или четыре тысячи лет назад ”.

Этот отрывок из Мальтуса показывает, что он, по крайней мере, не верит в точку зрения, которую ему иногда приписывают, что положение цивилизованного общества постоянно становится все более и более невыносимым из-за нехватки продовольствия у населения. Мальтус совершенно ясно видел, что предотвращение высокой рождаемости все чаще практикуется нациями по мере того, как они становятся более образованными, и поэтому он вовсе не принимал пессимистический аспект человеческого общества, как полагают многие.

“В стране, которая никогда не была бы захвачена народом, более развитым в искусствах, но предоставленным своему собственному естественному прогрессу цивилизации; с того времени, когда ее продукцию можно было бы рассматривать как единицу, до того времени, когда ее можно было бы считать миллионом, по прошествии многих тысяч лет не было бы ни одного периода, когда можно было бы сказать, что масса людей не испытывала бы страданий, прямо или косвенно, от нехватки пищи. В каждом государстве Европы, с тех пор как мы впервые получили сообщения об этом, миллионы и миллионы человеческих жизней были подавлены по этой простой причине, хотя, возможно, в некоторых из этих государств никогда не было абсолютного голода ”.

Эти высказывания г-на Мальтуса полностью противоречат идее, согласно которой, по его мнению, будущее общества, вероятно, будет менее светлым, чем прошлое. И все же в следующем предложении есть определенная печаль, которая является истинным секретом непопулярности доктрины великого первооткрывателя. На странице 73, книга ii, глава xi, он говорит: “Население неизменно увеличивается, когда увеличиваются средства к существованию, если только этому не препятствуют мощные и очевидные ограничения.... Голод, по-видимому, является последним, самым ужасным ресурсом природы. Демографическая мощь настолько превосходит способность земли производить средства к существованию для человека, что, если не остановить ее превентивной проверкой, преждевременная смерть в той или иной форме должна настигнуть человечество. Пороки человечества - активные и способные служители депопуляции. Они являются предшественниками великой армии разрушения и часто сами завершают ужасную работу. Но если они потерпят неудачу в этой работе по истреблению, наступят тяжелые сезоны, эпидемии, мор и чума, наступающие в огромном количестве и сметающие их тысячи и десятки тысяч. Если успех все еще будет неполным, гигантский, неизбежный голод подкрадется сзади и одним мощным ударом лишит население продовольствия всего мира”.

В издании мистера Мальтуса 1806 года третья книга содержит несколько эссе о различных системах или приемах, которые были предложены или преобладали в обществе, поскольку они затрагивают зло, проистекающее из принципа народонаселения. В главе i, стр. 77, он рассматривает системы равенства, предложенные Уоллесом и знаменитым Кондорсе. Мистер Уоллес, чье имя упоминалось многими авторами как один из тех, кто отчасти понимал важность тенденции человечества к росту быстрее, чем пища, по-видимому, не осознавал, что из-за этого возникнут какие-либо трудности до тех пор, пока вся земля не будет возделана как сад и не будет способна к дальнейшему увеличению производства. М-р Мальтус комментирует эту идею м-ра Уоллеса, что “в каждый период возделывания, с настоящего момента до того времени, когда вся земля стала подобна саду, нужда в пище постоянно давила бы на все человечество,

если бы они были равны. Хотя продукция земли увеличивалась бы с каждым годом, население имело бы тенденцию увеличиваться гораздо быстрее, и избыточность обязательно должна сдерживаться периодическими действиями морального ограничения, порока или нищеты ”.

Книга М. Кондорсе "Исследование исторической картины прогресса человеческой души" была написана, как говорят, под давлением того жестокого запрета, который закончился его смертью во время Французской революции, и посмертная публикация представляет собой лишь набросок гораздо более масштабного произведения, которое он намеревался написать. Применяя расчеты к вероятности жизни и денежному проценту, Кондорсе предложил создать фонд, который обеспечивал бы старикам помощь, произведенную частично за счет их собственных прежних сбережений, а частично за счет сбережений отдельных людей, которые, принося ту же жертву, умирают, не успев воспользоваться ее плодами. Эти учреждения, замечает он, могли бы создаваться от имени государства и под его защитой. Г-н Блэкли выдвинул несколько похожее предложение в 1880 году. Кондорсе добавляет, что справедливым применением таких расчетов можно было бы найти средства для более полного сохранения состояния равенства, не допуская, чтобы кредит был исключительной привилегией крупных состояний, и в то же время придавая ему столь же прочную основу, и делая промышленность и коммерческую деятельность менее зависимыми от крупных капиталистов.

Г-н Мальтус критикует схемы Кондорсе следующим образом: “Предположив на мгновение, что они не будут сдерживать производство, величайшая трудность остается позади. Если бы каждый мужчина был уверен в достаточном обеспечении семьи, почти у каждого мужчины она была бы; и если бы подрастающее поколение было избавлено от убийственного мороза нищеты, население увеличивалось бы с необычайной быстротой ”. И сам Кондорсе видел это, ибо он говорит: “Но в этом прогрессе трудолюбия и счастья каждое поколение будет призвано к более продолжительным удовольствиям и, как следствие, физическим строением человеческого организма, к увеличению числа индивидуумов. Не должен ли наступить период, когда эти законы, одинаково необходимые, будут противодействовать друг другу; когда увеличение числа людей превысит их жизненные средства, необходимым результатом должно быть либо постоянное уменьшение счастья и численности населения — движение поистине обратное — или, по крайней мере, своего рода колебание между добром и злом. Доживем ли мы когда-нибудь до такого периода? Точно так же невозможно высказаться за или против будущего осуществления события, которое не может произойти иначе, как в эпоху, когда человечество достигнет улучшений, о которых мы в настоящее время едва ли можем составить представление ”.

На это г-н Мальтус отвечает, что единственный пункт, в котором он отличается от Кондорсе в только что процитированном параграфе, касается периода, когда это может быть применено к человеческой расе. Кондорсе думал, что его железный век наступит только в очень отдаленную эпоху. Наш автор, напротив, отмечает, что период, когда количество людей превышало их жизненный уровень, давно наступил; и что эта постоянно существующая причина периодических бедствий существовала с тех пор, как мы знаем историю человечества, и продолжает существовать в настоящий момент.

“Господин Кондорсе (говорит Мальтус), однако, продолжает говорить, что, если когда-нибудь наступит период, который он считает таким отдаленным, человеческому роду и сторонникам совершенствования человека не нужно беспокоиться по этому поводу. Затем он приступает к

устранению этой трудности способом, который, как я утверждаю, мне непонятен. Заметив, что нелепый предрассудок суеверия к тому времени перестал бы навязывать морали порочный и унижающий достоинство аскетизм, он ссылается либо на беспорядочное сожительство, которое препятствовало бы размножению, либо на что-то другое, столь же неестественное. Устранить трудность таким образом, несомненно, по мнению большинства людей, означало бы разрушить ту добродетель и чистоту нравов, которые сторонники равенства и совершенствования человека провозглашают целью своих взглядов”.

Именно из пассажей, подобных этим, следует, что г-н Мальтус так сильно отличается от так называемых неомальтузианцев, которые ищут решение проблемы народонаселения в “системе малых семей” французов. Казалось бы, великий французский писатель Кондорсе обладал пророческим знанием о том, какими будут последствия великой французской революции, революции, которая, превратив земледельца этого государства в собственника, сделала Францию самой благоразумной страной в известном мире в вопросе размера семей. Г-н Бонар также в остроумной брошюре, опубликованной в 1880 году, показывает, что г-н Мальтус сохранил примерно ту же фразеологию, которую он использует здесь, в своем 7-м издании, стр. 512, где он так говорит: “Если бы это было так, то...” если бы каждая супружеская пара могла по своему желанию ограничить количество своих детей, то, безусловно, есть основания опасаться, что леность человеческой расы очень сильно возросла бы”. Если бы он жил в 1881 году и видел, как быстро растет промышленность Франции, растет ее богатство и сокращается бедность в этом счастливейшем из современных европейских государств при самом низком в Европе уровне рождаемости (26 на 1000 человек), он, мы не сомневаемся, был бы первым, кто отказался бы от этих грубых выражений и увидел, в чем заключается достоинство.

М. Кондорсе, по-видимому, придерживался некоторых очень обнадеживающих идей относительно возможности совершенствования человеческого тела и думал, что, хотя человек и не станет абсолютно бессмертным, все же продолжительность между его рождением и естественной смертью будет непрерывно увеличиваться, не будет иметь естественного термина и может быть правильно выражена термином неопределенный. Мальтус возражает против этих предположений. Он считает, что средняя продолжительность человеческой жизни будет в определенной степени варьироваться в зависимости от здорового или нездорового климата, полезной или нездоровой пищи, добродетельных или порочных манер и от других причин; но можно справедливо усомниться в том, действительно ли произошло хоть малейшее заметное увеличение естественной продолжительности человеческой жизни с тех пор, как у нас была какая-либо подлинная история человека. “О чем мы можем рассуждать, кроме как исходя из того, что мы знаем?”

“В способности растений и животных к совершенствованию до определенной степени ни один человек не может сомневаться. Ясный и решительный прогресс уже достигнут, и все же я думаю, что было бы в высшей степени абсурдно говорить, что этот прогресс не имеет границ.... Ошибка, по-видимому, заключается не в предположении о возможности небольшой степени улучшения, а в том, что не проводится различия между небольшим улучшением, предел которого не определен, и улучшением, действительно неограниченным. Поскольку человеческую расу нельзя улучшить таким же образом, как домашних животных, не обрекая все плохие экземпляры на безбрачие, маловероятно, что внимание к размножению когда-либо станет всеобщим”. Здесь, опять же, мы предпочитаем предписание профессора Мантегаццы чахоточным родителям: “Amate, ma non generate” (“Вступайте в брак, но не размножайтесь”).

Рассуждения Кондорсе, по-видимому, в определенной степени были возрождены в наши дни мистером Х. Спенсером и доктором Б. В. Ричардсоном. Первый из этих выдающихся авторов, по-видимому, с нетерпением ожидает того времени, когда потребности человечества в процессе эволюции станут равны его способностям добывать пищу без привлечения воли; а доктор Ричардсон, по-видимому, надеется на гораздо большую продолжительность жизни особей человеческого вида, чем это было в его прошлой истории.

“Когда парадоксы такого рода (говорит Мальтус) выдвигаются изобретательными и способными людьми, пренебрежение не имеет тенденции убеждать их в их ошибках. Гордясь тем, что они считают признаком уровня их собственного понимания, обширности и всесторонности своих взглядов, они будут рассматривать это пренебрежение просто как показатель бедности и ограниченности умственных усилий своих современников и думать только о том, что мир еще не готов принять их возвышенные истины. Напротив, искреннее исследование этих предметов, сопровождаемое совершенной готовностью принять все, что подтверждается здоровой философией, может иметь тенденцию убеждать их в том, что, формулируя необоснованные и невероятные гипотезы, они не только не расширяют границ науки, но и сужают их; они не только не способствуют совершенствованию человеческого разума, но и препятствуют ему; они отбрасывают нас назад, почти к младенчеству знания, и ослабляют основы того способа философствования, под эгидой которого наука в последнее время добилась такого быстрого прогресса. Недавняя страсть к широким и безудержным спекуляциям, по-видимому, была своего рода психическим опьянением, возникшим, возможно, из-за великих неожиданных открытий, которые были сделаны в различных отраслях науки. Людям, окрыленным такими успехами, кажется, что все в пределах досягаемости человеческих сил, и, пребывая в этой иллюзии, они смешивали предметы, в которых нельзя было доказать никакого реального прогресса, с теми, где прогресс был отмечен, несомненен и признан”.

Великим противником м-ра Мальтуса в начале нынешнего столетия был м-р Годвин, который в своей работе о политической справедливости дает великолепную картину системы равенства, которая, по его мнению, должна возродить общество. На странице 458 книги IV. об этой работе м-р Годвин говорит так: “Дух угнетения, дух раболепия и дух мошенничества, таким образом, являются непосредственным следствием установленного управления собственностью. Они одинаково враждебно относятся к интеллектуальному совершенствованию. Другие пороки - зависть, злоба и месть - их неразлучные спутники. В обществе, где люди жили в изобилии и где все в равной степени пользовались дарами природы, эти чувства неизбежно угасли бы. Узкий принцип эгоизма исчез бы. Ни один человек не был бы обязан охранять свой маленький запас или с тревогой или болью удовлетворять свои беспокойные потребности, каждый потерял бы свое индивидуальное существование из-за мысли об общем благе. Ни один человек не был бы врагом своим соседям, ибо у них не было бы предмета для раздора; и, как следствие, филантропия восстановила бы ту империю, которую ей приписывает разум. Разум был бы избавлен от ее постоянного беспокойства о материальной поддержке и свободен распространяться в той области мысли, которая ей близка. Каждый помог бы в расследовании всех”.

Великая ошибка, как замечает Мальтус, над которой г-н Годвин работает на протяжении всей своей работы, заключается в приписывании почти всех пороков и несчастий, преобладающих в гражданском обществе, человеческим институтам. Политические правила и налаженное управление собственностью являются для него плодотворными источниками всякого зла,

рассадником всех преступлений, которые унижают человечество. “Человек не может жить (говорит Мальтус) среди изобилия. Все не могут одинаково пользоваться щедротами природы. Если бы не существовало установленного управления собственностью, каждый человек был бы вынужден силой охранять свои небольшие запасы. Эгоизм восторжествовал бы. Предметы раздора были бы постоянными. Каждый индивид постоянно беспокоился бы о материальной поддержке, и ни один интеллект не остался бы свободным для распространения в области мысли”.

Мистер Годвин предположил, что проблема народонаселения станет актуальной только в каком-то отдаленном будущем. “Три четверти обитаемого земного шара в настоящее время не возделываются. Уже возделанные части способны к неизмеримому улучшению. Мириады веков все еще увеличивающегося населения могут пройти, а земли все еще будет достаточно для существования ее обитателей”. М-р Мальтус просит нас представить на мгновение систему равенства м-ра Годвина, реализованную в ее максимальной степени, и посмотреть, как скоро можно ожидать, что трудности с численностью населения будут давить на нас при столь совершенной форме общества.

Предположим, говорит он, что все причины порока и нищеты на этом острове устранены. “Война и раздоры прекратятся. Нездоровых ремесел и мануфактур не существует. Толпы больше не собираются в больших и чумных городах для придворных интриг, коммерции и порочного удовлетворения. Простые, здоровые и рациональные развлечения заменяют пьянство, азартные игры и разврат. Нет городов, достаточно больших, чтобы оказывать какое-либо пагубное воздействие на организм человека. Большая часть счастливых обитателей этого Земного Рая живет в деревушках и фермерских домах, разбросанных по всей стране. Все люди равны. Роскошным трудам пришел конец, и необходимые сельскохозяйственные работы по-дружески распределяются между всеми. Мы предполагаем, что количество людей и продукция острова такие же, как и в настоящее время. “Дух доброжелательности, руководствуясь беспристрастным правосудием, разделит этот продукт между всеми членами общества в соответствии с их потребностями. Хотя было бы невозможно, чтобы все они каждый день питались животной пищей, все же растительная пища, иногда с мясом, удовлетворила бы желания бережливых людей и была бы достаточной для сохранения их здоровья, сил и бодрости духа”.

Мистер Годвин считает брак мошенничеством и монополией. Давайте предположим, что взаимодействие полов основано на принципах самой совершенной свободы. Мистер Годвин сам не думает, что такая свобода привела бы к беспорядочным половым сношениям, и в этом я с ним совершенно согласен. Любовь к разнообразию - это порочный, порочный и неестественный вкус, который не мог бы в сколько-нибудь значительной степени преобладать в простом и добродетельном обществе. Каждый мужчина, вероятно, выбрал бы для себя партнершу, к которой он был бы привязан, до тех пор, пока эта привязанность оставалась выбором обеих сторон. По словам мистера Годвина, не имело большого значения, сколько детей было у женщины и кому они принадлежали. Провизия и помощь самопроизвольно потекли бы из квартала, в котором их было в избытке, в квартал, где их не хватало, и каждый человек в меру своих способностей был бы готов дать наставления подрастающему поколению”.

“Я не могу представить себе форму общества, столь благоприятную в целом для населения. Необратимость брака в том виде, в каком он существует в настоящее время, несомненно, удерживает многих от вступления в это состояние. Свободные отношения, напротив, были бы сильнейшим стимулом к ранним привязанностям, и поскольку мы не предполагаем, что существует беспокойство о будущем содержании детей, я не думаю, что из ста женщин двадцати трех лет одна останется без семьи”.

“При таком экстраординарном стимулировании народонаселения и устранении всех причин депопуляции, как мы предполагали, численность населения неизбежно будет увеличиваться быстрее, чем в любом когда-либо известном обществе. Я уже упоминал, что численность жителей отдаленных поселений Америки, по-видимому, удвоилась за пятнадцать лет. Англия, безусловно, более здоровая страна, чем отдаленные поселения Америки; и поскольку мы предположили, что каждый дом на острове должен быть просторным и здоровым, а стимул иметь семью даже больше, чем в Америке, невозможно назвать вероятную причину, по которой население не удвоилось бы менее чем за пятнадцать лет”.... “Вполне вероятно, что половина рабочего времени каждого человека (в системе равенства) должна быть занята для этой цели (в сельском хозяйстве). И все же при таком гораздо большем напряжении человек, знакомый с природой почвы страны и размышляющий о плодородии земель, которые уже возделываются, и о бесплодии тех, которые не возделываются, будет очень склонен усомниться в том, что весь средний урожай мог бы удвоиться за двадцать лет по сравнению с нынешним периодом. Единственный шанс на успех был бы в том, чтобы распахать большую часть пастбищных угодий и почти полностью отказаться от животной пищи. Однако этот план, вероятно, потерпел бы крах сам по себе. Почва Англии не даст большого урожая без обработки; и, по-видимому, крупный рогатый скот необходим для производства того вида навоза, который лучше всего подходит для данной земли.

“Увы, что становится с картиной, где люди жили в изобилии, когда никто не был обязан с тревогой и болью удовлетворять свои беспокойные потребности; когда не существовало узких принципов эгоизма; когда человек был избавлен от своего постоянного беспокойства о телесной поддержке и мог свободно распространяться в области мысли, которая ему так близка? Эта прекрасная ткань воображения исчезает при суровом прикосновении правды.... Дети плохо себя чувствуют из-за недостатка пищи. Румянец здоровья сменяется бледностью щек и ввалившимися глазами страдания”.

Через такой короткий период, как пятьдесят лет, все худшие пороки общества, несомненно, проявятся вновь, если население не сдерживать (говорит Мальтус) моральными ограничениями, пороком или нищетой. Показав, что режим равенства неизбежно оказался бы на этой мели, пока не была ограничена рождаемость, Мальтус утверждает, что некоторые законы частной собственности, подобные тем, которые существуют в настоящее время, несомненно, проявились бы вновь и увеличили бы нищету. Затем он продолжает давать лучшее описание безотзывного брачного контракта, с которым мы знакомы, из всех, которые когда-либо пытался дать какой-либо писатель.

“Следующая тема, которая будет обсуждаться, тесно связанная с предыдущей, - это торговля ламами. Было бы призвал тех, кто превратил свое внимание на истинные причины трудностей, при которых общий трудился, что, хотя каждый человек чувствовал себя в безопасности, что все его дети будут также предусмотрено всеобщей доброжелательности, силы Земли будет

совершенно недостаточно для производства продуктов питания для населения, которое неизбежно должно наступить; что даже если весь внимание и труд общества были направлены к этой единственной точке, и если даже самый совершенный залог имущества, и все другие виды стимулирования, которые могли бы рассматриваться, максимально возможное повышение производят ежегодно получена; но все-таки увеличение пищи, ни в коем случае не идти в ногу с гораздо более быстрым ростом населения; что некоторые проверки для населения, поэтому был властно призвал; Это наиболее естественный и очевидный проверить казалось, каждый мужчина обеспечивать своих детей; что это будет работать, в какое-то уважение как мера и руководства в увеличении населения, как и следовало ожидать, что ни один человек не станет приносить существ в мире, для которого он не мог найти источника средств к существованию; что при этом, несмотря на то, было дело, он считал необходимым, по примеру других, что безобразие и неудобство, посещающих такого поведения должна лежать на том, что человек, который так бесцеремонно погрузил себя и своих невинных детей на нужды и нищеты. Институт брака или, по крайней мере, какого-либо явного или подразумеваемого обязательства каждого мужчины содержать своих собственных детей, по-видимому, является естественным результатом этих рассуждений в обществе, испытывающем те трудности, которые мы предполагали ”.

Затем мистер Мальтус излагает свою теорию о причине, по которой общество гораздо сильнее наказывает за небрежность в сексуальных отношениях в случае женщины, чем в случае мужчины. “Вид этих трудностей дает нам вполне естественную причину, по которой позор, сопровождающий нарушение целомудрия, должен быть больше у женщины, чем у мужчины. Нельзя было ожидать, что у женщины должны быть ресурсы, достаточные для содержания ее собственных детей. Таким образом, когда женщина жила с мужчиной, который не заключал договора о содержании ее детей, и, осознавая неудобства, которые он мог навлечь на себя, бросил ее, эти дети неизбежно должны были обратиться к обществу за поддержкой или умереть с голоду. И чтобы предотвратить частое повторение такого неудобства, поскольку было бы в высшей степени несправедливо наказывать за столь естественный проступок личным ограничением или причинением вреда, общество могло бы согласиться наказать его позором. Кроме того, у женщины защита более очевидна и бросается в глаза, и она менее подвержена какой-либо ошибке. Отец ребенка не всегда может быть известен; но такая же неопределенность не может легко существовать в отношении матери. Там, где доказательства преступления были наиболее полными, а неудобства для общества в то же время наибольшими, было решено, что наибольшая доля вины должна быть возложена на них. Обязанность каждого мужчины содержать своих детей была бы закреплена позитивным законом, и большая степень неудобств или труда, которым семья неизбежно подверглась бы, добавленная к некоторой черте позора, который должен понести каждый человек, который приводит другого к несчастью, могла бы рассматриваться как достаточное наказание для этого человека.

“То, что женщина в настоящее время почти изгнана из общества за преступление, которое мужчины совершают почти безнаказанно, представляется несомненным нарушением естественной справедливости. Но происхождение этого обычая как наиболее очевидного и эффективного метода предотвращения частого повторения серьезных неудобств для общества представляется естественным, хотя, возможно, и не вполне оправданным. Однако это происхождение теперь теряется в череде новых идей, которые с тех пор породил этот обычай. То, что на первый взгляд могло бы быть продиктовано государственной необходимостью, теперь поддерживается женской деликатностью и с наибольшей силой воздействует на ту часть

общества, где, если бы первоначальное намерение обычая было сохранено, для этого было бы меньше всего поводов”.

Эти самые остроумные рассуждения нашего автора, несомненно, содержат в себе большую долю правды. В то же время ясно, что когда общество начнет заменять традиционные взгляды на мораль более позитивными и научными выводами из опыта, когда во всех цивилизованных государствах старого света будет общепризнано, что основа истинной морали должна заключаться в таком поведении, которое будет поддерживать рождаемость на очень низком уровне, аргументы г-на Мальтуса в пользу безотзывного брака и чрезмерной строгости по отношению к тем, кто предпочитает не вступать в несовершеннолетние брачные отношения современных европейских стран, с полным знанием того, что они делают, должны быть постепенно заменены каким-либо законом, который будет клеймить, а не это касается не столько незаконнорожденности, сколько создания больших семей. Те, кто хорошо знаком с современным положением вопроса о браке в Европе и кто изучал то, что было написано по этому поводу Вильгельмом фон Гумбольдтом и Дж. С. Миллем, с готовностью признают, что, если бы общество позаботилось о том, чтобы заклеить как безнравственных всех тех людей, которые получают более чем умеренную долю родительских благ в старых странах, оно могло бы, как предлагает Гумбольдт, полностью отказаться от всякого юридического вмешательства в контракты между полами. Моральные обязательства все еще могут оставаться в полной силе по отношению к тем, кто был вынужден основывать свою будущую жизнь на подразумеваемом продолжении таких контрактов; но, несомненно, законодательство цивилизованных государств в настоящее время стремится к гораздо большей легкости расторжения таких контрактов, чем, по-видимому, одобрял г-н Мальтус.

В главе iii. книги III. наш автор избавляется от так называемой “ошибки будущего”, которая, к сожалению, все еще продолжает противоречить учениям экономистов, как будто она не была снова и снова опровергнута автором “эссе о населении”. “Другие люди,” говорит наш автор, - помимо мистера Годвина, воображали, что я предвидел определенные периоды в будущем, когда численность населения превысит средства к существованию в гораздо большей степени, чем в настоящее время, и что зло, проистекающее из принципа народонаселения, было скорее в созерцании, чем в существовании; но это совершенно неправильное понимание моих аргументов. Бедность, а не абсолютный голод, является специфическим следствием принципа народонаселения, как я уже пытался показать ранее. Многие страны в настоящее время страдают от всех зол, которые, как можно когда-либо ожидать, могут проистекать из этого принципа, и даже если бы мы достигли абсолютного предела для любого дальнейшего увеличения производства, точки, которой мы, безусловно, никогда не достигнем, я бы ни в коем случае не ожидал, что это зло каким-либо заметным образом усугубилось. Рост производства в большинстве европейских стран происходит настолько медленно по сравнению с тем, что потребовалось бы для поддержки неограниченного увеличения численности населения, что постоянно действующие меры сдерживания населения до уровня, при котором производство растет так медленно, вряд ли смогли бы сделать больше, чтобы свести его к абсолютно неподвижному производству”.

Великий историк Хьюм отмечал, что в тех странах, где детоубийство было разрешено законом, перенаселенность была большей, чем в других, где это было запрещено, потому что родители были слишком гуманны, чтобы подвергать себя такой ужасной “позитивной проверке”. Чрезмерная бедность Китая, где преобладает обычай детоубийства, является примером

справедливости замечаний мистера Хьюма. “Однако по-прежнему верно, ” добавляет наш автор (стр. 139), “ что средство по своей природе адекватно цели, ради которой оно было приведено, но чтобы сделать это так на самом деле, это должно быть сделано судьей, а не предоставлено родителям. Почти неизменная тенденция этого обычая увеличивать численность населения, когда это полностью зависит от родителей, показывает крайнюю боль, которую они, должно быть, испытывают, идя на такую жертву, даже когда можно предположить, что страдания, вызванные чрезмерной бедностью, в значительной степени притупили их чувствительность. Какой же должна быть боль, если предположить, что вмешательство магистрата или позитивного закона заставит родителей уничтожить ребенка, которого они испытывают желание и думают, что обладают властью содержать? Разрешение детоубийства само по себе плохо и не может не оказать плохого воздействия на моральную чувствительность нации: но я не могу представить себе ничего более отвратительного или шокирующего чувства, чем любое прямое регулирование такого рода, хотя бы и санкционированное именами Платона и Аристотеля”.

Примечательно, что мистер Годвин (Ответ, стр. 70) высказал предположение относительно количества детей, которое может быть разрешено в каждом плодovitом браке. Этот автор, однако, не вдавался в какие-либо подробности относительно способа, с помощью которого можно было бы предотвратить большее число жертв. Последняя проверка, о которой упоминает мистер Годвин, по убеждению мистера Мальтуса, является единственной, которую этот автор всерьез рекомендовал бы. Это “То чувство, будь то добродетель, благоразумие или гордость, которое постоянно сдерживает универсальность и частое повторение брачного контракта”. Он говорит, что полностью одобряет этот запрет, и добавляет, что тенденция к ранним бракам настолько сильна, что нам нужна любая возможная помощь, которую мы можем получить, чтобы противодействовать ей; и поэтому он думает, что система равенства, подобная предложенной мистером Годвином, которая имеет тенденцию ослаблять основы частной собственности и уменьшать в какой-либо степени все преимущества и превосходство, которые каждый индивид может извлечь из своего благоразумия, должна устранить единственное препятствие для страсти любви, на которое можно положиться в достижении любого существенного эффекта.

М-р Годвин признает, что в его системе “пагубные последствия многочисленной семьи не будут так грубо сказываться на индивидуальных интересах каждого человека, как это происходит в настоящее время”. М-р Мальтус с сожалением должен сказать, что из того, что мы до сих пор знаем о человеческом характере, у нас не может быть рациональных надежд на успех без такого грубого применения к индивидуальным интересам.

Во времена нашего автора не могло быть и речи о том, чтобы он осознавал, что намек мистера Годвина на ограничение семьи станет с тех пор выдающейся социальной доктриной. Во Франции среди респектабельных классов на создание большой семьи в настоящее время смотрят как на признак низкого уровня морали и культуры; и это общественное мнение стало настолько действенным в этом наиболее примечательном состоянии, что семьи профессиональных классов в среднем не состоят даже из двух человек (1,74). То, что мистер Мальтус должен был рассматривать поздний брак как единственное средство от бедности, легко понять. Только опыт может позволить человечеству судить о том, как лучше всего достичь счастья; и это, несомненно, произошло потому, что наш несравненный писатель по социальным вопросам мистер Дж. С. Милль так долго прожил во Франции, что смог занять

решительную позицию, которую он занял против многодетных семей, причиняющих такие ужасные страдания в Англии и Германии. Результат такого большого благоразумия среди высших классов Франции хорошо виден по очень небольшому превышению рождаемости над смертностью. Таким образом, в 1879 году прирост населения по этой причине составил всего 92 000 человек, тогда как месье Ив Гийо говорит об общем количестве рождений в 1879 году в несчастной Ирландии в 887 055 человек при общем количестве смертей в 500 348 человек, что дает превышение числа рождений над смертями при населении примерно в пять миллионов человек в 386 707 человек. Неудивительно, что Ирландия так любит эмиграцию и до сих пор погрязла в бедности.

Недавно автор книги “Элементы социальной науки” утверждал, что единственный способ повысить заработную плату и прибыль в старых странах и сделать жизнь желанной для всех заключается в том, чтобы государство объявило преступлением, подлежащим наказанию небольшим штрафом, появление в перенаселенной стране большего, чем очень умеренное среднее число детей. Учение мистера Дж. С. Милля развивалось в том же направлении, и этот взгляд на долг гражданина по отношению к своему ближнему быстро становится моралью, принятой наиболее мыслящей и исполненной долга частью общества. Когда эта обязанность ограничивать наше потомство не только имеющимся у нас доходом, но и полномочиями, которыми обладает общество, обеспечивающими увеличение численности, станет политическим вопросом, тогда, но не раньше, чем тогда станет возможным счастье для масс.

ГЛАВА IX. ЗАКОНОВ О БЕДНЫХ.

В главе V книги iii м—ра Мальтуса мы находим следующие его блестящие замечания о законах о бедных, которые так часто цитировали государственные деятели и филантропы:

“Это, - говорит наш автор, - тема, которую часто заводят в разговорах и которая всегда упоминается как предмет большого удивления, что, несмотря на огромные суммы, ежегодно собираемые для бедных в этой стране, среди них все еще так много бедняков. Но человек, который смотрит немного глубже поверхности вещей, был бы гораздо более удивлен, если бы факт был иным, чем его изображают, или даже если бы всеобщий сбор в размере восемнадцати шиллингов за фунт вместо четырех существенно изменил его. Предположим, что по подписке богатых восемнадцать пенсов или два шиллинга, которые люди зарабатывают сейчас, были доведены до четырех шиллингов, возможно, можно было бы представить, что тогда они могли бы жить безбедно и каждый день получать на обед кусок мяса. Но это был бы очень ложный вывод. Выплата трех дополнительных шиллингов в день каждому рабочему не увеличила бы количество мяса в стране. В настоящее время их недостаточно для того, чтобы все имели умеренную долю. Каковы были бы тогда последствия? Конкуренция между покупателями на рынке мяса быстро подняла бы цену с 8 до 9 пенсов. до двух-трех шиллингов за фунт, и товар не был бы поделен между гораздо большим количеством людей, чем в настоящее время.

“Когда изделие является дефицитным и не может быть распространено среди всех, его владельцем становится тот, кто может предъявить наиболее действительный патент, то есть тот, кто предлагает больше всего денег ... а когда средства к существованию скудны пропорционально численности людей, не имеет большого значения, владеют ли низшие члены общества двумя шиллингами или пятью. Во всяком случае, они должны быть вынуждены питаться самой тяжелой пищей и в наименьшем количестве.

“Сбор с богатых восемнадцати шиллингов за фунт, даже если бы он был распределен самым разумным образом, возымел бы эффект, аналогичный тому, который вытекает из предположения, которое я только что высказал; и никакие возможные жертвы богатых, особенно денежные, ни на какое время не предотвратили бы повторения бедствий среди низших членов общества, кем бы они ни были. Действительно, можно было бы внести большие изменения. Богатые могут стать бедными, а некоторые из бедных богатыми; но пока сохраняется нынешнее соотношение между численностью населения и продовольствием, части общества неизбежно будет трудно содержать семью, и эта трудность, естественно, ляжет на наименее удачливых членов”.

Мальтус упоминает, что во время большого дефицита, случившегося в Англии в 1801 году, на благотворительность было пожертвовано не менее десяти миллионов фунтов стерлингов. В одном случае, приведенном нашим автором, мужчина с семьей получал четырнадцать шиллингов в неделю от своего прихода. Его обычный заработок составлял десять шиллингов в неделю, следовательно, его недельный доход составлял двадцать четыре. До дефицита у него была привычка покупать бушель муки в неделю примерно за восемь шиллингов, и, следовательно, у него оставалось два шиллинга из своих десяти на другие предметы первой необходимости. Во время дефицита ему удалось приобрести такое же количество почти в три

раза дороже. Он заплатил двадцать два шиллинга за бушель муки, и у него, как и прежде, оставалось два шиллинга на другие нужды.

Цена труда, говорит Мальтус, когда ее оставляют на ее естественном уровне, является важнейшим политическим барометром, объясняющим отношения между предложением продуктов питания и спросом на них: между количеством, подлежащим потреблению, и числом потребителей; и, взятый в среднем, он также ясно выражает потребности общества в отношении населения, то есть, каким бы ни было количество детей в браке, необходимое для поддержания именно нынешнего населения, цена труда будет достаточной для поддержания этого количества, или будет выше его, или ниже его, в зависимости от состояния реальных фондов на содержание семьи. труд, будь то стационарный, прогрессивный или ретроградный. “Однако вместо того, чтобы рассматривать это в таком свете, мы рассматриваем это как нечто, что мы можем повышать или понижать по своему усмотрению, что в основном зависит от мировых судей его Величества. Когда повышение цен на продукты питания уже свидетельствует о том, что спрос слишком велик по сравнению с предложением, для того чтобы поставить рабочего в то же положение, что и раньше, мы повышаем цену труда, то есть увеличиваем спрос, и тогда нас очень удивляет, что цена на продукты продолжает расти. В этом мы действуем во многом таким же образом, как если бы, когда ртуть в обычном стакане замерла на отметке “штормило”, мы должны были бы поднять ее каким-нибудь механическим давлением до “установилось прилично”, а затем были бы очень удивлены, что дождь продолжается”.

“В естественном порядке вещей дефицит должен иметь тенденцию снижать, а не повышать цену труда. Многие люди, которые сжались бы от предложения установить максимум, сами предложили бы, чтобы цена труда была пропорциональна цене продуктов питания, и, по-видимому, не отдают себе отчета в том, что эти два предложения почти одинаковой природы и что оба непосредственно ведут к голоду. Не имеет значения, дадим ли мы рабочему возможность покупать то же количество продуктов питания, которое он покупал раньше, установив их цену или пропорционально повысив цену труда”.

Эти аргументы м-ра Мальтуса нанесли смертельный удар по устрашающей системе нормирования заработной платы, которая в начале нынешнего столетия быстро превращала Англию в самую нищую страну в Европе.

В главе VI книги iii Мальтус отмечает, что независимо от каких-либо соображений, касающихся неурожайного года, очевидно, что увеличение населения без пропорционального увеличения продовольствия должно снизить стоимость заработка каждого человека. Пища обязательно должна распределяться в меньших количествах, и, следовательно, за один рабочий день будет закуплено меньшее количество провизии. Рост цен на продукты питания будет вызван либо увеличением численности населения быстрее, чем средств к существованию, либо иным распределением денег в обществе.

Говоря о законах о бедных 1805 года, он говорит: “Законы Англии о бедных имеют тенденцию ухудшать общее положение бедных двумя способами. Их первая очевидная тенденция заключается в увеличении численности населения без увеличения продовольствия для его поддержания. Бедный мужчина может жениться с небольшой перспективой или вообще без нее содержать семью без помощи прихода. Следовательно, можно сказать, что они создают бедняков, которых они содержат; и поскольку продовольствие в стране вследствие увеличения численности населения должно распределяться среди каждого человека в меньших

пропорциях, очевидно, что трудом тех, кто не получает помощи от прихода, будет приобретено меньшее количество продовольствия, чем раньше, и, следовательно, многих из них придется заставить обратиться за помощью.

Во-вторых, количество провизии, потребляемое в работных домах той частью общества, которую нельзя считать наиболее ценной, уменьшает доли, которые в противном случае принадлежали бы более трудолюбивым и достойным членам, и это, таким же образом, заставляет большее число людей становиться зависимыми. Если бы бедняки в работных домах жили лучше, чем сейчас, это новое распределение денег общества имело бы более заметную тенденцию к ухудшению положения тех, кто вышел из работного дома, вызывая повышение цен на продукты питания”.

К счастью для Англии, говорит наш автор, дух независимости все еще сохраняется среди крестьянства. Законы о бедных сильно рассчитаны на искоренение этого духа. “Отчасти они преуспели, но если бы они преуспели так полно, как можно было ожидать, их пагубная тенденция не скрывалась бы так долго”.

Следующий абзац часто цитировался воинствующими демократами как доказательство жестокосердия Мальтуса. В настоящее время мало кто из ультралиберальной партии в этой стране достаточно плохо обучен, чтобы критиковать кого-либо за его мнение по этому вопросу. “Каким бы тяжелым это ни казалось,” продолжает он, “ в отдельных случаях зависимую бедность следует считать позорной. Такой стимул представляется абсолютно необходимым для содействия счастью основной массы человечества: и каждая общая попытка ослабить этот стимул, какими бы благими ни были ее намерения, всегда приведет к поражению своей собственной цели. Если мужчин побуждают вступать в брак только из-за перспективы обеспечить приход, они не только подвергаются несправедливому искушению навлечь несчастье и зависимость на себя и детей, но и, сами того не подозревая, причиняют вред всем, кто принадлежит к тому же классу, что и они сами”.

Весьма вероятно, что независимость характера английских трудящихся классов была фатально снижена системой, на которую жалуется Мальтус, поскольку и по сей день во многих графствах действует следующий опыт нашего автора. “Трудящаяся беднота, если воспользоваться вульгарным выражением, кажется, всегда живет впроголодь. Все их внимание поглощено текущими нуждами, и они редко думают о будущем. Даже когда у них есть возможность откладывать деньги, они редко пользуются ею; но все, что они зарабатывают сверх своих нынешних потребностей, идет, вообще говоря, в пивную. Следовательно, можно сказать, что законы о бедных уменьшают как силу, так и желание простых людей делать сбережения и, таким образом, ослабляют один из сильнейших стимулов к трезвости и трудолюбию, а следовательно, и к счастью”.

Неудивительно, что Томас Чалмерс, великий шотландский экономист, так упорно боролся против введения в Шотландии английских законов о бедных. Этот закон о бедных в Шотландии в настоящее время применяется хуже, чем даже в Англии, и многое сделал для создания класса пауперов. Действительно, вероятность появления в современной Шотландии еще одного поэта, подобного Бернсу, невелика. “Субботний вечер Коттеров” был написан, когда приход оказывал различающую помощь только достойным и нуждающимся.

“Эти пороки, - говорит Мальтус, - сопутствующие законам о бедных, кажутся непоправимыми. Если помощь должна быть оказана определенному классу людей, где-то должна быть закреплена власть различать надлежащие объекты и управлять интересами необходимых институтов; но любое серьезное вмешательство в дела других людей является разновидностью тирании, и при обычном ходе вещей можно ожидать, что осуществление этой власти вызовет раздражение у тех, кто вынужден просить о поддержке. Тирания судей, церковных старост и надзирателей является распространенной жалобой среди бедных; но вина лежит не столько на этих людях, которые, вероятно, до прихода к власти были не более жестоки, чем другие люди, но в природе всех подобных институтов. Я убежден, что если бы в этой стране никогда не существовало законов о бедных, хотя, возможно, было бы еще несколько случаев очень серьезных бедствий, общая масса счастья среди простых людей была бы намного больше, чем сейчас”.

Знаменитый 43-й указ Елизаветы Петровны, на который так часто ссылались и которым восхищались, предписывает, что надзиратели за бедными “должны время от времени, с согласия двух или более судей, отдавать приказ о найме на работу детей всех тех, чьи родители, по мнению указанных лиц, не в состоянии содержать своих детей; а также таких лиц, женатые или неженатые, поскольку у них нет средств для их содержания, не занимаются обычным и повседневным ремеслом, чтобы зарабатывать себе на жизнь. А также собирать, еженедельно или иным образом, путем налогообложения каждого жителя и каждого владельца земель в указанном приходе (в таких разумных суммах, какие они сочтут подходящими) достаточный запас льна, пеньки, воска, ниток, железа и другой необходимой посуды и прочего хлама, чтобы заставить бедняков работать”.

“Что это такое, - восклицает Мальтус, - как не утверждение, что средства на содержание рабочей силы в этой стране могут быть увеличены по желанию и без ограничений *распоряжением* правительства или оценкой надзирателей. Строго говоря, этот пункт столь же высокомерен и абсурден, как если бы он предписывал, что два пшеничных колоса должны расти там, где раньше рос только один. Канут, когда приказывал волнам не мочить его царственную ногу, на самом деле не предполагал большей власти над законами природы. Надзирателям не дается указаний, как увеличить средства на содержание рабочей силы; для этой цели не настаивается на необходимости промышленности, экономии и разумного приложения усилий в управлении сельскохозяйственным и коммерческим капиталом; но ожидается, что чудесное увеличение этих средств должно немедленно последовать за правительственным указом, используемым по усмотрению некоторых невежественных приходских чиновников”.

М-р Мальтус добавляет к этим осуждениям Закона Елизаветы о бедных, принятого в 1805 году, следующее: “Если бы этот пункт был действительно *идеально* приведен в исполнение, и позор, сопровождающий получение приходской помощи, был бы стерт, каждый работающий мужчина мог бы жениться так рано, как ему заблагорассудится, при определенной перспективе обеспечить всех своих детей должным образом; и, поскольку, согласно предположению, население не было бы защищено от последствий бедности после вступления в брак, прирост населения был бы быстрым, не имеющим аналогов в старых Штатах. После того, что было сказано в предыдущей части этой работы, читателю представляется вопрос, могли ли предельные усилия просвещенного правительства в данном случае обеспечить продовольствием население, не говоря уже о более произвольных усилиях, тенденция которых,

безусловно, заключается скорее в уменьшении, чем в увеличении средств на поддержание производительного труда”.

В 1880 году перепись населения нашей самой процветающей колонии Новой Зеландии показала, что население этих плодородных островов действительно смогло удвоиться за одиннадцать лет. Но, как замечает м-р Мальтус: “После того, как страна однажды перестанет находиться в особом положении новой колонии, мы всегда обнаружим, что при фактическом состоянии ее земледелия или в том состоянии, которого рационально можно ожидать от самого просвещенного правительства, увеличение ее продовольствия никогда не сможет обеспечить в течение какого-либо периода времени неограниченный рост населения, и, следовательно, надлежащее исполнение пункта 43-го Елизаветинского указа в качестве постоянного закона физически невозможно”.

М-р Мальтус, по-видимому, считает, что только одно обстоятельство при применении английских законов о бедных в начале нынешнего столетия помешало им ввергнуть страну в разорение. Это было условие, которое они содержали, что каждый приход должен содержать своих бедняков. “Поскольку каждый приход, - говорит он, - вынужден содержать своих бедняков, он, естественно, опасается увеличения их числа, и, как следствие, каждый землевладелец более склонен сносить дома, чем строить коттеджи. Этот дефицит коттеджей неизбежно является серьезным препятствием для брака, и это ограничение, вероятно, является основной причиной, по которой мы смогли так долго сохранять систему законов о бедных”.

Труды м-ра Мальтуса произвели такое сильное впечатление на умы его современников, что в 1834 году произошла целая революция в законах Англии и Уэльса о бедных. М-р Гладстон в замечательной речи о свободной торговле, произнесенной в Лидсе летом 1881 года, называет принятие этого Закона самым благотворным изменением, которое предшествовало долгой и серьезной борьбе, которая немедленно последовала за принципами свободной торговли и которая завершилась в 1846 году отменой пошлин на продовольственные товары. М-р Джон Стюарт Милль с энтузиазмом восхищается Актом о свободе торговли. 1834 год. В своей великолепной и хорошо известной главе о народных средствах борьбы с низкой зарплатой (книга ij. глава 12, § 2.), он так говорит об английском законе 1834 года:

“Щедро жертвовать людям, будь то под названием благотворительности или трудоустройства, не подвергая их такому влиянию, при котором благоразумные мотивы оказывали бы на них сильное воздействие, - значит расточать средства на благо человечества, не достигая цели. Оставьте людей вситуации, в которой их положение явно зависит от их численности, и величайшая постоянная выгода может быть извлечена из любой жертвы, принесенной для улучшения физического благополучия нынешнего поколения, и воспитайте, таким образом, привычки своих детей. Но выведите регулирование их заработной платы из-под их собственного контроля; гарантируйте им определенную оплату либо по закону, либо по чувству сообщества; и никакое утешение, которое вы можете им дать, не заставит ни их самих, ни их потомков рассматривать собственное самоограничение как надлежащее средство сохранения их в этом состоянии. Вы только заставите их с негодованием потребовать продолжения действия вашей гарантии в отношении них самих и всего их возможного потомства”.

“На этом основании некоторые авторы полностью осудили английский Закон о бедных и любую систему помощи трудоспособным, по крайней мере, в тех случаях, когда они не сочетаются с систематическими юридическими мерами предосторожности против перенаселения.

Знаменитый Закон 43-го года правления Елизаветы обязал общественность обеспечить работой и заработной платой всех трудоспособных; и нет никаких сомнений в том, что, если бы цель этого Закона была полностью выполнена, и распорядители помощи не приняли никаких мер для нейтрализации его естественных тенденций, уровень бедности к этому времени поглотил бы весь чистый продукт земли и труда страны ”.

Поэтому несколько не удивительно, что мистер Мальтус и другие поначалу пришли к выводу, что законы о бедных противоречат всем, каким бы то ни было Законам. Требовался большой опыт и тщательное изучение различных способов недобросовестного правового управления, чтобы дать уверенность в том, что признание абсолютного права на получение поддержки за счет других людей может существовать в законе и фактически, без фатального ослабления пружин трудолюбия и ограничений благоразумия. Это, однако, было полностью подтверждено расследованиями первоначальных уполномоченных по закону о бедных. Несмотря на то, что их несправедливо обвиняют во враждебности принципу правовой защиты, они первые, кто полностью доказал совместимость любого Закона о бедных, в котором признавалось право на помощь, с постоянными интересами трудового класса и потомства ”.

“Совокупностью фактов, экспериментально подтвержденных в приходах, разбросанных по всей Англии, было показано, что гарантия поддержки может быть освобождена от ее пагубного воздействия на умы и привычки людей, если льгота, хотя и достаточная в отношении предметов первой необходимости, будет сопровождаться условиями, которые им не нравятся, состоящими из некоторых ограничений их свободы и лишения некоторых поблажек”.

“Согласно этому положению, можно считать окончательно установленным, что судьбу ни одного члена сообщества не следует отдавать на волю случая; что общество может и, следовательно, должно обеспечить каждого принадлежащего к нему индивида от крайней нужды; что состояние даже тех, кто не в состоянии найти себе поддержку самостоятельно, не обязательно должно быть состоянием физических страданий или страха перед ними, но только ограниченных поблажек и принудительной жесткости дисциплины. Это, несомненно, нечто приобретенное для человечества, важное само по себе, и тем более как шаг к чему-то запредельному; и у человечества нет худших врагов, чем те, кто сознательно или непреднамеренно навлекает ненависть на этот закон или на принципы, из которых он возник ”.

“В реальных условиях каждой страны (говорит Мальтус, стр. 180, книга iii) плодovitая сила природы, кажется, всегда готова проявить почти всю свою силу; но в пределах возможного, возможно, нет ничего более невероятного или более недоступного для любого правительства, чем направление трудолюбия своих подданных таким образом, чтобы производить наибольшее количество средств к существованию, которое только может вынести земля. Очевидно, что это не могло быть сделано без самого полного нарушения закона собственности, из которого до сих пор возникало все ценное для человека. Такова склонность к вступлению в брак, особенно у очень молодых людей, что, если бы трудности с обеспечением семьи были полностью устранены, очень немногие остались бы холостяками в двадцать два года. Но какой государственный деятель или рациональное правительство могло бы предложить запретить любую животную пищу, запретить использование лошадей в деловых целях или для удовольствия, запретить всем людям питаться картофелем и направить всю промышленность страны на его производство, за исключением того, что необходимо для элементарной одежды и жилья. Была бы желательна такая революция, если бы она была осуществлена; особенно если

учесть, что через несколько лет, несмотря на все их усилия, нужда при меньших ресурсах, чем когда-либо, неизбежно повторилась бы”.

“Попытки, ” говорит наш автор, “ нанять бедняков на какую-либо крупную распродажу в мануфактурах почти неизменно проваливались, а запасы и материалы расходовались впустую. В тех немногих приходах, которые благодаря лучшему управлению большими фондами смогли сохранить эту систему, результатом появления этих новых производств на рынке, должно быть, стало то, что многие независимые рабочие, которые раньше занимались фабрикацией аналогичного характера, остались без работы. Этот эффект был ярко выражен Даниэлем Де Фо в обращении к парламенту, озаглавленном "Раздача милостыни - это не благотворительность". Говоря о работе приходских детей на мануфактурах, он говорит: "На каждый моток шерсти, который прядут эти бедные дети, должен приходиться моток, менее пряденый какой-нибудь бедной семьей, которая пряла его раньше". Сэр Ф. М. Иден по тому же поводу замечает, что независимо от того, изготавливаются ли швабры приходскими детьми или частными рабочими, продавать можно только то, в чем нуждается общественность”.

“Возможно, скажут, что то же самое рассуждение можно было бы применить к любому новому капиталу, привлеченному к конкуренции в определенной отрасли торговли или производства, что редко может быть сделано без нанесения ущерба в некоторой степени тем, кто был занят этим раньше. Но в этих двух случаях есть существенная разница. В данном случае конкуренция абсолютно честная, и каждый человек, вступающий в свой бизнес, должен учитывать это. Он может быть уверен, что его не вытеснят, если только его конкурент не обладает превосходящими навыками и трудолюбием. В другом случае конкуренция поддерживается большим вознаграждением, благодаря чему, несмотря на очень низкую квалификацию и трудолюбие со стороны его конкурентов, независимый рабочий может быть недооценен и несправедливо исключен с рынка. Он сам вынужден участвовать в этой конкуренции за счет своего собственного заработка, и средства на содержание рабочей силы, таким образом, переключаются с поддержки профессии, приносящей надлежащую прибыль, на ту, которая не может существовать без вознаграждения. Вообще следует заметить, что когда фонд для содержания рабочей силы создается путем обложения, то большую его часть составляет не новый капитал, введенный в торговлю, а старый капитал, который прежде использовался с гораздо большей прибылью и был обращен в новое русло. Фермер платит по расценкам бедняков за поощрение плохого и нерентабельного производства то, что он использовал бы на своей земле с бесконечно большей пользой для своей страны. В одном случае средства на содержание рабочей силы ежедневно уменьшаются; в другом - ежедневно увеличиваются. И эта очевидная тенденция отчислений на оплату труда бедных уменьшать реальные средства на содержание рабочей силы в любой стране усугубляет абсурдность предположения, что во власти правительства найти работу для всех своих подданных, какими бы быстрыми темпами они ни увеличивались”.

Странно, как нынешнее поколение начинает забывать истины, которые были ясно видны непосредственно предшествующему. У нас было доказательство этого в недавней агитации за защиту *против* Свободной торговли. А 5 ноября 1881 года был приведен еще один подобный пример - депутация налогоплательщиков Ньюингтона, которая обратилась к мистеру Додсону, президенту Совета местного самоуправления, с просьбой оказать помощь на улице вместо строительства нового рабочего дома на Чемпион Хилл стоимостью 200 000 фунтов стерлингов. Депутация, в состав которой на самом деле входил профессор политической экономии мистер

Торольд Роджерс, настаивала на том, что система экзаменов в работном доме обходится в 7 пенсов. за неделю до прихода, тогда как, если человек были освобождены дома, 3С. или 4с. будет все, что потребуется. Французский экономист вполне мог бы написать эссе на тему “то, что видно, и то, чего не видно”!

Мистер Додсон в своем компетентном ответе этой депутации попытался еще раз преподать урок, преподанный комиссарами по закону о бедных в 1834 году, что вся цель и система Закона о бедных, который тогда был установлен в этой стране, заключалась в том, чтобы строго применять его с целью простого тестирования и сдерживания абсолютной нищеты, и не было придумано никаких средств, никаких действенных средств для такого тестирования нищеты, кроме как путем предоставления дома: и точно в той же мере, в какой строго применялся закон о бедных, в той же мере вход в дом был обязательным условием получения жилья. облегчение. В случае с рельефом на улице было абсолютно невозможно проверить этот случай. За рельефом на улице нельзя было внимательно наблюдать. Они не могли сказать, когда человек получал облегчение, что он не получал помощи из других источников, что он не зарабатывал что-то для себя и, возможно, мог бы, если бы был предоставлен своим собственным ресурсам, зарабатывать больше. Это была система, сказал он, которая таким образом действовала как сдерживающий фактор для усилий и провидения; и ему не нужно говорить, что все, что действовало как сдерживающий фактор для них, могло привести только к росту пауперизма, деморализации рабочего класса и увеличению сборов с налогоплательщиков. Конечно, он знал, что это было очень заманчиво, когда перед ними возникало дело, облегчить участь человека, оказав помощь на улице. Они могли бы дать ему 1,6 шиллинга и буханку хлеба или 2 шиллинга; и если бы они привели его в дом, это, конечно, стоило бы 4 или 5 шиллингов, и, таким образом, налогоплательщикам на данный момент не пришлось бы платить так много. Но система работного дома была не такой дорогостоящей, потому что мы знали, что в дом попадет не более одного человека из десяти. Там, где десять человек согласились бы на помощь вне дома, они не могли найти больше одного или двух, которые согласились бы на помощь внутри дома. И, кроме того, они должны также помнить, что, повышая ставки с помощью этой системы, они заставляли благоразумного и трудолюбивого человека, который содержал себя и свою семью собственным трудом, поддерживать бездельников и бродяг, которые не прилагали подобных усилий. Он знал, как заманчиво желать сэкономить деньги налогоплательщиков и в то же время удовлетворить чувства гуманности по отношению к бедным, оказывая помощь на улице, поскольку часто казалось трудным и жестоким принуждать людей входить в работный дом и, как говорилось, “разрушать их дома”. Но он, мистер Додсон, напомнил своим слушателям, что как опекуны они распоряжаются деньгами налогоплательщиков, а не благотворительным фондом. Они не занимались благотворительностью, но были распорядителями для налогоплательщиков и были обязаны применять Закон о бедных таким образом, который, не поверхностно и на данный момент, был наиболее действительно экономичным. По опыту было известно, что испытание работным домом в долгосрочной перспективе является единственным по-настоящему экономичным и осуществимым способом оказания помощи обездоленным. В чем, спрашивал он, заключалась вся история современного английского закона о бедных? В каком состоянии находилась Англия до 1830 года, когда этот закон применялся слабо? Это была система, разорительная для неимущих классов и разрушительная для налогоплательщиков. Уполномоченные по закону о бедных показали, что единственный способ, которым люди могли быть гарантированы от голода, - это ввести тест на

работу в работном доме и таким образом избежать создания класса нищих, слишком многочисленного, чтобы его можно было смягчить.

Отрадно обнаружить, что мистер Додсон так хорошо осведомлен о делах ведомства, в котором он руководит. Несомненно, он также осознает огромную трудность, которая препятствует любой государственной помощи бедным в их собственных домах и которая заключается в крайнем безрассудстве, все еще столь распространенном среди необразованных классов, относительно размера их семей. Оказывать помощь на улице при нынешнем состоянии общественного мнения означало бы просто делать ставку на многодетные семьи, а это, конечно, могло бы привести только к ранней смерти, деградации семьи и рецидиву варварства. Даже в Австралии оказалось возможным вырастить класс нищих с помощью таких неразумных подаяний на улице, которые вообще не являются благотворительностью, а просто средством деградации и порабощения беднейших классов.

ГЛАВА X. ВЛИЯНИЕ БОГАТСТВА На БЕДНЫХ.

В седьмой главе книги III мистер Мальтус критикует эссе Адама Смита об “Увеличении богатства, поскольку оно влияет на положение бедных”. Предполагаемый объект исследования Адама Смита - природа и причины богатства наций. “Однако есть другое, возможно, еще более интересное, - говорит наш автор, - которое он иногда примешивает к этому, - причины, влияющие на счастье и комфорт низших слоев общества, которые в каждой нации образуют самый многочисленный класс. Я достаточно осведомлен о тесной связи этих двух предметов и о том, что, вообще говоря, причины, способствующие увеличению богатства государства, имеют тенденцию также увеличивать счастье низших классов народа. Но, возможно, доктор Смит счел эти два вопроса еще более взаимосвязанными, чем они есть на самом деле; по крайней мере, он не остановился на тех примерах, когда богатство общества может увеличиваться,

согласно его определению богатства, без пропорциональной тенденции к увеличению комфорта трудящейся его части ”.

Мальтус замечает, что комфорт трудящейся бедноты неизбежно должен зависеть от средств, предназначенных для содержания рабочей силы, и обычно будет пропорционален скорости их увеличения. Спрос на рабочую силу, который вызывает такое увеличение, конечно, повысит стоимость труда; и до тех пор, пока не будет увеличено необходимое количество рабочих рук, увеличенные средства будут распределяться между тем же числом людей, что и раньше, и, следовательно, каждый рабочий будет жить более свободно. Но Адам Смит был неправ, когда представлял каждое увеличение доходов или запасов общества как пропорциональное увеличение этих фондов. Такой избыточный запас, или доход, действительно, всегда будет рассматриваться индивидом, обладающим им, как дополнительный фонд, за счет которого он может содержать больше рабочих; но в отношении всей страны он не будет эффективным фондом для содержания дополнительного числа рабочих, если только часть его не будет конвертирована в дополнительное количество продовольствия; и он не будет столь конвертируемым, когда увеличение происходит просто за счет продукта труда, а не за счет продукта земли. В этом случае может иметь место различие между количеством рабочих рук, которые могут быть наняты обществом, и количеством, которое может содержать его территория.

“Предположим, что нация в течение ряда лет добавляет то, что она сберегала из своего годового дохода, исключительно к своему производственному капиталу, а не к своему капиталу, затраченному на землю, очевидно, что она могла бы стать богаче, не имея возможности содержать большее число рабочих и, следовательно, без какого-либо увеличения реальных фондов для содержания рабочей силы. Несмотря на это, существовал бы спрос на рабочую силу, обусловленный размерами производственного капитала. Этот спрос, конечно, повысил бы цену труда; но если бы годовой запас продовольствия в стране не увеличивался, это повышение вскоре оказалось бы чисто номинальным, поскольку цена продовольствия неизбежно должна была бы расти вместе с ним ”.

Вопрос в том, насколько увеличение богатства таким образом имеет тенденцию улучшать положение трудящейся бедноты. “Самоочевидным положением является то, что любое общее повышение цены труда при неизменном запасе продовольствия может быть только номинальным повышением, поскольку за ним вскоре должно последовать пропорциональное повышение запасов продовольствия. Следовательно, предполагаемое нами повышение цены труда не имело бы постоянного эффекта в виде предоставления трудящейся бедноте большего доступа к предметам первой необходимости. В этом отношении они были бы почти в том же состоянии, что и раньше. В некоторых других отношениях они были бы в худшем состоянии. Большая их часть была бы занята в обрабатывающей промышленности, а меньшая - в сельском хозяйстве. (Нынешнее состояние Англии в 1882 году.) И я думаю, все согласятся с тем, что такая смена профессии крайне неблагоприятна для здоровья, необходимого компонента счастья, и будет еще более невыгодной из-за большей неопределенности производственного труда, возникающей из-за капризных вкусов человека, военных происшествий и других причин, которые иногда вызывают очень серьезные страдания среди низших классов общества ”.

Затем м-р Мальтус с чувством намекает на жалкое положение бедных молодых рабочих в Манчестере в его время и на разрушение семейного уюта, столь часто вызываемое тем, что

женщины так часто становятся простыми *мируками* на фабриках и совершенно не знакомы ни с какой домашней работой. “Женщины совершенно не обучены шитью, вязанию и другим домашним делам, необходимым для того, чтобы стать знатными и бережливыми женами и матерями. Это очень большое несчастье для них и для общества, что печально доказывается сравнением семей сельскохозяйственных рабочих и семей промышленников в целом. В первых мы встречаем опрятность, опрятность и комфорт; во вторых - грязь, лохмотья и нищету, хотя их заработная плата может быть почти вдвое выше, чем у земледельца. В дополнение к этим злам мы все знаем, как подвержены банкротству отдельные производства из-за каприза вкуса или военных случайностей. Ткачи Спиталфилда оказались в тяжелейшем положении из-за моды на муслин вместо шелка; а многие рабочие Шеффилда и Бирмингема были на время лишены работы из-за того, что вместо пряжек и металлических пуговиц стали использовать шнурки для обуви и пуговицы в обтяжку. При таких обстоятельствах, если увеличение богатства страны за счет мануфактурных производств не даст низшим классам общества в среднем значительно большего владения предметами первой необходимости и удобствами жизни, не будет казаться, что их положение улучшилось”.

М-р Мальтус продолжает: “Возможно, скажут, что повышение цен на продукты питания немедленно направит некоторый дополнительный капитал в сельское хозяйство и, таким образом, даст гораздо больший продукт. Но из опыта видно, что этот эффект иногда наступает очень медленно, особенно если высокие налоги, влияющие на сельскохозяйственную промышленность, и повышение цен на рабочую силу предшествовали повышению цен на продукты питания. Можно также сказать, что дополнительный капитал нации позволил бы ей импортировать провизию, достаточную для содержания тех, кого ее капитал мог бы нанять. Маленькая страна с большим военно-морским флотом и большими возможностями для внутренних перевозок действительно может импортировать и распределять достаточное количество провизии; но в крупных сухопутных государствах, если их можно так назвать, ввоз, постоянно соответствующий спросу, едва ли возможен”.

В 1881 году жителям Британских островов пришлось импортировать продукты питания, состоящие из живого и мертвого мяса, масла, яиц, муки, пшеницы и т.д., стоимостью не менее ста тридцати двух миллионов фунтов стерлингов, включая сахар, один из необходимых продуктов питания, или стоимостью сто восемь миллионов фунтов стерлингов без сахара. И все же цена масла составляла около 1,6 пенса за фунт, а мяса - около 9 пенсов. фунт в Лондоне, в то время как молоко продавалось за 5 пенсов. кварта. Таким образом, мы видим, насколько верны были слова великого писателя о населении, написавшего еще до появления пара и электрического телеграфа об усовершенствованиях в способах получения продовольствия, которые могли бы легко сделать еду здесь такой же дешевой, как в Новой Зеландии, если бы не чрезмерная рождаемость, которая продолжалась в Соединенном Королевстве на протяжении всего этого столетия.

М-р Мальтус указывает, что нация, которая из-за своей протяженности и численности населения неизбежно должна содержать большую часть своего населения за счет продуктов своей собственной почвы, но которая все же в средние годы получает небольшую часть своего хлеба из-за границы, находится в более шатком положении с точки зрения постоянства своих запасов, чем те государства, которые почти все свои запасы получают из других стран. Нация, обладающая большой территорией, неизбежно подвержена этой неопределенности в отношении средств к существованию, когда коммерческая часть ее населения либо равна

избыточному продукту ее земледельцев, либо увеличилась сверх него. “Поскольку в этих случаях при экспорте не остается никаких резервов, необходимо ощутить весь эффект любого дефицита, вызванного неблагоприятными сезонами; и, хотя богатство такой страны может позволить ей в течение определенного периода продолжать повышать номинальную норму заработной платы, чтобы дать низшим классам общества возможность покупать импортируемый хлеб по высокой цене; тем не менее, внезапный спрос очень редко может быть полностью удовлетворен, конкуренция на рынке неизменно повысит цены на продукты питания в полной пропорции к росту цен на рабочую силу; низшие классы получают лишь незначительное облегчение, а дефицит будет действовать сурово во всех слоях общества.

“Согласно естественному порядку вещей, годы дефицита должны время от времени повторяться во всех сухопутных странах. Поэтому они всегда должны приниматься нами во внимание; и процветание любой страны может справедливо рассматриваться как неустойчивое, в которой средства на содержание рабочей силы подвержены большим и внезапным колебаниям из-за каждой неблагоприятной смены времен года.

“Но на данный момент о годах дефицита не может быть и речи. Когда торговое население какой-либо страны увеличивается настолько, что избыток продукции земледельцев превышает спрос на импортируемый хлеб, что удовлетворить его нелегко, а цена растет пропорционально уровню заработной платы, никакое дальнейшее увеличение богатства не будет иметь тенденции к тому, чтобы дать рабочему больше возможностей распоряжаться предметами первой необходимости. По мере роста богатства это, естественно, будет происходить либо из-за увеличения объема требуемых запасов, увеличения расстояния, с которого они доставляются, и, следовательно, увеличения расходов на импорт; большего потребления их в странах, в которых они обычно закупаются, либо, что должно неизбежно произойти, из-за необходимости увеличения расстояния внутренних перевозок в этих странах. Такая нация, наращивая трудолюбие в совершенствовании машин, может по-прежнему продолжать увеличивать ежегодное количество производимой ею продукции; но ее фонды для содержания рабочей силы, а следовательно, и ее населения, будут совершенно неизменными. Эта точка является естественным пределом численности населения всех коммерческих государств. В странах, находящихся на большом расстоянии от этого предела, эффект, приближающийся к описанному здесь, будет иметь место всякий раз, когда развитие торговли и мануфактур будет более быстрым, чем развитие сельского хозяйства”.

Мальтус приводит Китай в качестве примера, согласно которому каждое увеличение запасов или доходов нации не может рассматриваться как увеличение реальных фондов для содержания рабочей силы и, следовательно, не может оказывать такого же благотворного влияния на положение бедных. Китай, как заметил Адам Смит, вероятно, уже давно настолько богат, насколько позволяет природа его законов и институтов; хотя с другими законами и институтами и при предположении беспрепятственной внешней торговли он все еще мог бы быть богаче, все же вопрос в том, приведет ли такое увеличение богатства к увеличению реальных средств на содержание рабочей силы и, следовательно, приведет к тому, что низшие классы в Китае окажутся в состоянии большего изобилия?

Мальтус утверждает, что если бы торговля и внешняя коммерция были в большом почете в Китае, очевидно, что из-за большого количества рабочих и дешевизны рабочей силы она могла бы производить мануфактуры для продажи за границу в огромных количествах. Столь же

очевидно, что из-за огромного количества провизии и поразительной протяженности ее внутренней территории она не могла взамен импортировать такое количество, которое было бы сколько-нибудь ощутимым дополнением к годовому запасу средств к существованию в стране. “Следовательно, свое огромное количество мануфактур она обменила бы главным образом на предметы роскоши, собранные со всех частей света. В настоящее время, похоже, на производство продуктов питания не жалеют никакого труда. Страна перенаселена пропорционально тому, что может быть использовано в ее хозяйстве, и поэтому рабочей силы так много, что не предпринимается никаких усилий для ее сокращения. Следствием этого, вероятно, является наибольшее производство продовольствия, которое только может обеспечить почва; поскольку обычно наблюдается, что способы сокращения сельскохозяйственного труда, хотя они и могут позволить фермеру поставлять на рынок определенное количество зерна дешевле, имеют тенденцию скорее уменьшать, чем увеличивать весь продукт. В Китае нельзя было бы употребить огромный капитал на подготовку мануфактур для внешней торговли, не оторвав от сельского хозяйства такого количества рабочих, которое изменило бы это положение вещей и в некоторой степени уменьшило бы производство страны. Спрос на работников обрабатывающей промышленности, естественно, повысил бы цену труда; но, поскольку количество средств к существованию не увеличилось бы, цена продуктов питания соответствовала бы ему или даже более чем соответствовала бы ему, если бы количество продуктов действительно уменьшалось. Однако страна, очевидно, преумножала бы свое благосостояние. Меновая стоимость годового продукта ее земли и труда ежегодно увеличивалась бы; однако реальные средства на содержание рабочей силы оставались бы неизменными или даже сокращались; и, следовательно, растущее богатство нации имело бы тенденцию скорее ухудшать, чем улучшать положение бедных. Что касается обладания предметами первой необходимости, то они были бы в том же или, скорее, в худшем состоянии, чем раньше, и большая их часть променяла бы здоровый труд в сельском хозяйстве на нездоровые занятия в обрабатывающей промышленности”.

Наблюдения последнего времени величайшего из ныне живущих канцлеров казначейства мистера У. Э. Гладстона часто указывали нам на то, насколько несправедливо доля растущего богатства этой страны поглощалась владельцами капитала по сравнению с долей получателей заработной платы. Действительно, можно сказать словами мистера Дж. С. Милля, что из-за того, как в этом столетии увеличилось население нашей страны, *равнозначно* росту богатства нации, сомнительно, чтобы все усовершенствования в мануфактурах и инструментах для сокращения ручного труда сняли хотя бы один час работы с плеч рабочего класса.

“Положение бедных в Китае, “ говорит Мальтус, - в настоящее время действительно очень плачевное, но это происходит не из-за отсутствия у них внешней торговли, а из-за их крайней склонности к браку и преумножению; и если бы эта тенденция сохранялась, единственным способом, которым появление большего числа фабрикантов могло бы сделать низшие классы людей богаче, было бы увеличение смертности среди них, что, безусловно, не очень желательный способ разбогатеть”. Этот аргумент нашего автора мог бы убедить как честных торговцев, так и вольных торговцев наших дней в том, что ни свободная торговля, ни протекционизм не являются панацеей от голода среди беднейших классов, и заставить их усвоить урок, что только система малых семей может решить фундаментальный вопрос судьбы человека - как сделать соотношение ртов к пище наиболее благоприятным.

Этот аргумент, возможно, кажется более ясным, когда применяется к Китаю, потому что обычно допускается, что его богатство долгое время оставалось неизменным, а его почва возделывалась почти до предела. Что касается любой другой страны, то всегда может возникнуть спор о том, в какой из двух сравниваемых периодов богатство увеличивалось быстрее всего, поскольку Адам Смит и другие его последователи считают, что положение бедных зависит от скорости увеличения богатства в ту или иную конкретную эпоху. Мальтус на это отвечает, что: “Очевидно, что две нации могли бы увеличивать меновую стоимость годовых продуктов своей земли и труда совершенно с одинаковой быстротой; однако, если бы одна из них занималась главным образом сельским хозяйством, а другая - главным образом торговлей, средства на содержание рабочей силы и, следовательно, эффект увеличения богатства в каждой нации были бы совершенно разными. В том, что касалось главным образом сельского хозяйства, бедняки жили бы в большем достатке, и население быстро увеличивалось бы. В том, что касалось главным образом торговли, бедные получали бы сравнительно небольшую выгоду, и, следовательно, население было бы либо постоянным, либо увеличивалось бы очень медленно”.

“Положение трудящейся бедноты, - говорит Мальтус, - при условии, что их привычки останутся прежними, может быть существенно улучшено только за счет предоставления им большего контроля над средствами существования. Но любое преимущество такого рода по своей природе должно быть временным и поэтому на самом деле имеет для них меньшую ценность, чем любое постоянное изменение их привычек. Но промышленные предприятия, прививая вкус к комфорту, как правило, способствуют благоприятному изменению этих привычек и таким образом, возможно, уравнивают все их недостатки. Трудящиеся классы общества в странах, являющихся исключительно сельскохозяйственными, в целом беднее, чем в странах-производителях, хотя и менее подвержены тем случайным колебаниям, которые у производителей часто вызывают самые серьезные бедствия”.

Во втором томе Мальтуса есть две главы, посвященные рассмотрению сельскохозяйственной и коммерческой систем, о которых так много писали его современники. Г-н Мальтус говорит в главе VIII. что не существует ни одного определения богатства государства, которое не вызывало бы некоторых возражений. Если рассматривать валовой продукт земли как показатель богатства, то ясно, что он может увеличиваться очень быстро, пока нация очень бедна, и, опять же, богатство может увеличиваться без тенденции к увеличению средств на содержание рабочей силы и населения. “Какое бы из этих определений ни было принято, позиция экономистов останется верной, а именно, что избыточный продукт земледельцев является тем огромным фондом, который в конечном счете окупает всех, не занятых на земле. Во всем мире число фабрикантов, собственников и лиц, занятых в различных гражданских и военных профессиях, должно быть точно пропорционально прибавочному продукту и по природе вещей не может увеличиваться сверх этого. Если бы земля была настолько скупа на свои продукты, что заставляла бы всех своих обитателей трудиться ради них, то никогда не существовало бы ни фабрикантов, ни праздных людей. Но ее первое общение с мужчиной было добровольным подарком, на самом деле не очень большим, но достаточным в качестве фонда для его существования, пока, должным образом проявляя свои способности, он не сможет произвести большее. По мере того, как возрастали труд и изобретательность человека, земля увеличивала этот прибавочный продукт; большему числу людей предоставлялся досуг для занятия всеми изобретениями, украшающими цивилизованную жизнь; и, хотя, в свою очередь, желание извлечь выгоду из этих изобретений в значительной степени стимулировало

земледельцев увеличивать свой прибавочный продукт; все же очевидно, что в порядке приоритета находится прибавочный продукт, потому что средства для существования фабриканта должны быть авансированы ему, прежде чем он сможет завершить свою работу”.

“В мировой истории, - говорит Мальтус, - нации, чье богатство было получено главным образом от мануфактур и торговли, были совершенно эфемерными существами по сравнению с теми, чьим богатством было сельское хозяйство. Такова природа вещей, что государство, которое существует за счет доходов, получаемых от других стран, должно быть бесконечно более подвержено всем случайностям времени, чем то, которое производит свои собственные. Нет более частой ошибки, чем ошибка принятия следствий за причины. Мы настолько ослеплены хитроумием торговли и мануфактур, что полагаем, что они являются чуть ли не единственной причиной богатства, могущества и преуспевания Англии; но, возможно, их более справедливо рассматривать как следствие, чем причину богатства. Согласно определению экономистов, которое учитывает только продукцию земли, Англия является самой богатой страной в Европе, пропорционально ее размерам. Ее система ведения сельского хозяйства несравнимо лучше, и, следовательно, ее прибавочный продукт более значителен. Франция очень сильно превосходит Англию по размерам территории и численности населения; но когда сравниваются избыточный продукт или располагаемый доход двух наций, превосходство Франции почти исчезает. Согласно отчетам, недавно полученным от населения Англии и Уэльса, оказывается, что число лиц, занятых в сельском хозяйстве, значительно меньше пятой части от общего числа”.

Это было написано Мальтусом в 1806 году, и любопытно сравнить с положением дел, которое сейчас существует в Соединенном Королевстве. В 1881 году она съела 1 740 000 тонн мяса, но сама произвела только 1 090 000 из них. Она также потребила 607 миллионов бушелей зерна, а произвела всего 322 миллиона из них, так что, хотя ее навыки ведения сельского хозяйства значительно возросли со времен Мальтуса, она импортирует почти половину своего зерна и одну треть своих запасов мяса.

Мальтус придерживался мнения, что национальный долг Англии был главным образом вредным, потому что он поглощал избыточность коммерческого капитала и поддерживал норму процента, предотвращая таким образом перетекание капитала в почву. Он полагал, что таким образом на землях Англии была учреждена крупная ипотека, проценты по которой взимались с оплаты производительного труда и направлялись на поддержку праздных потребителей. “Таким образом, в целом следует признать, что наша торговля сделала не так много для нашего сельского хозяйства, как наше сельское хозяйство сделало для нашей коммерции; и что усовершенствованная система возделывания, которая имела место, несмотря на значительные препятствия, ежегодно создает избыточный продукт, который позволяет стране, с небольшой помощью, содержать такое огромное количество людей, занятых занятиями, не связанными с землей”.

Примерно в середине восемнадцатого века Англия, утверждает наш автор, была действительно, в строгом смысле экономистов, аграрной нацией. Учитывая, что в Лондоне проживает более четырех миллионов человек, а также в других наших огромных городах, такое описание Англии сейчас совершенно неуместно.

Примерно в середине прошлого века, говорит Мальтус, мы действительно были, в строгом смысле экономистов, аграрной нацией. “Однако сейчас мы выскользнули из сельскохозяйственной системы в состояние, в котором явно преобладает коммерческая

система, и есть слишком много оснований опасаться, что даже наши потребители и производители в конечном итоге почувствуют невыгодные последствия изменений. Когда страна в среднем за несколько лет выращивает больше пшеницы, чем потребляет, и имеет привычку экспортировать часть ее, те значительные колебания цен, которые из-за конкуренции коммерческого богатства часто приводят к длительным последствиям, не могут происходить в той же степени. Заработная плата никогда не может подняться намного выше обычной цены в других торговых странах; и при таких обстоятельствах Англии нечего было бы опасаться самой полной и открытой конкуренции”.

Наш автор считает (глава ix. книга iii.), что если бы мы хотели снизить цену на рабочую силу, поощряя импорт иностранного зерна, мы, вероятно, усугубили бы наше зло. Упадок нашего сельского хозяйства был бы неизбежен. Британский производитель в среднем за несколько лет не смог бы выдержать конкуренцию иностранных производителей на своих собственных рынках. Пахотные земли среднего качества вряд ли окупили бы затраты на обработку. Одни только богатые почвы приносили бы ренту. Вокруг наших городов внешний вид был бы таким же, как обычно; но в глубине страны большая часть земли была бы заброшена, и почти повсеместно, где это было практически возможно, пастбища заменяли бы пашню. Такое положение вещей продолжалось бы до тех пор, пока равновесие не было бы восстановлено либо в результате падения британской ренты и заработной платы, либо роста цен на иностранный хлеб, либо, что более вероятно, в результате объединения обеих причин. Но прошел бы период значительного относительного поощрения промышленности и относительного упадка сельского хозяйства. Определенная часть капитала была бы изъята из земли, и когда равновесие было бы наконец восстановлено, нация, вероятно, оказалась бы зависимой от иностранных поставок значительной части средств к существованию; и если бы какая-нибудь особая причина не вызвала внешнего спроса, превышающего внутренний, ее независимость в этом отношении не была бы восстановлена. При естественном ходе вещей страна, которая в значительной части своих запасов зерна зависит от своих более бедных соседей, может ожидать, что это предложение постепенно сократится по мере того, как эти страны будут расти в богатстве и населении и у них будет меньше избыточной продукции.

Это последнее замечание Мальтуса подтвердилось в последние годы в Европе, поскольку страны, из которых мы несколько лет назад получали значительное количество наших запасов мяса и зерна, теперь стали нашими конкурентами за поставки этих товаров из Соединенных Штатов и Австралии. И для других стран справедливо его дальнейшее замечание о том, что политические отношения такой страны могут привести к тому, что во время войны та часть ее запасов продовольствия, которую она получает от иностранных государств, внезапно прекратится или значительно сократится; событие, которое не могло произойти, не вызвав самых катастрофических последствий. “Нация, - продолжает он, - в которой преобладает сельскохозяйственное богатство, хотя она может не производить у себя дома такого избытка предметов роскоши и удобств, как торговая нация, и, следовательно, может испытывать, возможно, некоторую нехватку в этих товарах, имеет, с другой стороны, избыток того товара, который необходим для благосостояния всего государства, и, следовательно, защищена от нехватки в том, что имеет наибольшее значение. И если мы не можем быть так уверены в поставках того, что мы получаем от других, как в том, что производим у себя дома, то, по-видимому, выгодная политика в стране, территория которой позволяет это делать, заключается в обеспечении избытка этого товара, дефицит которого нанесет самый серьезный удар по ее счастью и процветанию”.

Мальтус считал, что нет отрасли торговли более выгодной для страны, даже с коммерческой точки зрения, чем продажа сырых продуктов. И здесь он, по-видимому, не согласился со взглядами Адама Смита. Этот знаменитый автор о богатстве отмечает, что торговая и производственная страна экспортирует то, что может прокормить и разместить лишь очень немногих, и импортирует средства к существованию и жилье для большого числа людей. Другой экспортирует средства к существованию и жилье для большого числа людей и импортирует лишь для очень немногих. Жители первого должны пользоваться, по словам Адама Смита, гораздо большим количеством средств к существованию, чем то, что может позволить их собственная земля в состоянии фактической обработки. Обитатели другого мира всегда должны наслаждаться гораздо меньшим количеством пищи.

Мальтус возражает против большей части этих аргументов Адама Смита. Ибо, говорит он, “хотя мануфактурная нация может экспортировать товар, который в своей реальной форме может прокормить и удовлетворить потребности лишь очень немногих, все же следует помнить, что для подготовки этого товара к экспорту значительная часть дохода страны была потрачена на прокорм и размещение большого числа рабочих. А что касается средств к существованию и приспособлений, которые экспортирует другая нация, будь то в большом или малом количестве, то их, безусловно, не более чем достаточно, чтобы заменить средства к существованию, потребленные в стране-производителе, вместе с прибылью главного фабриканта и торговца, которая, вероятно, не так велика, как прибыль фермера и торговца в стране-земледельце; и, хотя может быть правдой, что жители страны-производителя пользуются большим количеством средств к существованию, чем то, что могли бы обеспечить их собственные земли в фактическом состоянии их обработки, все же вывод в пользу системы производства отнюдь не отсюда вытекают средства, потому что принятие той или иной системы будет иметь наибольшее значение в их фактическом состоянии совершенствования. Если бы в течение столетия две сухопутные нации придерживались этих двух различных систем, то есть если бы одна из них регулярно экспортировала мануфактуру и импортировала средства к существованию, а другая экспортировала средства к существованию и импортировала изделия к производству, в конце периода не было бы никакого сравнения между уровнем культивирования в двух странах; и можно было бы рационально допустить, что страна, экспортирующая свои необработанные продукты, была бы в состоянии прокормить и разместить гораздо большее население, чем другая”.

Вопрос о том, полностью ли мы обеспечены сукном, полотном и муслином или даже чаем, сахаром и кофе, говорит наш автор, не имеет большого сравнительного значения, и поэтому ни одному разумному политику не придет в голову предлагать щедрую цену на такие товары. “Но, безусловно, вопрос высочайшей важности заключается в том, полностью ли мы обеспечены продовольствием; и если щедрость приведет к такому снабжению, то самый либеральный экономист мог бы иметь право предлагать это, рассматривая продовольствие как товар, отличный от всех других и чрезвычайно ценный”.

ГЛАВА XI.

В главе X. м-р Мальтус говорит о вознаграждениях за вывоз зерна. Он начинает с замечания, что в соответствии с общими принципами политической экономии не подлежит сомнению, что в интересах цивилизованного мира каждая нация должна покупать свои товары везде, где они могут быть самыми дешевыми.

“В течение семнадцатого века, да и всего предшествующего ему периода нашей истории, цены на пшеницу были подвержены большим колебаниям, и средняя цена была очень высокой. За пятьдесят лет до 1700 года средняя цена пшеницы за квартал составляла 30 шилл. 11 фунтов стерлингов, а до 1650 года - 6-8 шилл. 10 фунтов стерлингов. Со времени завершения действия хлебных законов в 1700 и 1706 годах цены стали необычайно стабильными, и средняя цена за сорок лет, предшествовавших 1750 году, упала до 16 шилл. фунтов стерлингов за квартал. Это был период нашего наибольшего экспорта. В 1757 году действие законов было приостановлено, а в 1773 году они были полностью изменены. С тех пор экспорт кукурузы регулярно сокращался, а импорт увеличивался. Средняя цена на пшеницу за сорок лет, закончившихся 1800 годом, составляла £2,9 шилл. 5d., а за последние пять лет этого периода - £3,6 шилл. 6d. В течение этого последнего срока баланс импорта всех видов зерна оценивается в 2 938 357”.

М-р Мальтус замечает, что накопление излишков в течение шести или семи лет полностью противоречит привычкам и практике фермеров. Содержание такого большого запасника, как правило, сопряжено с большими практическими неудобствами. Трудности часто возникают из-за отсутствия для него надлежащего помещения. Он всегда подвержен повреждениям от паразитов и по другим причинам. Когда он очень велик, простые люди склонны смотреть на него с завистью и неохотой. И в целом, фермер может быть либо не в состоянии так долго оставаться без прибыли, либо не желать использовать столь значительный капитал таким образом, чтобы прибыль обязательно была отдаленной и ненадежной.

М-р Мальтус был сторонником щедрости на экспорт зерна, потому что эффект такой щедрости заключался в том, что она несколько сдерживала прирост населения в годы изобилия, в то время как она сравнительно поощряла его в годы дефицита. Этот эффект, утверждал он, был одним из величайших преимуществ, которые только могли возникнуть в обществе, и способствовал большому счастью трудящейся бедноты, чем могли легко представить те, кто не вдавался в глубокие размышления на эту тему. “Во всем круговороте человеческих событий, ” говорит он, - я сомневаюсь, что есть более плодотворный источник страданий или что-то более

неизменно приводящее к катастрофическим последствиям, чем внезапное увеличение численности населения после двух-трех лет изобилия, которое обязательно должно быть подавлено при первом возвращении дефицита или даже при среднем урожае”. С 1637 по 1700 год, оба включительно, средняя цена кукурузы, согласно Адаму Смиту, составляла £ 211 шилл.; однако в 1681 году рост цены составил всего £ 188 шилл. Такая высокая средняя цена, по мнению Мальтуса, не способствовала бы пропорциональному стимулированию выращивания кукурузы. Хотя фермер может чувствовать себя очень оптимистично в течение одного или двух лет высоких цен и планировать множество улучшений, все же перенасыщение рынка, которое последует за этим, угнетало бы его в той же степени и разрушило бы все его проекты. Иногда, действительно, год высоких цен действительно приводит к обеднению земли и готовит почву для будущего дефицита.

В примечании на странице 264, глава X., м-р Мальтус делает замечание, что “Из-за тенденции населения увеличиваться пропорционально средствам существования, некоторые предполагали, что дома всегда будет достаточный спрос на любое количество зерна, которое можно вырастить. Но это ошибка. Несомненно, верно, что если бы фермеры могли постепенно увеличить производство кукурузы в какой-либо степени и продавать ее достаточно дешево, население пришло бы домой требовать ее всю. Но в данном случае значительный рост спроса обусловлен исключительно дешевизной и, следовательно, должен иметь совершенно иную природу, чем такой спрос, который в реальных условиях этой страны способствовал бы увеличению предложения. Если бы производители тончайшего сукна продавали свой товар по шиллингу за ярд, а не по гинее, нет сомнения, что спрос увеличился бы более чем в десять раз, но уверенность в таком увеличении спроса в таком случае не имела бы никакой тенденции в реальных условиях какой-либо известной страны поощрять производство широких тканей”.

На странице 267 г-н Мальтус ссылается на то, что недавно прокомментировал великий французский статистик г-н Морис Блок, а именно: опасность того, что страна становится слишком зависимой от других в плане поставок продовольствия. “Богатая и коммерческая нация естественным ходом вещей тяготеет больше к пастбищам, чем к обработке почвы, и испытывает искушение с каждым днем становиться все более зависимой от других в поставках зерна. Если бы все народы Европы можно было рассматривать как одну великую страну, и если бы какое-либо одно государство могло быть так же уверено в своих поставках из других, как пастбищный район отдельного государства уверен в хлебных районах по соседству, в этой зависимости не было бы никакого вреда, и никому не пришло бы в голову предлагать хлебные законы. Но можем ли мы безопасно рассматривать Европу в этом свете? Удачное положение этой страны и превосходство ее законов и правительства освобождают ее, прежде чем какую-либо другую нацию, от иностранного вторжения и внутренних беспорядков, и вполне простительная любовь к своей стране при таких обстоятельствах порождает нежелание подвергать ее риску в таком важном вопросе, как снабжение ее основными продуктами питания, разделять с ней опасности и шансы, которые могут произойти на Континенте. Насколько усугубились бы страдания Франции во время революции, если бы она зависела от зарубежных стран в плане поддержки двух или трех миллионов своего народа”.

Поучительно прочитать о том, какими, как считалось, могли быть объемы нашего будущего импорта пшеницы в 1806 году. На странице 268 м-р Мальтус пишет: “Мы едва ли можем сомневаться в том, что в течение нескольких лет мы получим от Америки и стран, граничащих с Балтийским морем, до двух миллионов четвертей пшеницы, не считая другой кукурузы,

поддержку свыше двух миллионов человек. Если бы при таких обстоятельствах с этими странами возникла какая-либо коммерческая дискуссия или другой спор, с какой силой им пришлось бы вести переговоры! Не весь британский военно-морской флот мог бы привести более убедительный аргумент, чем единственная угроза закрытия всех своих портов. Я не в курсе, что в целом мы можем надежно полагаться на людей, которые не действуют прямо вопреки своим интересам. Но это соображение, каким бы могущественным оно ни было, иногда добровольно уступает национальному негодованию, а иногда вынуждено уступить негодованию суверена. Это имеет достаточный вес на практике, когда применяется к производителям, поскольку задержка в их продаже не имеет таких немедленных последствий. Но в случае с кукурузой задержка на три или четыре месяца может привести к самым серьезным страданиям; и, учитывая огромное количество кукурузы, суверен, как правило, будет во власти почти полностью осуществить свое возмутительное намерение”. Это аргумент мистера Блока относительно нашей зависимости от Соединенных Штатов в отношении столь значительной части наших поставок продовольствия. Он отмечает, что легко может случиться так, что какая-нибудь сторона в Соединенных Штатах предпримет меры по запрещению экспорта кукурузы, и в таком случае не может быть никаких сомнений в том, что народ этой страны сразу же столкнется с серьезнейшими проблемами в отношении своих запасов продовольствия. Война с Соединенными Штатами, конечно, тоже маловероятна, но, увы! даже такая катастрофа возможна при нынешнем положении дел человечества.

Аргумент, использованный М. Морисом Блоком о том, что во время войны Великобритании, возможно, в будущем грозит опасность того, что большая часть ее населения умрет от голода из-за нехватки продовольствия, был предвосхищен Мальтусом в примечании к главе х. Там он говорит: “Меня неправильно поняли бы, если бы из всего, что я сказал в четырех последних главах, сочли, что я недостаточно осведомлен о преимуществах, получаемых от торговли и мануфактур. Я рассматриваю их как наиболее отличительные черты цивилизации, наиболее очевидные и поразительные признаки улучшения общества, рассчитанные на то, чтобы увеличить наши удовольствия и увеличить сумму человеческого счастья. Никакие большие излишки сельского хозяйства не могли бы существовать без них, а если бы и существовали, то имели бы сравнительно небольшую ценность. Но все же они являются скорее украшениями политической структуры, чем ее фундаментом. Пока эти фундаменты совершенно надежны, мы не можем быть слишком озабочены тем, чтобы сделать все помещения удобными и элегантными: но если есть хоть малейшая причина опасаться, что сами фундаменты могут провалиться, то кажется безумием продолжать уделять наше основное внимание менее важным частям. В истории еще не было случая, чтобы крупная нация продолжала с неослабевающей энергией обеспечивать четыре или пять миллионов своего населения импортной кукурузой; и я не верю, что такой случай когда-либо будет в будущем. Англия, несомненно, из-за своего островного положения и командующего флотом, скорее всего, образует исключение из этого правила; но, несмотря даже на особые преимущества Англии, мне кажется очевидным, что, если она будет продолжать ежегодно увеличивать импорт зерна, она не сможет в конечном итоге избежать упадка, который, по-видимому, является естественным и необходимым следствием чрезмерного коммерческого богатства. Сейчас я говорю не о следующих двадцати или тридцати годах, а о следующих двухстах или трехстах. И хотя у нас мало привычки заглядывать так далеко вперед, все же может возникнуть вопрос, не связаны ли мы долгом предпринять некоторые усилия, чтобы избежать системы, которая неизбежно приведет к слабости и упадку наших потомков. Но применяем ли мы это рассуждение на практике или нет,

любопытно поразмыслить над причиной тех поворотов в судьбе империй, которые так часто меняли облик мира в прошлые времена, и можно ожидать, что они приведут к аналогичным, хотя, возможно, и не таким сильным изменениям в будущем. Несомненно, в древние времена война была главной причиной этих изменений; но часто она лишь завершала работу, начатую избытком роскоши и земледелия. Иностранные вторжения или внутренние потрясения оказали лишь временное и сравнительно незначительное воздействие на такие страны, как Ломбардия, Тоскана и Фландрия, но оказались фатальными для таких государств, как Голландия и Гамбург, и хотя торговля и мануфактуры Англии, вероятно, всегда будут в значительной степени поддерживаться ее сельским хозяйством, все же та часть, которая не пользуется такой поддержкой, все еще останется подверженной бедствиям зависимых государств”.

В письме 1806 года г—н Мальтус добавляет: “Мы должны помнить, что только в течение последних двадцати или тридцати лет мы стали страной-импортером. Вряд ли можно было ожидать, что за столь короткий период зло системы станет ощутимым. Однако мы уже ощутили некоторые из его неудобств; и если мы будем упорствовать в этом, его пагубные последствия ни в коем случае не могут быть предметом отдаленных домыслов”.

В одиннадцатой главе своей третьей книги наш автор рассматривает преобладающие ошибки в отношении населения и изобилия и обращает внимание на некоторые аргументы, которые в этом самом 1883 году снова и снова выдвигались учениками мистера Генри Джорджа, американского писателя, неожиданно ставшего знаменитым благодаря своей работе “Прогресс и бедность”. “Было замечено,” говорит м-р Мальтус, “что многие страны в период их наибольшей густонаселенности жили в наибольшем достатке и могли экспортировать хлеб; но в другие периоды, когда их население было очень низким, жили в постоянной бедности и нужде и были вынуждены импортировать хлеб. Египет, Палестина, Рим, Сицилия и Испания приводятся в качестве конкретных примеров этого факта: и был сделан вывод, что увеличение населения в любом государстве, не культивируемом в полной мере, будет иметь тенденцию скорее увеличивать, чем уменьшать относительное изобилие всего общества; и что, как замечает лорд Каймес, страна не может легко стать слишком густонаселенной для ведения сельского хозяйства, потому что сельское хозяйство обладает характерным свойством производить пищу пропорционально числу потребителей.... Предрассудки по вопросу о численности населения имеют очень поразительное сходство с старыми предрассудками о виде, и мы знаем, как медленно и с каким трудом эти последние уступили место более справедливым концепциям. Политики, заметив, что государства, которые были могущественными и процветающими, почти неизменно были густонаселенными, ошибочно приняли следствие за причину и пришли к выводу, что их население было причиной их процветания, вместо того чтобы их процветание было причиной их населения; как пришли к выводу старые политэкономисты, что изобилие денег было причиной национального богатства, а не следствием его. Годовой продукт земли и труда в обоих этих случаях вследствие этого отошел на второй план, и его увеличение, как предполагалось, должно было естественно следовать за увеличением денежной массы в одном случае или населения в другом. И все же, несомненно, безумие попыток увеличить количество наличных денег в какой-либо стране без увеличения товаров, которые она должна пускать в обращение, не больше, чем безумие попыток увеличить число людей без увеличения продовольствия, которое должно их поддерживать; и будет обнаружено, что уровень, выше которого никакие человеческие законы не могут поднять население страны, является пределом более определенным и непреодолимым, чем предел накопления наличных денег”.

“Невежество и деспотизм, по-видимому, не имеют тенденции уничтожать страсти, которые побуждают их разрастаться; но они эффективно уничтожают препятствия, сдерживающие их со стороны разума и предвидения. Недальновидный варвар, думающий только о своих текущих потребностях, или несчастный крестьянин, который из-за своего политического положения не чувствует особой уверенности в том, что пожнет то, что он посеял, редко удерживаются от удовлетворения своей страсти перспективой неудобств, которые, как можно ожидать, обрушатся на него раньше, чем через три-четыре года. Промышленность не может существовать без дальновидности и надежности. Даже сама бедность, которая, по-видимому, является мощным стимулом для развития промышленности, когда она переходит определенные границы, почти перестает действовать. Безданная нужда сводит на нет все энергичные усилия и ограничивает их тем, чего достаточно для простого существования. Именно надежда на улучшение нашего положения и страх перед нуждой, а не сама нужда, являются лучшим стимулом для трудолюбия; и его наиболее постоянные и наиболее целенаправленные усилия почти неизменно будут предприниматься среди класса людей, стоящего выше класса крайне бедных”.

Это замечание Мальтуса является ответом тем, кто говорит, что если бы пища была дешевле, а бедняки лучше питались, они работали бы ровно столько, сколько было необходимо для получения скудного запаса продовольствия. Опыт наших колоний и Соединенных Штатов показывает, что страх перед нуждой является стимулом, побуждающим первых колонистов плодородной страны пылко стремиться к богатству.

“Я был бы последним, кто стал бы отрицать, что увеличение населения, - говорит Мальтус, - когда оно следует в своем естественном порядке, является как великим положительным благом само по себе, так и абсолютно необходимым для дальнейшего увеличения годового продукта земли и труда в какой-либо стране. Единственный вопрос заключается в том, каков естественный порядок этого прогресса? В этом пункте сэр Джеймс Стюарт, как мне кажется, допустил ошибку. Он определяет, что умножение является эффективной причиной земледелия, а не земледелие размножения; но хотя можно допустить, что увеличение числа людей сверх того, что могло бы легко прокормиться естественными плодами земли, впервые побудило человека возделывать землю; и что стремление к содержанию семьи или получению какого-либо ценного вознаграждения в обмен на продукты земледелия все еще действует как главный стимул к земледелию; тем не менее ясно, что эти продукты в их действительном состоянии должны превышать самые низкие потребности существующего населения, прежде чем можно будет поддерживать какой-либо постоянный рост. Мы знаем, что в бесчисленных случаях имело место увеличение рождаемости, которое не оказало никакого влияния на сельское хозяйство и просто сопровождалось ростом заболеваемости; но, возможно, нет такого примера, когда постоянный рост сельского хозяйства не приводил где-либо к постоянному увеличению населения. Следовательно, сельское хозяйство с большим основанием можно назвать действенной причиной народонаселения, чем сельское хозяйство, хотя они, безусловно, влияют друг на друга и взаимно необходимы для поддержки друг друга”.

Автор книги “Люди” (отец Мирабо) в главе о влиянии упадка сельского хозяйства на численность населения признает, что он допустил фундаментальную ошибку, рассматривая численность населения как источник дохода: и что впоследствии он был убежден, что доход является источником численности населения. Из-за недостатка внимания к этому важнейшему различию государственные деятели в погоне за желаемой целью увеличения населения были

вынуждены поощрять ранние браки, награждать отцов семейств и позорить безбрачие; но это, как справедливо замечает тот же автор, означает обрабатывать и поливать участок земли, не засевая его, и все же ожидать урожая”. Любопытно, что спекуляции по этому вопросу настолько отстали даже в современной Франции, самой практичной неомальтузианской стране в Европе, что в этом году ученые французы уже внесли два предложения о поощрении брака и многодетных семей. Первое исходило отсына одного из самых выдающихся хирургов Парижа, доктора Рише; второе - от члена французского *Законодательного корпуса*.

“Среди других предрассудков, ” говорит Мальтус, “ которые преобладали по поводу народонаселения, обычно считалось, что, хотя среди богатых либо наблюдается расточительство, либо в какой-либо стране земля остается необработанной, жалобы на нехватку продовольствия не могут быть справедливо обоснованы, или, по крайней мере, что наличие бедственного положения среди бедных следует приписывать дурному поведению высших классов общества и плохому управлению землей. Реальный эффект, однако, этих двух обстоятельств заключается всего лишь в сужении границ реальной численности населения; но они практически не влияют на то, что можно назвать средним давлением бедствия на более бедных членов общества. Если бы наши предки были такими бережливыми и трудолюбивыми и передали своим потомкам такие привычки, что высшие классы не потребляли ничего лишнего, лошади не использовались для развлечений, и ни одна земля не оставалась необработанной, то в состоянии фактического населения появилась бы разительная разница, но, вероятно, ее вообще не было в состоянии низших классов людей в отношении цены труда и легкости содержания семьи. Расточительство среди богатых и лошади, которых держат для удовольствия, действительно немного напоминают потребление зерна на винокурнях, замеченное ранее в отношении Китая. Исходя из предположения, что потребляемая таким образом пища может быть изъята в случае дефицита и использована для оказания помощи бедным, они, безусловно, действуют, насколько это возможно, подобно зернохранилищам, которые открываются только в то время, когда в них возникает потребность, и поэтому должны скорее приносить пользу, чем вред низшим классам общества.

“Что касается необработанной земли, - говорит наш автор, - то очевидно, что ее воздействие на бедных не заключается ни в том, чтобы причинить им вред, ни в том, чтобы принести им пользу. Внезапное ее освоение, несомненно, привело бы к улучшению их положения на какое-то время, а пренебрежение ранее обработанными землями, несомненно, ухудшило бы их положение на определенный период; но когда никаких изменений такого рода не происходит, воздействие необработанной земли на низший класс действует просто как обладание меньшей территорией. Действительно, для бедных очень важно, имеет ли страна привычку экспортировать или импортировать зерно; но этот момент не обязательно связан с полной или неполной обработкой всей территории, а зависит от доли избыточного продукта среди тех, кто получает от него поддержку; и фактически эта доля обычно наибольшая в странах, которые еще не завершили обработку своей территории.

Поэтому нам не следует с большой готовностью делать выводы против внутренней экономики страны на основании внешнего вида невозделанных пустошей без других доказательств. Но факт таков, что ни одна страна никогда не достигала и, вероятно, никогда не достигнет максимально возможного уровня производства, всегда кажется, что фактическим пределом дальнейшего увеличения производства и населения был недостаток промышленности или неправильное направление этой промышленности, а не абсолютный отказ природы

производить что-либо еще; но можно справедливо сказать, что человек, запертый в комнате, ограничен ее стенами, хотя он, возможно, никогда их не коснется; и что касается принципа народонаселения, то никогда не возникает вопроса, будет ли страна производить *что-либо* еще, но можно ли добиться того, чтобы этого было достаточно для того, чтобы идти в ногу с неконтролируемым увеличением числа людей. В Китае вопрос не в том, можно ли вырастить определенное дополнительное количество риса за счет улучшения культуры, а в том, можно ли рассчитывать на такое увеличение в течение следующих двадцати пяти лет, которого было бы достаточно для поддержки дополнительных трехсот миллионов человек. И в этой стране вопрос заключается не в том, сможем ли мы, обрабатывая все наше достояние, собрать значительно больше, чем в настоящее время, а в том, сможем ли мы собрать достаточно для населения в двадцать миллионов человек в ближайшие двадцать пять лет и сорок миллионов в следующие пятьдесят.

“Допущение абсолютного неограниченного количества продуктов земли едва ли хоть на волосок снимает весомость аргумента, который полностью зависит от по-разному растущих соотношений населения и продовольствия; и все, что могут сделать самые просвещенные правительства и самые настойчивые и наилучшим образом управляемые усилия промышленности, - это установить необходимые ограничения, чтобы население действовало более равномерно и в направлении наименьшего зла; но устранить их - задача абсолютно безнадежная”.

Теперь мы подошли к последней части великого эссе Мальтуса о народонаселении. В книге IV. в главе i наш автор говорит о будущих перспективах устранения или смягчения последствий зла, проистекающего из принципа народонаселения. Он показывает, что мы должны подчиниться закону народонаселения как высшему закону природы, и что все, что нам остается, - это то, как мы можем ограничить численность населения с наименьшим ущербом для добродетели и счастья человеческого общества. Что касается моральной сдержанности, то он утверждает, что это наименее вредная из всех проверок. “Если мы невоздержанны в еде и питье, - говорит он, - мы неупорядоченны; если мы потворствуем вспышкам гнева, мы редко совершаем поступки, в которых впоследствии раскаиваемся; если мы размножаемся слишком быстро, мы умираем в жалких условиях от бедности и заразных болезней.... Вид пищи и способ ее приготовления, наиболее подходящие для целей питания и удовлетворения вкуса и т. Д., Не были обращены на себя внимание человека сразу, но были медленным и запоздалым результатом опыта и предостережений, полученных при повторных неудачах”.

Затем м-р Мальтус, следуя Гиппократу, указывает, что в истории каждой эпидемии почти неизменно наблюдалось, что основными жертвами были низшие классы людей, чья пища была плохой и недостаточной и которые жили в тесноте в маленьких и грязных домах. “Каким другим способом природа может указать нам на то, что, если мы слишком быстро увеличиваем количество средств к существованию, так что значительной части общества приходится жить таким жалким образом, мы нарушили один из ее законов?” После желания поесть самым сильным и общим из наших желаний является страсть между полами, взятая в расширенном смысле. Мистер Годвин сказал в одной из своих работ: “Лишите торговлю полов всех сопутствующих ей обстоятельств, и это вызвало бы всеобщее презрение”. На это м-р Мальтус отвечает, что Годвин с таким же успехом мог бы сказать человеку, который восхищался деревьями: “Лишите их раскидистых ветвей и прелестной листвы, и какую красоту вы увидите в голом шесте?” “Вечерняя трапеза, теплый дом и уютное сидение у камина потеряли бы

половину их интереса, если бы мы исключили идею о каком-то объекте привязанности, с которым их можно было бы разделить”.

Таким образом, немногие из наших человеческих страстей или вообще ни одна из них не допускала бы значительного умаления, не сужая источники добра сильнее, чем источники зла. Плодовитость человеческого вида в некоторых отношениях отличается от страсти между полами. Оно сильное и общее и, по-видимому, не допускало бы какого-либо очень значительного уменьшения, не будучи неадекватным своей цели. “Для счастья человечества крайне важно, чтобы они не увеличивались слишком быстро; но не похоже, чтобы цель, которая должна быть достигнута, допускала бы какое-либо очень значительное уменьшение желания вступить в брак. Очевидно, что долг каждого человека не вступать в брак до тех пор, пока у него не появится перспектива содержать своих детей; но в то же время следует пожелать, чтобы его желание вступить в брак не уменьшалось, чтобы он мог приложить усилия для реализации этой перспективы и был стимулирован обеспечить поддержку большего числа людей.

“Наше обязательство не вступать в брак до тех пор, пока у нас не появится прекрасная перспектива содержать наших детей, по-видимому, заслуживает внимания моралиста, если можно будет доказать, что внимание к этим обязательствам оказывает большее влияние на предотвращение несчастий, чем все остальные добродетели вместе взятые; и что если бы в нарушение этого долга было общим обычаем следовать первому побуждению природы и вступать в брак в возрасте половой зрелости, всеобщее распространение всех известных добродетелей в максимально возможной степени не смогло бы спасти общество от самого жалкого состояния нужды, и все болезни и голод, которые обычно сопровождают это”.

В главе ii г-н Мальтус говорит о последствиях, к которым привело бы общество преобладание такой добродетели, как моральная сдержанность. “Ни один мужчина, заработка которого хватало только на содержание двоих детей, не поставил бы себя в ситуацию, в которой ему, возможно, пришлось бы содержать четверых или пятерых, как бы его ни подталкивала к этому любовная страсть. Интервал между возрастом половой зрелости и периодом, в который каждый индивид может рискнуть вступить в брак, согласно этой точке зрения, должен быть проведен в строгом целомудрии, потому что закон целомудрия не может быть нарушен без причинения зла. Результатом чего-либо подобного беспорядочным половым сношениям, препятствующим рождению детей, очевидно, является ослабление лучших привязанностей сердца и весьма заметное ухудшение женского характера. И любое другое общение, без применения неподобающих искусств, принесло бы обществу столько же детей, сколько брак, с гораздо большей вероятностью того, что они станут для него обузой”.

Фраза “неподобающие искусства” - это единственный пункт, по которому так называемые неомальтузианцы расходятся с Мальтусом. Его современным последователям опыт Франции и других стран кажется убедительно доказанным, что поздние браки - это не то, чему следует доверять для сдерживания численности населения; но ограничение размера семей. М-р Мальтус, действительно, кажется, сам признает пагубность поздних браков, поскольку он пишет: “Поздние браки в настоящее время, действительно, в основном заключаются мужчинами; и мало найдется людей, какими бы продвинутыми в жизни они ни были, которые, решив жениться, не остановили свой выбор на очень молодой жене. Молодая женщина, не имеющая состояния, когда ей переваливает за двадцать пятый год, начинает опасаться, и не без оснований, что она может вести жизнь безбрачия.... Если бы женщины могли с

уверенностью ожидать замужества в двадцать восемь или тридцать лет, я полностью верю, что, если бы импредоставили выбирать, они бы явно предпочли подождать до этого периода, а не быть вовлеченными во все заботы большой семьи в двадцать пять ”.

Несколько лет назад лорд Дерби верно заметил, что великим императорам не нравилось, когда их подданные были слишком богаты. Это замечание, возможно, было цитатой из Мальтуса, где он говорит: “Честолюбие государей понадобились бы инструменты разрушения, если бы бедствия низших классов их подданных не подгоняли их под свои стандарты. Сержант-вербовщик всегда молится о плохом урожае и нехватке работы, или, другими словами, о избыточном населении ”. Мистер Мальтус указывает, что общество с низким уровнем рождаемости будет чрезвычайно могущественным как во время войны, так и в мирное время. Одно из главных побуждений к наступательной войне было бы устранено, и дома стало бы больше свободы от политических разногласий. “Не склонное к наступательной войне, в войне оборонительной такое общество было бы крепко, как адамантовая скала. Там, где каждая семья обладала всем необходимым для жизни в достатке и приличной долей удобств, не могло существовать той надежды на перемены или, в лучшем случае, того меланхолического и удручающего безразличия к ним, которое иногда побуждает низшие классы людей говорить: ”Что бы ни случилось, нам не может быть хуже, чем сейчас”.

В главе iii м-р Мальтус довольно мрачно рассуждает о перспективе принятия обществом его рекомендации о поздних браках: “Я полагаю (говорит он), что немногие из моих читателей могут быть менее оптимистичны в ожиданиях каких-либо значительных перемен в общем поведении людей по этому вопросу, чем я”. Он предлагает это, по-видимому, главным образом для того, чтобы оправдать характер Божества! В настоящее время всем исследователям науки известно, что это ошибочный аргумент; и мы не можем не противопоставить шаткой доктрине нашего великого автора четкую линию долга, изложенную величайшим из его последователей мистером Дж. С. Миллем, когда он говорит, что счастье общества вполне достижимо, если только правилом морали станет то, что создание больших семей в Европе должно рассматриваться как порок.

“Почти все, что до сих пор делалось для бедных, имело тенденцию, как будто с особой тщательностью, набрасывать завесу мрака на этот предмет и скрывать от них истинную причину их бедности. Человеку всегда говорили, что воспитывать подданных для своего короля и страны - достойный поступок. В попытке увеличить соотношение количества продуктов питания к числу потребителей в любой стране наше внимание, естественно, было бы в первую очередь направлено на увеличение абсолютного количества продуктов питания, но, обнаружив, что, как бы быстро мы это ни делали, количество потребителей более чем поспевало за этим, и что при всех наших усилиях мы по-прежнему как никогда отставали, мы должны были бы убедиться, что наши усилия, направленные таким образом, никогда не увенчаются успехом. Казалось бы, это все равно что заставить черепаху поймать зайца. Таким образом, обнаружив, что в соответствии с законами природы мы не можем пропорционально распределять пищу по численности населения, нашей следующей попыткой, естественно, должно быть соотношение численности населения и количества пищи. Если мы сможем убедить зайца заснуть, у черепахи, возможно, появится некоторый шанс догнать ее”.

В главе iv наш автор отвечает на некоторые возражения. Некоторые из его критиков говорили, что, если последовать его совету, рынок будет испытывать нехватку рабочей силы. По этому

поводу Мальтус замечает, что “рынок, перенасыщенный рабочей силой, и достаточное вознаграждение каждому работнику являются объектами, совершенно несовместимыми друг с другом. В анналах мира они никогда не существовали вместе; и сопоставление их даже в воображении выдает грубое незнание простейших принципов политической экономии”. Затем г-н Мальтус отвечает на часто повторяемый аргумент о будущем следующим образом: “Я легко могу представить, что в этой стране при надлежащем управлении национальной промышленностью население могло бы в течение нескольких столетий превышать нынешнее в два или три раза, и все же каждый человек в королевстве был бы лучше обеспечен и одет, чем он есть в настоящее время”.

“Пока источники промышленности продолжают работать, и значительная часть этой промышленности направлена на сельское хозяйство, нам не нужно опасаться нехватки населения; и ничто, возможно, не будет так сильно способствовать созданию духа трудолюбия и экономии среди бедных, как глубокое знание того, что их счастье всегда должно зависеть главным образом от них самих; и что если они повинуются своим страстям вопреки своему разуму или не будут трудолюбивыми и бережливыми, пока они холостые люди, и откладывают определенную сумму на обычные непредвиденные расходы семейного состояния, они должны ожидать, что пострадают от естественных зол, которые могут возникнуть у бедных. Провидение уготовило участь тем, кто не подчиняется его увещаниям”.

Итак, это главный аргумент нашего автора; но, как мы видели, он опасается, что массы не прислушаются к нему, а также достаточно ясно видит, что его совет отложить день свадьбы до тех пор, пока не будут зарезервированы средства для удовлетворения всех требований, предъявляемых к супружеской паре, скорее всего, приведет к другим бедам. “Третье возражение, которое может быть выдвинуто (говорит он) против этого плана, и единственное, которое, как мне кажется, имеет хоть какое-то значение, заключается в том, что, пытаясь навязать бедным обязанность морального сдерживания, мы можем увеличить количество сексуальных пороков”.

Мальтус сталкивается со значительными трудностями при отражении этой атаки, и мало найдет тех, кто будет удовлетворен следующим ответом на это возражение. “Мне было бы крайне неприятно говорить что-либо, что могло бы быть отдаленно или прямо истолковано неблагоприятно для дела добродетели; но я, конечно, не могу думать, что пороки, связанные с полом, являются единственными пороками, которые следует рассматривать в моральном вопросе; или что они даже самые большие и унижающие человеческий характер. Они редко или никогда не могут быть совершены без того, чтобы где-то не повлечь за собой подобных правонарушений, и поэтому их всегда следует решительно отвергать; но есть и другие пороки, последствия которых еще более пагубны; и есть другие ситуации, которые более определенно ведут к моральным правонарушениям, чем воздержание от брака”.

Все это не относится к делу; и наш автор пустился в такого рода рассуждения именно потому, что у него не было такого опыта заключения брака в маленьких семьях, как у нас, современных людей. Только это из всех возможных вариантов дает человечеству шанс на комфорт, любовь и семейные радости. Если бы в такой стране, как Англия, все считали аморальным иметь семью, превышающую четверых детей, несомненно, была бы надежда, что все могли бы вести добродетельную жизнь; но план мистера Мальтуса о поздних браках неизбежно обрекает многих женщин на безбрачие и, как он признает, ведет к деградации многих других женщин.

Наш автор продолжает: “Какими бы сильными ни были искушения нарушить целомудрие, я склонен думать, что они бессильны по сравнению с искушениями, возникающими из-за продолжающихся страданий. Я не сомневаюсь, что значительная часть женщин и многие мужчины проводят значительную часть своей жизни в целомудрии; но я полагаю, что найдется очень мало таких, кто пройдет через испытание убогой и безнадежной бедностью или даже через длительные стесненные обстоятельства без значительного ухудшения характера.... Добавьте к этому, что убогая бедность, особенно в сочетании с праздноностью, является состоянием, наиболее неблагоприятным для характера, которое только можно себе представить. Страсть так же сильна или почти такова, как и в других ситуациях, и всякое сдерживание ее из личного уважения или чувства морали, как правило, устраняется. Существует такая степень убогой бедности, в которой, если бы девушка выросла, я бы сказал, что ее настоящая скромность в двадцать лет была абсолютным чудом. Эти люди, должно быть, действительно обладают незаурядным умом, такого обычно не встретишь в подобных обстоятельствах, которые могут продолжать уважать себя, когда никто другой их совершенно не уважает. Если бы воспитанные таким образом дети даже вступали в брак в двадцать лет, вполне вероятно, что до этого периода они бы уже несколько лет придерживались порочных привычек”.

Если бы мистер Мальтус был жив в этот момент и путешествовал, как он это делал при жизни, по сельским округам Франции, он был бы первым, кто признал, что французы предложили единственное решение проблемы, которое он так ясно формулирует, и которое когда-либо давала какая-либо нация.

“Если (говорит наш автор) государственные деятели не будут поощрять поздние браки, а скорее наоборот, то для того, чтобы действовать последовательно, они должны способствовать, а не глупо и тщетно пытаться препятствовать действиям природы, вызывающим большую детскую смертность. Вместо того чтобы рекомендовать бедным чистоту, они должны культивировать противоположные привычки. Если бы этими и подобными способами ежегодная смертность была увеличена с 1 к 36 или 40 годам до 1 к 18 или 20, то, вероятно, каждый из нас женился бы в возрасте половой зрелости, и все же лишь немногие умирали бы с голоду. Однако, если мы все вступаем в брак в этом возрасте и при этом все еще продолжаем прилагать усилия, чтобы препятствовать действию природы, мы можем быть уверены, что все наши усилия будут напрасны. Природа не потерпит и не может быть побеждена в своих целях. Неизбежная смертность должна наступить, в той или иной форме: и искоренение одной болезни будет лишь сигналом к появлению другой, возможно, более смертельной. Мы не можем понизить уровень воды в реках, нажимая на них в разных местах, что неизбежно должно заставить их подняться где-то в другом месте; единственный способ, которым мы можем надеяться достичь нашей цели, - это отвести их”.

“В стране, которая поддерживает свое население на определенном уровне, если указать среднее число браков и рождений, очевидно, что будет указано и среднее число смертей: и, используя метафору доктора Хебердена, каналы, по которым постоянно течет поток смертности, всегда будут передавать данное количество. Теперь, если мы закроем любой из этих каналов, должно быть совершенно ясно, что поток смертности должен с большей силой течь по некоторым другим каналам: то есть, если мы искореним одни болезни, другие станут пропорционально более смертоносными”.

“Доктор Хеберден (говорит Мальтус) рисует поразительную картину благоприятных изменений, наблюдаемых в состоянии здоровья населения Англии, и в значительной степени объясняет это улучшениями, которые постепенно произошли не только в Лондоне, но и во всех крупных городах; и в образе жизни по всему королевству, особенно в отношении чистоты и вентиляции. Но эти причины не произвели бы наблюдаемого эффекта, если бы они не сопровождались усилением профилактических проверок; и, вероятно, распространение чистоты и лучшего образа жизни, которые тогда начали преобладать, распространяя в более широком смысле достойную и полезную гордость, в основном способствовало этому увеличению. Однако сокращения числа браков было недостаточно, чтобы компенсировать значительное снижение смертности в результате исчезновения чумы и поразительное снижение смертности от дизентерии. В то время как эти и некоторые другие болезни стали недолговечными, чахотка, паралич, апоплексия, подагра, безумие и оспа стали более смертельными. Расширение этих водостоков было необходимо для удаления населения, которое все еще оставалось избыточным, несмотря на активизацию профилактических проверок, и той части, которая ежегодно утилизировалась и могла существовать за счет развития сельского хозяйства ”.

Затем м-р Мальтус добавляет: “Что касается меня, то я не испытываю ни малейшего сомнения в том, что, если введение коровьей оспы приведет к искоренению натуральной оспы, и при этом число браков останется прежним, мы обнаружим очень заметную разницу в увеличении смертности от некоторых других болезней. Ничто не могло предотвратить этот эффект, кроме внезапного всплеска в нашем сельском хозяйстве; и если это произойдет, чего, я боюсь, у нас нет особых оснований ожидать, это будет связано не количеством детей, спасенных от смерти прививками от коровьей оспы, а с тревогой, вызванной среди имущественных слоев населения недавним дефицитом, и с возросшими доходами фермеров, которые были так нелепо отвергнуты. Однако я твердо склонен полагать, что количество браков в этом случае не останется прежним; но что постепенный свет, который, как можно ожидать, будет пролит на эту интересную тему человеческих исследований, научит нас, как сделать исчезновение смертельного расстройства настоящим благословением для нас и реальным улучшением общего состояния здоровья и счастья общества ”.

В этих замечательных замечаниях Мальтус указывает, что всякий раз, когда мы вносим улучшения в науку о здоровье, мы должны довольствоваться снижением рождаемости, если мы действительно хотим добиться ожидаемых преимуществ. Таким образом, если дренаж, хорошее водоснабжение и искоренение лихорадки должны быть нам полезны, то это должно быть связано с тем, что мы полны решимости рожать меньше детей. Ибо, если у нас будет столь же высокий уровень рождаемости и не будет значительного пополнения наших запасов продовольствия из-за границы или с нашей собственной земли, мы неизбежно умрем от каких-нибудь других хронических, хотя и отличных, болезней, чем те, которые вызваны плохим дренажем, лихорадкой или оспой. Ни в коем случае у нас не может быть уровня рождаемости 40 на 1000 человек в старой стране без высокого уровня смертности.

ГЛАВА XII.

В главе VI книги IV г-н Мальтус рассматривает влияние знания главной причины бедности на гражданскую свободу, отмечая вначале, что некоторым может показаться, что доктрина, которая приписывает большую часть страданий низших классов общества исключительно им самим, неблагоприятна для дела свободы, предоставляя, можно сказать, заманчивую возможность правительствам угнетать своих подданных по своему усмотрению и возлагая всю вину на расточительные привычки бедных. Наш автор утверждает, что, с другой стороны, давление бедствий на низшие классы людей, с привычкой приписывать бедствия своим правителям, представляется ему скалой защиты, замком и духом-хранителем деспотизма, дающим тирану неопровержимую ссылку на необходимость.

“Патриот, которого любовь к своей стране могла бы призвать сердцем и рукой присоединиться к народному восстанию ради какой-либо конкретной достижимой цели или реформы, если бы он знал, что люди осведомлены относительно своего собственного положения и остановятся, когда достигнут своих требований, был бы призван тем же предложением скорее подчиниться очень сильному сопротивлению, чем оказать малейшее содействие народному восстанию, участники которого, по крайней мере, большинство из них, были убеждены, что уничтожение парламента, лорд-мэра и монополии сделает хлеб дешевым, и что это приведет к тому, что люди, находящиеся в революция позволила бы им всем прокормить свои семьи. В данном

случае причиной угнетения являются скорее невежество и заблуждения низших классов людей, чем фактическая склонность правительства к тирании”.

М-р Мальтус замечает, что распространение "Прав человека" Пейна, как говорили, принесло большой вред низшим и средним классам в этой стране: и это может быть правдой; но это произошло потому, что м-р Пейн во многих важных моментах показал себя совершенно незнакомым со структурой общества и различными моральными последствиями, которых следует ожидать от физической разницы между этой страной и Америкой. Толпы, подобные тем, что были известны под этим именем в Европе, в то время не могли существовать в Америке. Таким образом, в то время число людей, не имеющих собственности, исходя из физического состояния страны, было сравнительно небольшим: и поэтому гражданская власть, необходимая для защиты собственности, не требовала быть такой большой. Мистер Пейн утверждал, что реальной причиной беспорядков всегда было стремление к счастью, и утверждал, что это всегда было связано с тем, что что-то было не так в системе управления. Но это, очевидно, не всегда так. Избыточное население старого штата создает предпосылки для несчастий, неизвестных такому государству, как Америка.

Ничто так эффективно не предотвратило бы ущерб, причиняемый Правами человека мистера Пейна (говорит наш автор), как общее знание наших истинных прав. “Что это за права, сейчас не мое дело объяснять; но есть одно право, которым, как обычно считалось, обладает человек, которым, я уверен, он не обладает и не может обладать, - право на существование, когда его труд не позволяет честно приобрести его. Наши законы (1806 г.) действительно гласят, что он имеет это право, и обязывают общество предоставлять работу и продовольствие тем, кто не может получить их на обычном рынке; но при этом они пытаются обратить вспять законы природы; и, следовательно, следует ожидать не только того, что они потерпят неудачу в достижении своей цели, но и того, что бедные, которые должны были получить выгоду, должны самым жестоким образом пострадать от этого бесчеловечного обмана, который практикуется по отношению к ним”.

Мальтус добавляет, что аббат Рейналь сказал, что прежде всех других социальных законов человек имеет право на существование. “С таким же успехом он мог бы сказать, что каждый человек имеет право прожить 100 лет. Да! Он имеет на это право, если сможет. Хорошие социальные законы действительно позволяют существовать большему числу людей, чем могло бы существовать без них; но ни до, ни после установления социальных законов неограниченное число людей существовать не может. Следовательно, поскольку невозможно прокормить все, что может родиться, постыдно обещать сделать это.

“Если бы великие истины по этим предметам получили более широкое распространение и низшие классы могли быть убеждены в том, что по законам природы, независимо от какого-либо конкретного института, за исключением великого института собственности, который абсолютно необходим для получения какого-либо значительного продукта, ни один человек не имеет никаких притязаний или *права* требовать от общества средств к существованию, если его труд не позволяет приобрести их, большая часть злонамеренных заявлений о несправедливых институтах общества оказалась бы бессильной. Если бы беднякам были показаны истинные причины их страданий и их научили понимать, насколько малая часть их нынешнего бедствия связана с правительством, недовольство было бы гораздо менее распространенным явлением.

“Еще раз повторяю — Устраните всякий страх перед тиранией или безумием народа, и тирания правительства не выдержит ни минуты. Тогда оно предстало бы в своем подобающем уродстве, без утайки, без предлога, без защиты.

“Хорошие правительства в основном полезны беднейшим классам, давая им более четкое представление о необходимости некоторых профилактических проверок населения. И при деспотических правительствах обычно обнаруживается, что меры контроля над населением в большей степени обусловлены болезнями и смертностью, вытекающими из бедности, чем любыми подобными профилактическими проверками”.

Г-н Мальтус утверждает, что “наиболее успешными сторонниками тирании, без сомнения, являются те ораторы общего толка, которые приписывают бедствия бедных и почти все зло, которым подвержено общество, человеческим институтам и беззаконию правительств. Ложность этих обвинений и ужасные последствия, которые могли бы возникнуть в результате их всеобщего признания и принятия мер в соответствии с ними, делают абсолютно необходимым, чтобы им во всех случаях оказывалось сопротивление: не только из-за непосредственных революционных ужасов, которых следует ожидать от движения людей, действующих под таким впечатлением, соображение, которое во все времена должно иметь очень большой вес, но и из-за крайней вероятности того, что такая революция вскоре завершилась бы гораздо худшим деспотизмом, чем тот, который она уничтожила. Следовательно, каковы бы ни были намерения этих огульных обвинений в адрес правительств, их реальный эффект, несомненно, заключается в том, чтобы придать господствующей власти вес талантов и принципов, который она никогда бы не получила в противном случае”.

“При правительстве, построенном на лучших и чистейших принципах и исполняемом людьми высочайших талантов и честности, самая убогая нищета могла бы повсеместно преобладать из-за невнимания к разумному сдерживанию населения, и поскольку эта причина несчастий до сих пор была так мало понята, что усилия общества всегда имели тенденцию скорее усугублять, чем уменьшать ее, у нас есть все основания предполагать, что во всех известных нам правительствах значительная часть несчастий приходится на низшие классы народа”.
возникает по этой причине”.

Следовательно, вывод, который г-н Годвин, а в последние дни г-н Хайндман и Демократическая федерация сделали против правительств из несчастья людей, явно несправедлив, и, прежде чем мы дадим санкцию таким обвинениям, наш долг перед правдой и справедливостью - установить, насколько это несчастье проистекает из принципа народонаселения, и сколько справедливо отнести на счет правительства. Когда это различие будет проведено должным образом, и все расплывчатые, неопределенные и ложные обвинения будут сняты, правительство останется, как и должно быть, явно ответственным за все остальное, и объем этого по-прежнему будет таким, что сделает ответственность очень значительной. “Хотя правительство обладает лишь небольшой властью в прямой борьбе с бедностью, все же его косвенное влияние на процветание его подданных поразительно и неоспоримо. И причина в том, что, хотя оно сравнительно бессильно в своих усилиях заставить продовольствие страны идти в ногу с неограниченным ростом населения, все же его влияние велико в том, что оно дает наилучшее направление этим проверкам, которые в той или иной форме обязательно должны иметь место”.

Первым важным условием, говорит м-р Мальтус, для развития благоразумных привычек, является совершенная сохранность собственности, а следующим, возможно, является та респектабельность и важность, которые придаются низшим классам равными законами, и обладание некоторым влиянием при их разработке. Таким образом, чем совершеннее правительство, тем больше оно стремится к тому благоразумию и возвышению чувств, благодаря которым только в нашем нынешнем состоянии можно избежать бедности.

М-р Мальтус был категорическим противником деспотического правления; и он отмечает, что иногда утверждалось, что единственная причина, по которой выгодно, чтобы народ имел некоторую долю в правительстве, заключается в том, что представительство народа лучше всего способствует установлению хороших и равных законов; но что если бы та же цель могла быть достигнута при деспотизме, то такое же преимущество досталось бы и обществу. Если, однако, представительная система, обеспечивая низшим классам общества более равный и либеральный режим обращения со стороны вышестоящих, придает каждому индивиду большую личную респектабельность и большой страх личной деградации, очевидно, что она будет мощно сотрудничать с безопасностью собственности в стимулировании трудолюбия и воспитании навыков благоразумия и, таким образом, более мощно способствовать увеличению богатства и процветания низших классов общества, чем если бы те же законы существовали при деспотизме.

Но, говорит наш автор, хотя тенденция свободной конституции и хорошего правительства к сокращению бедности несомненна, все же их воздействие таким образом неизбежно должно быть косвенным и медленным и сильно отличаться от немедленного и прямого облегчения, на которое низшие классы людей слишком часто привыкли рассчитывать как на последствия революции. Эта привычка ожидать слишком многого и раздражение, вызванное разочарованием, постоянно направляют их усилия в пользу свободы в неправильном направлении и постоянно препятствуют осуществлению тех постепенных реформ в правительстве и тому медленному улучшению положения низших классов общества, которые действительно достижимы.

В наши дни можно было бы хорошо изучить следующий отрывок из предлагаемых схем конфискации земли и построения коммунизма. “Поэтому крайне важно четко знать, чего правительство не может сделать, а также то, что оно может сделать. Если бы меня попросили назвать причину, которая, по моему мнению, больше, чем какая-либо другая, способствовала очень медленному распространению свободы, столь обескураживающему каждый либеральный ум, я бы сказал, что это была путаница, существовавшая в отношении причин несчастья и недовольства, царящих в обществе; и преимущества, которые правительства могли использовать и даже были вынуждены использовать в этой путанице для подтверждения и укрепления своей власти. Поэтому я не могу отделаться от мысли, что широко распространенное знание о том, что основная причина нужды и несчастья лишь косвенно связана с правительством и полностью находится за пределами его власти устранить; и что это зависит от поведения самих бедных, вместо того, чтобы дать какие-либо преимущества правительству, придало бы большой дополнительный вес популярной стороне вопроса, устранив опасность, которой в настоящее время оно сопровождается из-за невежества; и это очень мощно способствует делу рациональной свободы”.

Г-н Дж. С. Милль, который был большим социалистом, чем г-н Мальтус, и большим оптимистом, признает, что государство могло бы обеспечить занятость при достаточной заработной плате всем, кто родится. Но, добавляет он, если оно делает это, оно обязано в целях самозащиты и для всех целей, для которых существует государство, следить за тем, чтобы никто не рождался без его согласия. То есть он, по-видимому, выступает за разработку закона, направленного против создания многодетных семей.

Предполагая, что государство могло бы обеспечить занятость при достаточной заработной плате всем рождающимся, если бы оно только позаботилось о том, чтобы не родилось слишком много, г-н Милль сильно отличается от г-на Мальтуса и многих экономистов школы Адама Смита, придерживающихся принципа невмешательства в жизнь. Люди, которые являются большими поклонниками свободы личности, смешивают, как это очень часто бывает, идею свободы с идеей права поступать неправильно. Совершенно ясно, что если бы в старой стране, такой как любое из европейских государств, все классы общества производили на свет столько детей, сколько сейчас производят самые бедные и легкомысленные члены общества, бедность стала бы такой же всеобщей, какой она была раньше, когда человечество было менее цивилизованным и имело очень низкий уровень комфорта. М-р Милль и те, кто следует за ним в этом утверждении, к числу которых следует отнести автора “Элементов социальной науки”, утверждают, что, хотя совершенно верно, что взрослый мужчина или женщина должны быть совершенно свободны жить своей собственной жизнью, чтобы что касается действий, ориентированных на себя, то это путаница идей о том, как оформить появление в жизни другого человека, акт, ориентированный исключительно на себя. Когда страна перенаселена или ей угрожает величайшее из всех бедствий, рождение, по мнению этих способных авторов, более чем небольшого числа детей у какой-либо пары является грубым преступлением против всех, кто зарабатывает на жизнь тяжелым трудом, поскольку перенаселение страны людьми очень затрудняет для тех, кто находится на дне общества, получение достаточного количества даже самой грубой пищи для себя и своих семей, в то время как жизнь становится тяжелее для всех, кто вынужден добывать ее услугами любого рода. Число детей в семье среди богатых классов Франции, по-видимому, в настоящее время составляет в среднем не более двух на семью, в то время как у более бедных классов Парижа и некоторых менее обеспеченных районов Франции семьи в среднем насчитывают более шести человек. Лондон сегодня демонстрирует примечательный факт, что, в то время как в благоустроенных приходах Кенсингтон, Сент-Джордж-Ганновер-сквер, Сент-Джеймс-Вестминстер и Хэмпстед, уровень рождаемости в 1886 году был ненамного выше 21 на 1000 жителей в год; в бедных приходах Шордич, Бетнал-Грин, Сент-Джордж на Востоке и Уайтчепел уровень рождаемости в том году составлял 38,6 на 1000 человек, т.е. в бедных кварталах на 1000 человек рождается почти вдвое больше детей, чем в богатых. Как следствие этого, уровень смертности в Ист-Энде сравнялся с таковым в Вест-Энде как 3 к 2. Мистер Милл, и в этом я полностью согласен с ним, считает, что государство может и должно препятствовать созданию многодетных семей с помощью некоторой социальной стигматизации, а автор “Элементов социальной науки” считает, что за рождение более четырех детей любой супружеской парой может быть наложен определенный штраф. Он рассматривает это как гораздо более справедливый способ сдерживания быстрой рождаемости, чем континентальный план предотвращения вступления в брак беднейших людей, поскольку, как он замечает, государство должно стремиться остерегаться не брака, а создания больших семей. Простое обсуждение в Палате общин такого предложения принесло бы огромную пользу этому и всем европейским государствам, поскольку беднейшие классы, как правило, достаточно

озабочены выполнением своего долга, если бы они только знали, в чем этот долг заключается. Конечно, любое наказание за создание большой семьи должно падать в равной степени на богатых и бедных, поскольку страдания, причиняемые состоятельным родителем, создающим большую семью, своему беспомощному и невинному отпрыску в виде пожизненного безбрачия, вполне можно сравнить с нехваткой пищи, которую такое поведение вызывает у бедных. И любое наказание должно быть очень небольшим, потому что в противном случае людей могут принудить к криминальным абортam или детоубийству, практикам, наиболее враждебным благосостоянию и даже существованию общества.

Существование мальтузианской теории народонаселения было сильно затемнено на протяжении большей части этого столетия трудами свободных торговцев, многие из которых, наряду с выдающимися лидерами движения, г-ном Дж. Кобден и Брайт считали, что с помощью свободного импорта продуктов питания можно полностью покончить с бедностью. Некоторые из самых восторженных ораторов, выступавших против Хлебных законов, говорили, что, если бы их только отменили, работные дома вскоре исчезли бы, и Соединенное Королевство наполнилось бы многочисленным и довольным населением. Это показывает, как мало эти выдающиеся люди осознавали огромную силу размножения человеческого рода. Как сказал г-н Мальтус, сила увеличения производства по отношению к силе воспроизводства подобна скорости черепахи по отношению к скорости зайца. Черепаха может догнать зайца только в том случае, если более быстрое животное заснет. Следовательно, свободная торговля, какой бы замечательной она ни была сама по себе, оказывает лишь небольшое влияние на жизнь беднейших жителей перенаселенной страны. Доля, которую они получают от продуктов жизнедеятельности мира, всегда будет самой скудной, пока они так быстро увеличиваются в численности, производя семьи из десяти-пятнадцатидетей и таким образом добиваясь положительного контроля со стороны низших животных.

Вскоре после того, как м-р Мальтус написал свое эссе, стало замечаться, что во Франции семьи среди уважаемых классов были намного меньше, чем в Англии; и м-р Фрэнсис Плейс написал брошюру, в которой указал на это и рекомендовал план вместо профилактической проверки поздних браков. Его брошюра и замечания оказали большое влияние на знаменитого Роберта Оуэна, и говорят, что последний филантроп ознакомил своих рабочих с взглядами Плейса в Нью-Ланарке, в Шотландии, и именно по этой причине этот знаменитый социалистический эксперимент так успешно удался. Мистер Роберт Дейл Оуэн, сын Роберта Оуэна, эмигрировал в Соединенные Штаты и несколько лет был послом этой страны в Европе. Его брошюра, озаглавленная "Моральная физиология", была самым красноречивым призывом к родительскому благоразумию или к ранним бракам и маленьким семьям. Эта брошюра была написана впоследствии к другой, написанной мистером Ричардом Карлайлом, озаглавленной "Книга каждой женщины", а также к работе доктора Чарльза Ноултона из Бостона, написанной в 1833 году и озаглавленной "Плоды философии".

Эта последняя работа вместе с работами Оуэна, Карлайла и Остина Холиоака, последняя из которых называлась "Большие и малые семьи", около сорока лет открыто продавалась в Лондоне и других местах, главным образом светской тусовкой. В 1876 году "Плоды философии" подверглись нападкам как непристойная публикация в соответствии с новым Актом парламента, получившим название "Закон лорда Кэмпбелла", а бристольский книготорговец по имени Кук был приговорен к двум годам тюремного заключения за их продажу. Мистер Чарльз Уоттс, лондонский издатель этого произведения, также подвергся судебному преследованию;

но, по его заявлению, ему разрешили выйти на свободу с оплатой издержек. Это не соответствовало взглядам более рыцарственных представителей светской партии, и соответственно мистер Чарльз Брэдло и миссис Анни Безант, лидеры этой партии в Англии, снова опубликовали работу с предисловием и призвали власти привлечь их к ответственности. “Плоды философии” открыто продавались по адресу Стоункаттер-стрит, 28, Лондон, и поскольку городские власти возбудили уголовное дело, дело было направлено для рассмотрения в Королевскую скамью подсудимых, где оно рассматривалось перед лордом-главным судьей Кокберном в июне 1877 года. Подробности этого самого интересного из всех судебных процессов можно найти в работе, опубликованной мистером Чарльзом Брэдло, с которой следует ознакомиться всем, кто желает понять, как постепенно приобретаются наши свободы. Мистер Брэдло в своей замечательной речи утверждал, что пропаганда всех проверок населения является законной, за исключением таких, которые рекомендуют уничтожение плода внутриутробно или ребенка после рождения. Лорд Главный судья признал справедливость принципа популяции и подытожил наиболее благоприятно для подсудимых; но присяжные, будучи совершенно новичками в этом вопросе, вынесли следующий вердикт: “Мы единодушно придерживаемся мнения, что рассматриваемая книга рассчитана на развращение общественной морали; но в то же время мы полностью освобождаем подсудимых от любых коррупционных мотивов при ее публикации”. Оказалось, что обвинительное заключение было ошибочным; и по апелляции в вышестоящий суд подсудимые были освобождены от штрафа и тюремного заключения, наложенных на них главным судьей Кокберном, к которому он приговорил их, потому что они пошли на преступление. о продаже брошюры. В 1877 году была учреждена мальтузианская лига, общество по распространению мальтузианской литературы. В феврале 1878 года мистер Эдвард Трулав, книготорговец из Холборна, Лондон, был привлечен к ответственности властями Лондонского сити за публикацию брошюры достопочтенного Р. Д. Оуэна “Моральная физиология” и другой брошюры, озаглавленной “Индивидуальная, семейная и национальная бедность”. Его дело было блестяще защищено мистером Уильямом Хантером, и мистер Трулав был освобожден; но вскоре после этого в Олд-Бейли состоялся второй судебный процесс, и присяжные вынесли обвинительный вердикт, по которому судья приговорил подсудимого к штрафу в размере 200 фунтов стерлингов и тюремному заключению сроком на четыре месяца. К счастью, здоровье мистера Трулава было превосходным, и он перенес свой срок заключения без травм, выйдя из тюрьмы героем для всех тех, кто понимает огромную ценность дела, за которое он пострадал. В Лондоне больше не проводилось испытаний подобных работ, хотя новая брошюра миссис Анни Безант “Закон народонаселения” и другие в последние годы пользовались довольно большим спросом. На Севере Англии и в Шотландии все еще сохранились остатки старого духа преследования, поскольку бродячий лоточник по имени мистер Уильямсон был заключен в тюрьму в Гуле и Линкольншире за продажу брошюры миссис Безант в 1887 году. В том же году доктор Генри Артур Олбэтт из Лидса опубликовал медицинскую работу под названием “Справочник жены”, в которой подробно рассказывалось о том, как женатые люди могут контролировать размер семьи; и Королевский колледж врачей Эдинбурга в 1887 году вызвал его в марте, чтобы он явился через три месяца, чтобы показать причину, по которой он не должен быть лишен диплома за этот акт общечеловеческого долга. Множество протестов и петиций было немедленно направлено членам Колледжа, демонстрируя им вопиющую порочность их действий; и следствием этого было то, что вплоть до июля 1887 года доктор Х. Артур Олбэтт больше ничего не слышал об этом зверском преследовании со стороны руководящего совета благородной профессии одного из ее членов за то, что он рассказывал бедным, как избавиться от бедности. Лелеются надежды на то, что эта группа

врачей не только откажется от своего несогласия с работой доктора Х. А. Олбатта, но и, возможно, сочтет нужным проявить великодушие и, признав свою ошибку, попросить прощения у оскорбленного человечества.

ПРИЛОЖЕНИЕ.

На Ежегодном собрании Мальтузианской лиги в мае 1887 года, проходившем в Лондоне в Институте Саут Плейс, Финсбери, доктор Чарльз Р. Драйсдейл, президент Мальтузианской лиги, зачитал Президентское обращение, в котором содержались следующие отрывки:—

На это возражение против неомальтузианской пропаганды, которая обычно имеет успех у робких людей, о том, что несдержанность усилилась бы, если бы были приняты средства, рекомендуемые ньюмальтузианцами, м-р Плейс говорит: “Я придерживаюсь мнения, что этого не произошло бы; так много зависит от манер, что, по-видимому, отнюдь не необоснованно ожидать, что, если бы они были улучшены настолько, чтобы значительно усилить благоразумные привычки и поощрять любовь к отличиям, главный источник общественного процветания, и если бы в результате рекомендованного курса все могли рано вступать в брак, было бы меньше проблем”. разврат любого рода. Улучшение манер было бы улучшением морали; и кажется абсурдным предполагать увеличение порока с улучшением морали”.

Мистер Джеймс Милль, друг мистера Плейса, также писавший в 1820 году (статья “Колония”, Encyclop. Брит.) говорит о вопросе рационального контроля населения как о “наиболее важной практической проблеме, к которой может быть применена мудрость политика и моралиста”. “Если бы, — говорит он, - были отброшены детские суеверия и неуклонно соблюдались принципы полезности, найти решение было бы нетрудно, и средства для иссушения одного из самых обильных источников человеческого зла - источника, которого, если убрать все другие источники зла, было бы достаточно, чтобы удерживать огромную массу людей в нищете, не представлялись бы ни сомнительными, ни трудноосуществимыми”.

Мистер Фрэнсис Плейс и мистер Джеймс Милль проявили в этих высказываниях одно из качеств истинных людей науки — то есть они были способны верно предсказать то, что произошло до конца столетия в цивилизованных странах, таких как Англия и Франция. Истинность их пророчеств проявляется в том факте, что у жителей Франции, у которых в начале этого столетия рождаемость составляла 33 ребенка в год на 1000 жителей, сейчас рождается 26 детей на 1000; в то время как Западная оконечность Лондона показывает еще более низкий уровень рождаемости, чем этот, — в Кенсингтоне 20, в Сент—Джордж на Ганновер-сквер 19 и в приходе Хэмпстед 22 на 1000. Во Франции низкий уровень рождаемости обусловлен, как теперь знает каждый интеллигентный человек, неомальтузианскими практиками, а не безбрачием, поскольку во Франции на каждые 1000 жителей приходится 140 замужних женщин в возрасте от пятнадцати до пятидесяти лет, против 133 в этой стране и моложе 128 в Пруссии. Эта осмотренность французского населения со времен Французской революции, по-видимому, была в определенной степени обусловлена приобретением массами населения земельной собственности, а также законом о равном наследовании во Франции, который запрещает родителям оставлять свое недвижимое или движимое имущество одному лицу. Крайнее желание сохранить землю в руках нескольких потомков сделало самых респектабельных французских крестьян самыми осторожными из европейцев. Таким образом, из эссе покойного доктора Бертильона мы находим, что в тридцати департаментах Франции, где насчитывается наибольшее количество собственников земли, 285 на 1000 жителей, коэффициент рождаемости составляет всего 24,7 против 28,1 в тех департаментах, где всего 177 собственников на 1000 населения. Профессиональные классы во Франции настолько заботятся о количестве детей, которых они производят на свет, что у них не бывает и двух детей (1,75) на семью; в то время как среднее количество детей на семью во Франции не превышает 3, по сравнению с 5 в Германии, 4½ в Англии, 5½ в Шотландии и 5½ в бедной и бедствующей Ирландии. Насколько же верно то, что предсказывали Джеймс Милль и мистер Фрэнсис Плейс!

Повсеместно мы можем сказать о современных европейцах, что беднейшие классы менее осмотренны в отношении размера своих семей; и, действительно, г-н де Оссонвиль сказал (“Жизнь и доходы в Париже”), что число детей в семье в бедных кварталах Парижа в три раза больше, чем в богатых кварталах. Та же история почти повторяется в современном Лондоне с 1877 года — *то есть*, с даты судебного процесса над мистером Чарльзом Брэдли и миссис Энни Безант; поскольку уровень рождаемости в Кенсингтоне в настоящее время составляет 20 на 1000 человек против 40 на 1000 в Бетнал-Грин, результат, который с каждым годом становится скорее следствием малочисленности семей в Вест-Энде, чем поздних браков или безбрачия, старомодных причин снижения рождаемости. Знаменитые дела “*Регина против Брэдли и Безант*”, “*Регина против Эдварда Трулава*”, а в настоящее время Королевского колледжа врачей Эдинбурга против уважаемого и образованного врача, доктора Х. А. Олбатта из Лидса, которому этот орган угрожает исключением из списка своих членов, потому что он опубликовал в популярном труде практического характера то, что было сказано так много раз, что многодетные семьи приводят к ранней смерти, проституции и всем ужасам, которым подвержена смертность, раскрыли суть дела. факт, что в умах большинства человечества прочно укоренилась идея, что, если бы люди в целом знали, особенно в раннем возрасте, то, что знает любой студент-медик, как только он начинает изучать анатомию и физиологию, порок и распутство немедленно распространились бы повсюду. Это, действительно, странная идея. Цивилизация отличается от дикой жизни главным образом тем, что цивилизованные люди знают о природе больше, чем дикари; но именно по этой причине цивилизованные люди более

нравственны, чем дикари. “Мы не в состоянии понять, ” говорит месье Жозеф Гарнье, “ как советы о супружеском благоразумии могут привести к расторжению брака и распущенности молодежи. Разве благоразумие не делает состояние брака более счастливым и привлекательным? Пример процветающих и мудро управляемых семей легче побуждает молодежь вступать в брак, чем пример семей, раздавленных пытками нищеты ”. А М.Виллерме, один из величайших писателей о здоровье, созданных в этом столетии, упоминает, что в его время у рабочих Ла-Круа-Руж, Лион, было в среднем всего 3/4 детей в семье; и что “эти рабочие были лучшими во Франции по поведению и достоинству характера”. “Вопрос в том, ” говорит выдающийся вице-президент Мальтузианской лиги мистер Ван Хаутен, депутат гаагского парламента, - может ли мораль требовать, чтобы супружеская пара имела потомство сразу после заключения брака; чтобы постоянно, как только мать, родив одного ребенка, становится способной, на смену первому должен немедленно приходить второй. Вопрос в том, должны ли те, кто менее одарен мирскими благами, сдерживать свои желания и соблюдать целибат, потому что они не в состоянии, следуя традиционной морали, обеспечить семью? Или же те, чья склонность друг к другу или чья вера в будущее была слишком велика, когда их ожидания оказались обманчивыми, должны быть осуждены во имя морали производить на свет детей, которые будут недостаточно накормлены, ухожены и образованы и никогда не смогут стать энергичными гражданами, или которые, будучи болезненными, рождаются только для того, чтобы быстро сойти в могилу, и им на смену придут другие, столь же несчастные ”. Мистер Ван Хаутен справедливо говорит: “Необходимо положить конец нашему невежеству в физиологии. Каждый должен *знать*; и это должно быть предоставлено его собственным требованиям и его собственному суждению о том, как он воспользуется своими знаниями ”.

Насколько опасны для счастья человечества такие суеверия, на которые ссылается м-р Ван Хаутен, лучше всего видно на примере древних цивилизаций Индостана и Китая. Из-за некоторых странных доктрин в этих странах о важности детей как религиозного долга несчастный индуистский народ настолько перенаселен, что мужчина готов усердно работать за заработную плату, эквивалентную шести шиллингам в месяц. Самый образованный из итальянских медиков, пишущих о здоровье, сенатор Пауло Мантегацца упоминает, что его работа была внесена в Указатель папой Римским в 1863 году, потому что он осмелился рекомендовать лицам, страдающим наследственными заболеваниями, такими как безумие или эпилепсия, или чрезмерно бедным людям вступать в брак, но заводить как можно меньше детей. Когда два человеческих существа (говорит этот автор) любят друг друга, и все же из-за плохого здоровья одного или обоих из них есть большая вероятность, что в результате появятся больные дети, является ли большей ошибкой рождение эпилептических, безумных или золотушных детей или предотвращение таких рождений? Или когда из-за чрезмерного увеличения самой семьи люди появляются на свет, почти безжалостно обреченные на голод, деградацию, болезни, является ли большим грехом ограничение числа детей или увеличение страданий человеческой семьи? Какой ответ мы должны дать? В то время как Королевский колледж врачей Эдинбурга демонстрирует жителям конца 19 века такое количество невежества и традиционного фанатизма, которое будет невероятным для следующего поколения, примечательно, что то, что обычно считается самой невежественной Церковью в христианском мире, Святая Католическая Апостольская Римская Церковь, в последнее время продемонстрировала очевидные признаки признания того, что неомальтузианские практики, которые так часто используются во Франции, должны быть признаны, по крайней мере, морально невинными. Так, в 1870 году французский священник доктор Фридрих умолял

Ватиканский собор пересмотреть свое суждение о супружеском благоразумии: “и не навлекать проклятия на столь многие миллионы душ, позволяя руководителям (исповедникам) возлагать на их совесть невыполнимые приказы или запреты. Нашим долгом (воскликает он) будет искать осуждение рассматриваемого деяния только в священных книгах; если будет установлено, что оно запрещено ни декалогом, ни другими законами Божиими, содержащимися в Священном Писании, ни апостолами, ни заповедями Церкви, собранной на Генеральном соборе, ни Папой, выступающим *cathedr*, мы скажем, что это (супружеское благоразумие) никем не может быть осуждено”. Доктор Фридрих продолжает: “Ученый и святой приверженец очень строгого Порядка говорит: “У меня есть я изучил это дело всеми силами своего интеллекта и своей совести и пришел к формальному убеждению, что мы находимся на ложном пути. На мой взгляд, этот поступок намного ниже самого маленького смертного греха, и он значительно смягчается всеми мотивами, которые его провоцируют, реальными мотивами здоровья, даже интереса, семьи и т.д. ’. Наконец, он сообщает нам, что Рим предписал исповедникам задавать очень мало вопросов и как можно меньше останавливаться на этом предмете. Конечно, после этого Королевский колледж врачей Эдинбурга мог бы заколебаться! То, что сделал Рим, несомненно, могли бы сделать и другие церкви; и я рад сказать, что многие выдающиеся представители английского истеблишмента склонны встать на сторону Мальтузианской лиги в ее серьезной рекомендации всем классам общества заменить душераздирающие позитивные меры сдерживания населения — войну, эпидемию и голод — и мучительные муки длительного безбрачия, которые, как показывает статистика доктора Бертильона, столь пагубны даже для продолжительности жизни, гораздо более гуманным и рациональным планом ранних браков с гораздо меньшими семьями, чем это в настоящее время модно среди людей. все классы. Некоторому ограничению численности населения мы должны подвергнуться; и у меня лично нет ни малейшего сомнения в том, что мораль ближайшего будущего будет рассматривать создание больших семей в европейских государствах как самое антисоциальное из всех действий гражданина. Тогда, и не раньше, бедность исчезнет с лица всего цивилизованного общества.

ПРИМЕЧАНИЯ ПЕРЕПИСЧИКА

1. Таблица [содержания](#) добавил переписчик.
2. Р. 101, “четкое [?] исполнение обязанностей, возложенных величайшим из его последователей”, предполагалось как “четкое исполнение обязанностей, возложенных величайшим из его последователей”.
3. Исправлены опечатки и орфографические отклонения.
4. Сохранено анахроничное, нестандартное и неопределенное написание в печатном виде.